ISSN-0132-862X

4
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СОШЕСТВИЕ ВО АД, ИЛИ ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Икона XV века

1993 • 4

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Пасхальное послание Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви 2

Святитель Мелитон Сардийский. О Пасхе 4

Иеромонах Иларион (Алфеев). Святитель Мелитон Сардийский и его сочинение о Пасхе 17

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Павел Тулаев. Православный Херсонес 20

ИЗ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ

В. Козлов. Монастыри России в первые годы после революции 26

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Т. З. Размышления о воскресной школе 34

Священник Симич (Сербская Православная Церковь). Вероучение в школе 39

Святитель Игнатий (Брянчанинов). Из записок 1862—1866 гг. (Действия, существенно нужные для Российской Церкви) 42

Святитель Василий Великий. Советы юношам. (Как получить пользу из языческих сочинений) 43

ПРОПОВЕДЬ

Пимен, архиепископ Саратовский и Вольский. Дела Божии 51

Протоиерей Михаил Орлов. Лествица добродетелей 52

Игумен Феодосий (Троице-Сергиева Лавра). Благовещение Пресвятой Богородицы . . 54

Священник Константин Островский. Возвеличься, жених, и ты возвеселись, невеста! 56

БОГОСЛОВИЕ

Проф. А. Осипов. Святитель Игнатий об основах духовной жизни 58

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин Федченков. На рубеже двух эпох. Две революции *(Продолжение)* 68

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Владимир Воропаев. Гоголь и монашество. (*Окончание следует*) 98

7501 — ХРОНОГРАФ — 1993 111

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II
архипастырям, пастырям и всем верным чадам
Русской Православной Церкви

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

«Крест претерпевый и смерть упразднивый и воскресый из мертвых, умири нашу жизнь, Господи, яко Един Всесилен...»

(На Хвалитех, стихиры, во вторник 2-й седмицы по Пасхе)

Ныне мы светло празднуем и радостными песнопениями воспеваем Воскресение Христово! Воспоминая это евангельское священное событие, мы возносим также хвалу и Кресту Господню: ибо Крестом и Воскресением совершилось наше спасение.

Благодарение Богу,— говорит святой апостол Павел,— *даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!* (1 Кор. 15, 57). *Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти,*— читаем мы в Деяниях апостольских (Деян. 2, 24).

Один из достославных иерархов нашей Церкви XIX века — Митрополит Московский Макарий в пасхальном слове подчеркивает: «Главное бедствие, от которого мы освобождаемся Воскресением Христовым, это грех».

Преосвященные архипастыри, братия мои и сестры, в пределах канонической территории нашей многонациональной Церкви и в рассеянии пребывающие! Апостол языков Павел возвестил нам, что Господь *совершил Собою очищение грехов наших* (Евр. 1, 3). Но мы сами — всё ли делаем для того, чтобы грех не господствовал над нами и среди окружающих нас, чтобы добро не уходило из нашей жизни и не внедрялось в неё зло, чтобы не множились преступления и прекратились рознь и вражда?

Вооруженные конфликты в ряде бывших союзных республик, страдание и гибель множества людей, разрушение городов и сёл, тысячи людей, покинувших свои дома,— вот мрачное следствие утраты любви и милосердия, сострадания и взаимопонимания.

Воскресший Христос Спаситель да уврачует Своим миром ожесточенные души, да укрепит силы поборников примирения!

В государствах, составлявших недавний Союз, мы, их граждане, переживаем немалые трудности, связанные с реформами в жизни общества. Дай нам Бог сохранять христианское терпение и мужество и нести наш крест с сознанием того, что без Креста и без Голгофы не бывает Воскресения. Будем укрепляться верой, надеждой, усердной молитвой и призывать к этому более слабых и немощных, колеблющихся и унывающих...

Отец Церкви IV века святитель Григорий, епископ Нисский, в слове на Святую Пасху говорит: «Настоящий день облегчает всякую скорбь, и нет человека настолько печального, который не находил бы утешения в торжестве праздника».

По долгу Предстоятеля нашей Церкви, я призываю всех вас ревностно хранить единство церковное, попираемое *духами злобы поднебесными* (Еф. 6, 12). Призываю вас соблюдать в чистоте святоотеческие традиции, а также исконные обычаи Матери-Церкви, противостоять влияниям и учениям, чуждым Святой Православной

Церкви, благоговейно чтить национальные православные святыни, созидать и укреплять православную семью — залог и основание доброй нравственности, воспитывать детей в страхе Божием, в любви к Церкви Православной и к Отечеству.

Милостью Божией теперь сняты внешние ограничения в нашем церковном служении и свидетельстве. Пусть каждый найдет свое христианское призвание в ограде Матери-Церкви, участвуя в делах благотворительности и милосердия, в деятельности братств и сестричеств, в молодежном движении, в трудах на поприще духовного просвещения, включая воскресные школы для детей, и во многом другом...

Мы с вами, братие и сестры, духовно очистив себя в Таинстве покаяния, причащаемся Божественных Тела и Крови Христовых. Святитель Василий Великий в своих «Нравственных правилах» вопрошает: «Что свойственно тем, которые вкушают Хлеб и пиют Чашу Господню?» И дает такой ответ: «Соблюдать непрестанное памятование об Умершем за нас и Воскресшем» Спасителе мира.

Нынешний год примечателен тем, что в январе исполнилось 160 лет со дня блаженной кончины преподобного Серафима Саровского, чудотворца, а в июле нам предстоит отметить 90-летие со времени прославления дивного подвижника, которого наш верующий народ называет Духовником земли Российской.

Преподобный Серафим имел особый дар — всегда жить Пасхой Христовой. Всякого человека, приходившего к нему в любой день с добрым намерением и с раскаянием во грехах, старец Серафим осенял крестным знамением и обнимал со словами: «Радость моя! Христос воскресе!»

Не есть ли это и нам назидание в том, что свет и радость Пасхи Господней должны постоянно пребывать в наших душах и сердцах? Святая Церковь содействует нам в этом, Пасха (и только Пасха) имеет продолжение во всем церковном году: Церковь воспоминает Воскресение Христово еженедельно — в первый день седмицы. Этот день потому и называется Воскресением.

Возлюбленные о Господе Преосвященные собратия-архипастыри, дорогие пастыри, всечестные иноки и инокини, боголюбивые миряне! С глубоким чувством пасхальной радости сердечно поздравляю вас с праздником Светлого Христова Воскресения!

Святитель Григорий Богослов, исполненный духовного ликования, восклицает: «Христос востал из мертвых — востаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей — восходите и вы (к Его славе); Христос из гроба — освобождайтесь от уз греха!»

Богу содействующу, да будет именно так — по слову великого святителя!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

АЛЕКСИЙ II, Патриарх Московский и всея Руси

Пасха Христова
1993 года,
г. Москва

О ПАСХЕ

1 Писание об исходе евреев прочитано,
и слова таинства разъяснены:
как овца закалается
и как народ спасается.

2 Итак, разумейте, возлюбленные: это —
новое и ветхое,
вечное и временное,
тленное и нетленное,
смертное и бессмертное
таинство Пасхи.

3 Ветхое по закону,
новое же по Слову,
временное через образ,
вечное через благодать,
тленное через заклание овцы,
нетленное через Господню жизнь,
смертное через погребение в земле,
бессмертное через воскресение из мертвых.

4 Ветхий закон
новое же Слово,
временный образ,
вечная благодать,
тленная овца,
нетленный Господь,
закланный, как агнец,
воскресший, как Бог.

5 Ибо хотя и *как овца, веден был Он на заклание* (Ис. 53, 7),
но не был овцой,
и хотя был как агнец безгласный,
но не был агнцем:
то было образом,
а это было истиной.

6 Ибо вместо агнца был Бог,
и вместо овцы человек,
в человеке же Христос,
Который вместил в Себе все.
И вот, заклание овцы
и пасхальное празднество
и писание закона —
заключены во Христе,
через Которого было все в древнейшем законе,
но еще более — в новом Слове.

7 И закон стал Словом,
и ветхий — новым,
снизойдя из Сиона и Иерусалима,
и заповедь — благодатью,
и образ — истиной,
и агнец — Сыном,
и овца — человеком,
и человек — Богом,

8 Ибо как Сын Он рожден,
как агнец веден,
и как овца заклан,
и как человек погребен,
воскрес из мертвых как Бог,
будучи по природе Бог и Человек,

9 Который есть Все,
Которым судит закон,
Которым учит слово,
Которым спасает благодать,
Которым рождает Отец,
Которым страдает овца,
Которым погребается Человек,
Которым воскресает Бог.
10 Сей есть Иисус Христос,
Которому слава во веки веков, аминь.
11 Это — таинство Пасхи,
как в законе написано,
о чем немного раньше прочитано.
Я объясню слова Писания о том, как Бог повелевает
Моисею в Египте, когда хочет
фараона подвергнуть казням,
Израиль же избавить от казней
рукою Моисея.
12 Ибо «Вот,— говорит,— возьмешь агнца чистого и непорочного
и вечером вместе с сынами Израилевыми заколешь его,
а ночью съешьте его с поспешностью
и костей его не сокрушайте.
13 Так,— говорит,— сделаешь.
В эту самую ночь ешьте его по семействам и домам,
препоясавши чресла ваши
и жезлы в руках ваших.
Это Пасха Господня,
вечное напоминание сынам Израилевым.
14 Взяв же кровь овцы,
помажьте двери домов ваших,
нанеся на косяки знаки исхода;
эта кровь будет знаком для ангела.
Ибо, вот, Я поражу Египет,
и в одну ночь они станут бездетными —
от скота до человека» (см. Исх. 12, 3—12).
15 Тогда Моисей, заколов овцу
и ночью совершив таинство вместе с сынами Израилевыми,
запечатлел двери домов
для защиты людей
и в напоминание ангелу.
16 Когда же овца закалается,
и пасха съедается,
и таинство совершается,
и народ радуется,
и Израиль запечатлевается,
тогда приходит ангел поразить Египет.
Не посвященный в таинство,
не причастный Пасхе,
не запечатленный кровью,
не защищенный Духом,
враг,
неверный,
17 за одну ночь, будучи поражен, стал бездетным.
Ибо ангел, пройдя Израиль и увидев запечатанное кровью
овцы, пошел в Египет и жесткосердного Фараона укротил
через плач, облачив его не в одежду скорби и в разорванную
мантию, но в весь разорванный Египет, плачущий о детях
своих.
18 Ибо весь Египет, рожденный
в болезнях и ранах,

в слезах и рыданиях,
весь он пришел к Фараону плачущим,
не только по наружности,
но и по душе,
разорванным не только по внешней одежде,
но и по сосцам наслаждения.
19 Было же видимо новое зрелище:
одни ударяли себя,
другие рыдали,
и посреди Фараон плачущий,
сидящий на вретище и пепле,
облаченный в непроглядную тьму, как траурную одежду,
препоясанный всем Египтом, как хитоном плача.
20 Ибо Египет лежал перед Фараоном, как одежда плачущего.
Таков был хитон на теле тирана,
в такую одежду облачил ангел правды жестокого Фараона:
в горький плач,
непроглядную тьму
и бездетность.
И был ангел на первородных Египта, и смерть первородных
была быстра и ненасытна.
21 Был же видим новый памятник погибшим,
умершим в один миг.
И стало пищей смерти
поражение лежащих.
22 О новом же несчастье если услышите, удивитесь. Ибо тогда облекла египтян
ночь длинная и тьма непроглядная,
смерть всепожирающая
и ангел скорби
и ад ненасытный
для первородных их.
23 Но послушайте о еще более новом и страшном.
В непроглядной тьме скрылась ненасытная смерть,
и тьма поглотила несчастных египтян,
смерть же, отыскав, пожрала первородных египетских,
по повелению ангела.
24 Итак, кто ощутил тьму,
те и были приведены на смерть.
Если кто-то из первородных рукою объял темное тело,
испуганный в душе, он стенает и страшно кричит:
«Кого держит рука моя?
Кого боится душа моя?
Кто мне тьмою облек все тело?
Если отец, помоги,
если мать, сжалься,
если брат, скажи,
если друг, встань,
если враг, удались,
потому что я — первородный».
25 Но еще прежде, чем замолчал первородный, великая тишина
охватила его, говоря: «Первородный, ты — мой!
Я приговариваю тебя к тишине смерти».
26 Другой же некто первородный, поняв, что первородных
хватают, отрекся от себя, чтобы не умереть так ужасно:
«Я не первородный, я родился третьим ребенком».
Но, не сумев обмануть, присоединился к первородным
и молча упал ниц.
В один миг первородный плод египтян погиб.
Первозачатый, перворожденный, желанный, как закланный,

упал навзничь — и не только у людей, но и у бессловесных животных.

27 На равнинах земли был слышен рев тварей,
оплакивающих грудных детей; ибо теленок и жеребенок
и прочая тварь, рождаемая и питаемая молоком,
горько и жалостно оплакивала первородных детей.

28 Рыдание же и плач был о гибели людей, о мертвых
первородных, ибо весь Египет наполнился смрадом от
непогребенных тел.

29 Страшное же было видимо зрелище:
матери с распущенными волосами, отцы в растерянности ума
страшно кричали на египетском языке: «В один миг мы так
ужасно сделались бездетными, лишившись первородных чад».
Они били себя в грудь, хлопая руками в танце над мертвыми.

30 Таково было несчастье Египта, которое тотчас лишило его детей.
Израиль же был защищен закланием овцы
и просветился от пролитой крови,
и смерть овцы сделалась стеной для народа.

31 О таинство новое и неизреченное!
Заклание овцы сделалось спасением Израиля,
и смерть овцы стала жизнью народа,
и кровь испугала ангела.

32 Скажи мне, о ангел, чего испугался ты?
Овечего заклания
или Господней жизни,
смерти овцы
или образа Господа,
крови овцы
или Духа Господня?

33 Ясно, что ты испугался, видя
таинство Господне,
происшедшее в овце,
жизнь Господню
в заклании овцы,
образ Господа
в смерти овцы.
Поэтому не поразил ты Израиль,
а только Египет сделал бездетным.

34 Что это за новое таинство:
Египет поражен в погибель,
а Израиль сохранен во спасение?
Услышьте силу таинства!

35 Возлюбленные! То, о чем говорится и что происходило,
есть ни что иное, как притча и символ. Все, что бы ни
происходило и ни говорилось, есть притча:
повествуемое — притча,
а происходящее — прообраз,
чтобы происходящее было показано через прообраз,
а повествуемое стало ясно через притчу.

36 Если это не предусмотрение, то само дело не имеет смысла.
Разве не видится будущее через символический образ?
Поэтому совершается изображение будущего —
как бы из воска, или из глины, или из дерева,
чтобы будущее стало видимо
выше в величии
и сильнее в мощи,
прекраснее по форме
и богатое по устроению

37 через малое и тленное изображение. Ибо когда воскреснет Тот,
образом Которого (является происходящее), тогда то, что

содержит образ будущего — как бесполезное разрушается,
и образ истины уступает место тому, что является истиной по природе. Тогда становится бесчестное почитаемым,
ибо становится явной его настоящая ценность.

38 Всему свое время:
образу — свое время,
а реальности — свое время.
Ты творишь образ истины. Желаешь этого, потому что в нем видишь икону будущего. Ты приносишь реальность вместо образа. Желаешь этого потому, что в нем встает (перед тобой) будущее.
Отвергаешь дело и желаешь только этого,
любишь только это,
видя только в нем и образ, и реальность, и истину.

39 Таким образом, как (все происходит) в тленных примерах,
так и в нетленных:
как в земных,
так и в небесных.
И как спасение Господне и истина предъизображены в народе (израильском),
так евангельские догматы предпроповеданы в законе.

40 Итак, народ был образом и предзнаменованием,
а писание закона — притчей,
Евангелие же есть изъяснение и исполнение закона,
а Церковь — принятие истины.

41 Итак, образ имел ценность до истины,
а притча была удивительна до изъяснения.
То есть
народ имел ценность до того, как востала Церковь,
и закон был удивителен до того, как воссияло Евангелие.

42 Когда же востала Церковь
и Евангелие превзошло (закон),
образ исчерпал себя,
передав силу истине,
и закон исполнился,
передав силу Евангелию.
Каким образом истощился закон,
передав образ тому, что по природе есть истина,
и притча иссякла,
поскольку воссияло изъяснение,

43 таким же образом и закон исполнился,
когда воссияло Евангелие,
и народ истощился,
когда востала Церковь,
и образ разрешился,
когда Господь был явлен,
и сегодня стало ненужным то, что когда-то имело ценность,
так как явлено драгоценное по природе.

44 Когда-то заклание овцы было драгоценно,
ныне же оно обесценилось из-за Господней жизни;
драгоценна была смерть овцы,
ныне же обесценилась из-за Господнего спасения;
драгоценна была кровь овцы,
ныне же обесценилась из-за Господнего Духа;
драгоценен был безгласный агнец,
ныне же обесценился из-за непорочного Сына,
драгоценен был нижний (земной) храм,
ныне же обесценился из-за Христа, Который свыше;

45 драгоценен был нижний Иерусалим,
ныне же обесценился из-за горнего Иерусалима;

драгоценно было узкое наследие,
ныне же обесценилось из-за широкой благодати.
Ибо не на одном месте и не на маленькой земле поселяется
слава Бога, но во все концы вселенной изливается благодать
Его, и все покрыл Вседержитель Бог через Иисуса Христа
Которому слава во веки веков. Аминь.
46 Итак, вы услышали разъяснение образа и воздаяния;
послушайте и устроение таинства.
Что такое Пасха? Ибо она называется этим именем от
случившегося: от «претерпевать» (pathein) произошло
«страдать», или «праздновать Пасху» (paschein).
Итак, научитесь, кто страдает, и кто сострадает
47 страждущему, для чего Господь сошел на землю: чтобы,
одевшись в страждущего, восхитить его превыше небес.
Бог, в начале сотворивший посредством Слова
небо и землю и все, что на них, создал на земле человека
и дал ему дыхание. Поселил же его Бог в раю на востоке,
в Эдеме, чтобы он там наслаждался. Также Бог заповедал ему:
От всякого дерева, которое в раю, вкушайте плоды,
от дерева же познания добра и зла не вкушайте,
ибо в тот день, в который вкусите, смертью умрете (Быт. 2, 8).
48 Человек же, который по природе способен вместить
и добро и зло, как земля принимает и те, и другие семена,
принял совет врага и сластолюбца и, прикоснувшись к древу,
преступил заповедь и ослушался Бога. Итак, он был выброшен
в этот мир, как осужденный на заключение в тюрьму.
49 Когда же он умножился и стал долголетен и
из-за вкушения от древа в землю возвратился, осталось от него
наследство детям его.
Ибо он оставил в наследство детям
не чистоту, но блуд,
не нетление, но тление,
не честь, но бесчестие,
не свободу, но рабство,
не царство, но тиранию,
не жизнь, но смерть,
не спасение, но гибель.
50 Новой же и страшной стала гибель людей на земле.
Ибо вот что тогда случилось с ними: они были похищены
тиранствующим грехом и влачимы к местам похотей,
где утопали в ненасытных услаждениях:
прелюбодеянии,
блуде,
распутстве,
похоти,
сребролюбии,
убийствах,
кровопролитиях,
тирании зла,
тирании беззакония.
51 Ибо и отец на сына поднял меч,
и сын на отца поднял руку,
и по сосцам кормящих матерей ударил нечестивый,
и брат брата убил,
и странник странника оклеветал,
и друг друга умертвил,
и человек человека заколол
тиранической рукой.
52 Итак, все на земле стали — одни человекоубийцами,
другие братоубийцами, иные отцеубийцами и иные детоубийцами.

Но нашлось и еще нечто более страшное и новое. Некая мать коснулась тела, которое родила, прикоснулась к тому, кого питала сосцами, и ввергла в чрево плод чрева своего, и несчастная мать стала страшным гробом, проглотив ребенка, которого носила в утробе.

53 Что еще скажу? Ибо много другого еще более странного, ужасного и нечестивого нашлось в людях.

Отец (хотел) любодействовать с дочерью,
и сын с матерью,
брат с сестрой,
и мужчина с мужчиной,
и *каждый ржал на жену ближнего* (Иер. 5, 8).

54 Грех же радовался этому. Будучи сотрудником смерти, он предводительствовал человеческими душами и готовил ей в пищу мертвые тела. На всякой же душе грех оставлял след, и на кого бы он ни был положен, те умирали.

55 Итак, всякая плоть впала в грех,
и всякое тело в смерть,
всякая душа выселялась из телесного дома,
и взятое от земли возвращалось в землю,
и дарованное от Бога заключалось в ад,
и происходило разрушение прекрасного состава,
и отделялось (от души) прекрасное тело.

56 Человек был разделяем смертью. Ибо новое несчастье и пленение объяло его.

Он был влеком, как пленник, тенью смертной,
и образ Отца лежал пустой.

Именно по этой причине совершилось в теле Господа таинство Пасхи.

57 Вначале же Господь предуказал Свое страдание в патриархах, в пророках и во всем народе, запечатлев через закон и пророков. Ибо будущее станет ново и велико: оно издалека предуказано, издавна прообразовано, чтобы потом, когда оно осуществится, ему поверили.

58 Так и таинство Господа
прообразовано издавна, видится же сегодня,
будучи завершено верою,
хотя и кажется для людей чем-то новым.

Ибо таинство Господне ветхое и новое —
ветхое по образу,
новое же по благодати.

Но если взглянешь на этот образ, увидишь истинное через исход.

59 Поскольку же ты хочешь увидеть таинство Господне, взгляни
на Авеля, подобным образом убитого,
на Исаака, подобным образом связанного,
на Иосифа, подобным образом проданного,
на Моисея, подобным образом изгнанного,
на Давида, подобным образом гонимого,
на пророков, подобным образом страдавших за Христа.

60 Взгляни же и
на овцу, в земле египетской закланную,
на поразившего Египет
и спасшего кровью Израиль.

61 Таинство же Господне проповедано и пророческим голосом.

Ибо Моисей говорит народу:

И увидите Жизнь вашу, висящую пред очами вашими день и ночь, и не уверуете в Жизнь вашу (Втор. 28, 66).

62 Давид же сказал:
Зачем мятутся народы,
и люди замышляют тщетное?
Предстали цари земные,
и начальники собрались вместе
против Господа и против Христа Его (Пс. 2, 1).

63 Иеремия же:
Я как незлобивый агнец, ведомый на заклание,
Они замыслили зло против Меня, говоря:
Давайте положим дерево в пищу Его
и отторгнем Его от земли живых,
и имя Его больше не будет поминаться (Иер. 11, 19).

64 А Исаия:
Как овца, веден был Он на заклание,
и, как агнец перед стригущим его, безгласен,
так Он не отверзает уст Своих.
Рождение же Его кто поведает? (Ис. 53, 7).

65 Много и другого проповедано многими пророками о таинстве Пасхи, которая есть Христос; Ему слава во веки веков. Аминь.

66 Сей, сошедший с небес на землю ради страждущего, облекся в него через утробу Девы и, придя как человек, воспринял страдание страждущего через тело, которое могло страдать, и разрушил страдание плоти, а духом, который не мог умереть, умертвил человекоубийцу-смерть.

67 Ибо Он, как агнец ведомый,
и как овца закалаемая,
искупил нас от служения миру,
как от земли египетской,
и разрешил нас от рабства диаволу,
как от руки Фараона,
и запечатлел наши души
Своим Духом,
и члены тела —
Своей кровью.

68 Сей есть разрешивший стыд смерти
и оставивший диавола плачущим,
как Моисей — Фараона.
Сей есть поразивший беззаконие
и сделавший бездетной неправду,
как Моисей — Египет.
Сей есть изведший нас
из рабства в свободу,
из тьмы в свет,
из смерти в жизнь,
из тирании в царство вечное,
и сделавший нас новым священством
и народом избранным навечно.

69 Сей есть Пасха спасения нашего.
Сей есть много претерпевший во многих.
Сей есть в Авеле убитый,
и Исааке связанный,
В Иакове странствовавший,
В Иосифе проданный,
в Моисее изгнанный,
в агнце закланный,
в Давиде гонимый,
в пророках бесчестимый.

70 Сей есть от Девы воплотившийся,
на древе повешенный,

в земле погребенный,
из мертвых воскресший,
выше небес вознесенный.

71 Сей есть Агнец безгласный.
Сей есть Агнец убиваемый.
Сей есть родившийся от Марии, прекрасной Агницы.
Сей есть взятый из стада
и на заклание влекомый,
и вечером принесенный в жертву,
и ночью погребенный.
на древе не сокрушенный,
в земле не разрушившийся,
из мертвых воскресший
и воскресивший человека от нижнего гроба.

72 Он убивается. И где убивается? Посреди Иерусалима.
За что?
За то, что хромых их исцелил
и прокаженных их очистил.
слепых их привел к свету
и мертвых их воскресил.
За это Он пострадал.
Об этом написано в законе и пророках:
Воздали Мне злом за добро, сиротством душе Моей,
замышляя против Меня зло, говоря: свяжем Праведника,
потому что Он неудобен нам (Пс. 34, 12).

73 Зачем, о Израиль, ты сотворил новую несправедливость?
Обесчестил почтившего тебя.
Обесславил прославившего тебя.
Отверг исповедавшего тебя.
Отрекся от проповедавшего тебе.
Убил оживотворившего тебя.
Что сделал ты, о Израиль?

74 Разве не тебе написано:
«Не проливай кровь неповинного, чтобы не погибнуть
ужасно»?
«А я,— говорит Израиль,— убил Господа». Почему?
— «Потому что Он должен был страдать».
Обманываешься, о Израиль, так мудрствуя о Господней жертве.

75 Он должен был страдать, но не от тебя.
Должен был быть обесчещен, но не тобой.
Должен был быть осужден, но не тобой.
Должен был быть повешен, но не твоей рукой.

76 Вот какими словами, о Израиль, ты должен взывать к Богу:
«О Владыко! Если и должно было Сыну Твоему пострадать
и такова Твоя воля,
то пусть страдает, но не от меня
пусть страдает от прочих народов,
пусть осуждается необрезанными,
пусть пригвождается десницей тирана,
но не моей».

77 Ты же, о Израиль, такими словами не возопил к Богу,
не принес очистительную жертву Владыке,
не смутился от дел Его.

78 Не устыдила тебя ни сухая рука,
восстановленная для тела,
ни глаза слепых,
отверстые Его рукой,
ни расслабленные тела,
голосом Его воздвигнутые,
и даже новейшее знамение не устыдило тебя,

когда мертвый был из гроба воздвигнут,
уже четверодневный.

79 Ты же, пренебрегши этим, вечером для заклания Господа приготовил Ему острые гвозди и свидетельства лжецов, сети и раны, уксус и желчь, меч и скорбь, как разбойнику-убийце. Ибо ты принес и раны телу Его, и терния голове Его, и связал Его добрые руки, которые сотворили тебя из земли, и добрые Его уста, напитавшие тебя жизнью, напоил желчью, и убил твоего Господа в великий праздник.

80 И ты веселился,
а Он голодал,
ты пил вино и ел хлеб,
а Он — уксус и желчь.
ты имел веселое лицо,
а Он скорбел,
ты радовался,
а Он печалился,
ты пел,
а Он осужден,
ты повелевал,
а Он пригвождался,
ты танцевал,
а Он погребался,
ты лежал на мягкой постели,
а Он — в пещере и гробе.

81 О Израиль беззаконный, зачем совершил ты эту новую несправедливость, подвергнув новым страданиям твоего Господа,
Владыку твоего,
создавшего тебя,
сотворившего тебя,
почтившего тебя,
назвавшего тебя Израилем?

82 Ты же не являешься Израилем,
потому что не увидел Бога,
не уразумел Господа,
не понял, о Израиль,
что Он есть Первородный Божий,
прежде денницы рожденный,
сотворивший свет,
просветивший день,
отделивший тьму,
поставивший первую границу,
повесивший землю,
угасивший бездну,
простерший твердь,
украсивший мироздание,

83 сотворивший звезды небесные,
зажегший светила,
сотворивший ангелов на небе,
поставивший там престолы,
сотворивший на земле человека.
Сей был избравший тебя,
Ведший тебя по пути
от Адама до Ноя,
от Ноя до Авраама,
от Авраама до Исаака, Иакова и двенадцати Патриархов.

84 Сей был изведший тебя в Египет
и сохранивший тебя
и напитавший там.

Сей был идущий впереди тебя в столпе светлом,
и покрывший тебя облаком,
и разделивший Красное море,
и проведший тебя,
и рассеявший твоего врага.
85 Сей есть давший тебе манну с неба,
напоивший тебя из скалы,
давший тебе закон в Хориве,
давший тебе землю в наследие,
пославший тебе пророков,
воздвигший тебе царей.
86 Сей есть пришедший к тебе,
исцеливший твоих страждущих,
воскресивший твоих мертвых.
Сей есть Тот, Которого ты унизил.
Сей есть Тот, Которого ты оклеветал.
Сей есть Тот, Которого ты убил.
Сей есть Тот, Которого ты ограбил,
требуя с Него дидрахму
за голову Его.
87 Неблагодарный Израиль, прииди и судись со мною
о твоей неблагодарности!
Во сколько ты оценил Его руководство тобою?
Во сколько ты оценил избрание отцов твоих?
Во сколько ты оценил приход в Египет
и питание там через доброго Иосифа?
88 Во сколько ты оценил десять казней?
Во сколько ты оценил ночной столб
и дневное облако
и переход через Красное море?
Во сколько ты оценил ниспослание манны с неба,
подание воды из скалы,
установление закона в Хориве,
обещание земли в наследие
и дары ее?
89 Во сколько ты оценил страждущих,
которых Он, придя, исцелил?
Оцени мне сухую руку,
которую Он восстановил в теле.
90 Оцени мне слепых от рождения,
которых Он голосом Своим вывел к свету.
Оцени мне лежащих мертвых,
которых Он воскресил из гробов в три или четыре дня.
Бесценны Его дары тебе.
Ты же, не оценив их, воздал Ему неблагодарностью,
воздал Ему злом за добро,
и скорбью за благодать,
и смертью за жизнь,
91 за что и должно было тебе умереть.
Ведь если у народов царь похищен врагами,
ради него война начинается,
ради него стена сокрушается,
ради него город расхищается,
за него выкуп предлагается,
ради него послы посылаются,
чтобы избавить его
или чтобы вернуть его живым,
или чтобы похоронить мертвым.
92 Ты же, наоборот, вынес приговор против Господа твоего,
Которому народы поклонились

и необрезанные удивились,
Которого язычники прославили,
[и отстранившись от] Которого Пилат умыл руки,
ты убил Его в великий праздник.

93 Поэтому горек тебе праздник опресноков, как написано тебе:
Съешьте опресноки с горькими травами (Исх. 12, 8).
Горьки тебе гвозди, которые ты заострил,
горек тебе язык, который ты изощрил,
горьки тебе лжесвидетели, которых выставил,
горьки тебе сети, которые приготовил,
горьки тебе раны, которые нанес,
горек тебе Иуда, которому дал мзду,
горек тебе Ирод, за которым последовал,
горек тебе Каиафа, которому поверил,
горька тебе желчь, которую приготовил,
горек тебе уксус, который сделал,
горьки тебе тернии, которые собрал,
горьки тебе руки, которые обагрил кровью.
Убил ты своего Господа посреди Иерусалима.

94 Слушайте, все семьи народов, и смотрите:
Новое убийство произошло в Иерусалиме,
в городе закона,
в городе евреев,
в городе пророков,
в городе, слывущем праведным.
И Кто убит?
Кто же убийца?
Стыжусь говорить,
но обязан сказать.
Ибо если бы ночью случилось убийство,
или в пустынном месте Он был заклан,
было бы легко молчать.
Ныне же посреди широкой улицы и города,
посреди города и на виду у всех
произошло неправедное убийство Праведника.

95 И так Он вознесен на древе, и надпись поставлена, обозначая
Убитого. Кто Он? Тяжело сказать, но не сказать еще страшнее.
Впрочем, слушайте, трепеща перед Тем, перед Кем трепещет
земля.

96 Повесивший землю — повешен.
Распростерший небеса — распростерт.
Утвердивший все — утвержден на древе.
Владыка — оскорблен.
Бог — убит.
Царь Израилев — взят
десницей израильской.

97 О новое убийство, о новое преступление! Владыка
изменяет образ: Его Тело обнажается и не удостаивается даже
одежды, чтобы не быть видимо. Из-за этого светила
отвернулись и день потемнел, чтобы скрыть Обнаженного
на древе, не Господне Тело затемняя, но глаза этих людей.

98 Ибо, когда народ не трепетал,
затрепетала земля.
Когда народ не боялся,
убоялись небеса.
Когда народ не разрывался (от скорби),
ангел разрывался.
Когда народ не плакал,
возгремел с неба Господь,
и Всевышний подал голос (Пс. 17, 4).

99 Поэтому, о Израиль,
ты не вострепетал перед Господом.
не убоялся Господа,
не зарыдал о Господе,
не заплакал о первородных твоих,
не восскорбел о повешенном Господе,
не разорвался (скорбью) об убитых твоих.
Ты оставил Господа
и не найден под Ним.
Ты убил Господа
и сокрушен ниц.
И ты лежишь мертв,
100 а Он воскрес из мертвых
и взошел превыше небес.
Господь, облекшийся в человека,
и пострадавший ради страждущего,
и связанный ради удерживаемого в узах,
и осужденный ради приговоренного к смерти,
и погребенный ради похороненного,
101 воскрес из мертвых и воззвал таким голосом:
«Кто судящий против Меня?
Противостань Мне.
Я осужденного развязал.
Я мертвого оживотворил.
Я погребенного воскресил.
102 Кто спорящий со Мной?
Я,— говорит,— Христос,
Я разрушивший смерть
и победивший врага,
и поправший ад,
и связавший сильного,
и восхитивший человека
превыше небес.
Я,— говорит,— Христос».
103 «Итак, приидите все семьи людей, запятнанные грехом,
и получите отпущение грехов.
Я есмь ваше отпущение,
Я — Пасха спасения,
Я — Агнец, закланный за вас,
Я — искупление ваше,
Я — жизнь ваша,
Я — воскресение ваше,
Я — свет ваш,
Я — спасение ваше.
Я — Царь ваш.
Я вас возведу превыше небес.
Я вам покажу превечного Отца.
Я вас восставлю Моей десницей».
104 Сей есть сотворивший небо и землю
и создавший вначале человека,
через закон и пророки проповедавший,
в Деве воплотившийся,
на древе повешенный,
в земле погребенный —
из мертвых воскрешенный
и восшедший превыше небес,
сидящий одесную Отца,
имеющий власть всех судить и спасать,
через Которого Отец все сотворил от начала навеки.
105 Сей есть Альфа и Омега.

Сей есть начало и конец —
начало неизъяснимое и конец непостижимый.
Сей есть Христос.
Сей есть Царь,
Сей есть Иисус,
Сей Полководец,
Сей Господь,
Сей воскресший из мертвых,
Сей сидящий одесную Отца.
Он носит Отца и носим Отцом.
Ему слава и держава во веки. Аминь.

Мир написавшему и читающему и любящим Господа в простоте сердца

Перевод иеромонаха Илариона (Алфеева).

Нумерация и расположение стихов соответствует изданию: Meliton de Sardes. Sur la Paque // Sources Chretiennes 123, Paris, 1966.

Автор перевода приносит благодарность Л. А. Фрейберг за помощь в работе.

Святитель Мелитон Сардийский и его сочинение о Пасхе

Исторические сведения о святителе Мелитоне и его произведениях

Святитель Мелитон жил во II веке и был епископом города Сарды в Лидии (Малая Азия). Наиболее раннее упоминание о нем содержится в письме Поликрата Ефесского Римскому Папе Виктору, (Eusebe Histoire ecclesiastique 5.26; SC 41), в котором о Мелитоне говорится как о «целиком жившем в Духе Святом, почивающем в Сардах». Это письмо цитирует Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории».

На святителя Мелитона ссылается Ориген (III век) в толковании на 3-й Псалом: «Мелитон Асийский сказал, что (Авессалом) есть прообраз диавола, восставшего на Христово царство» (ВЕП 15, 275; PG 12, 1120 A)*. В толкованиях на книгу Бытия Ориген также ссылается на святителя Мелитона, «оставившего писания о воплотившемся Боге» (ВЕП 11, 126).

Более полные сведения о святителе Мелитоне содержатся у Евсевия Кесарийского (IV век), который говорит о нем в 4-й книге своей «Церковной истории»: «В это же время на верху своей славы находились Мелитон, епископ в Сардах, и Аполлинарий, епископ в Иераполе, которые — каждый особо — обратились к тогдашнему римскому императору с апологией нашей веры. До нашего времени дошли следующие сочинения Мелитона: О Пасхе (две книги), Об образе жизни и о пророках; О Церкви, О дне Господнем; О вере человеческой; О творении; О послушании чувств вере и, кроме того, О душе и теле (или О едином), О Крещении, Об истине, вере и о рождении Христа, О пророчествах о Нем, О гостеприимстве, Ключ; О диаволе, Об Откровении Иоанна, О Боге воплотившемся и, наконец, Прошение к Антонину» (Hist. Eccl. 4, 26, SC 31, p. 209). Перечень Евсевия показывает, что святитель Мелитон был плодовитым церковным писателем и апологетом; его сочинения в IV веке были хорошо известны.

Затем Евсевий ссылается на книгу святителя Мелитона «О Пасхе» и цитирует фрагмент из авторского предисловия к ней: «При Сервилии Павле, проконсуле в Асии, в то время, когда мученически скончался Сагарис, в Лаодикии произошел большой спор о Пасхе, которая в те дни пришлась в то самое время. Тогда это и было написано» (Hist. Eccl. 4, 26, SC 31, p. 209). Это предисловие важно для установления даты написания сочинения «О Пасхе». Сервилий Павел был проконсулом Асии в 164—166 годах, следовательно, к этому времени и должен быть отнесен труд святителя Мелитона.

Далее Евсевий приводит фрагменты из других сочинений святого Мелитона, проливающие свет на некоторые детали биографии святителя. В одном из этих фрагментов святитель говорит о своем путешествии в Палестину с целью выяснения подлинности книг Священного Писания Ветхого Завета: «Итак, я отправился на Восток и дошел до того

* Здесь и далее сокращения: ВЕП — Bibliothiki ton ellinon pateron (на греч. яз.); PG — J. P. Migne Patrologiae cursus completus, ser. graeca; SC — Sources Chrétiennes.

места, где было проповедано и исполнено (Писание) и, точно узнав о книгах Ветхого Завета, послал тебе их список. Вот их наименования: Моисея пять (книг) — Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие; Иисус Навин, Судьи, Руфь, четыре книги Царств, две Паралипоменон, Псалмы Давида, Притчи Соломоновы, или также Премудрость, Екклезиаст, Песнь песней, Иов; пророки — Исаия, Иеремия и двенадцать (малых пророков.— *Авт.*) в одной книге; Даниил, Иезекииль, Ездра. Из них я сделал выборки, разделив их на шесть книг» (Hist. Eccl. 4, 26, SC 31, p. 211).

Наконец, Евсевий упоминает о книгах святителя Мелитона в связи с ересью Павла Самосатского, отвергавшего Божественную природу Иисуса Христа: «Кто не знает книг Иринея, Мелитона и других, провозглашающих Христа Богом и человеком?» (Hist. Ecc. 5, 28 SC 41, p. 75). Все эти упоминания показывают, что сочинения святителя Мелитона в III—IV веках считались образцовыми в плане раскрытия православной христологии и ими широко пользовались для защиты православного учения от ересей.

Два фрагмента из сочинений святителя Мелитона приведены преподобным Анастасием Синаитом (VII век: один — из «3-го слова о воплощении Христа» (PG. 89, 228 D—229 B), другой — из «Слова о страстях» (PG. 89, 197 A). До нашего времени сохранились и некоторые другие фрагменты из произведений святителя Мелитона Сардийского, однако основная часть его литературного наследия утрачена.

«О ПАСХЕ»: АТРИБУЦИЯ ПАМЯТНИКА, ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ»

Папирус IV века, содержащий полный греческий текст сочинения святителя Мелитона Сардийского «О Пасхе» (Bodmer. XIII), был открыт К. Боннэром в 1940 году (см.: C. Bonner. A supplementary Note on the Opening of Melito's Homily. The Harvard Theological Review, XXXVI, 1943, p. 317).

До этого времени были известны лишь отдельные фрагменты памятника в оригинальной, а также латинской, сирийской, коптской и грузинской версиях. Первое критическое издание памятника осуществил в 1966 году О. Перле в серии «Sources Chrétiennes» (Méliton de Sardes. Sur la Pâque. SC 123).

Является ли найденный Боннэром текст тем же самым произведением святителя Мелитона, о котором упоминал Евсевий Кесарийский? Последний называет сочинение святителя Мелитона Ta peri tou Pascha dio (Hist. Eccl. 4, 26). То же самое название Peri Pascha, за исключением артикля tou и упоминания о двух книгах (dio), содержится в начале и конце текста Bodmer. XIII. Правда, приведенный Евсевием фрагмент из книги «О Пасхе» не встречается в кодексе Bodmer. XIII. Это, однако, не дает оснований считать, что Евсевий говорит о другом произведении. Переписчик Bodmer. XIII мог опустить авторское предисловие ввиду того, что оно, по-видимому, затрагивало вопрос о дате празднования Пасхи, потерявший свою актуальность к моменту написания манускрипта. Кроме того, Евсевий указывает на книгу «О Пасхе» Климента Александрийского, «которую... тот составил по поводу писания Мелитона» (Hist. Eccl. 4, 16), а речь в книге Климента, насколько можно судить по сохранившимся ее фрагментам (см.: ВЕП 8, 380—382), идет о том же, что и у святителя Мелитона,— рассматриваются ветхозаветные прототипы страданий и смерти Христа.

Преподобный Анастасий Синаит, цитируя святителя Мелитона, называет его сочинение Logos eis Pathos (Слово о страдании Христа). Это название соответствует сирийской версии произведения святителя (SC 123, p. 117), однако отличается от названия в греческих кодексах. Разница в названии связана с тем, что слово pascha, происходящее от еврейского pesach (переход), созвучно греческому глаголу paschein (страдать) и воспринималось святителем Мелитоном Сардийским как производное от этого глагола: «Что такое Пасха? Ибо она называется этим именем от случившегося — от pathein (претерпевать) произошло paschein (страдать, или праздновать Пасху)» («О Пасхе», стих 46). Такая этимология была весьма распространенной. Во II веке она встречается у святителя Иринея Лионского (Adversus haereses 4.10.1; PG 7, 1000 B). В IV веке святитель Григорий Богослов указывает, что некоторые, приняв еврейское слово fascka, означающее «переход», за указание на спасительное страдание Христа и изменив в нем две буквы ради созвучия с глаголом pascho, назвали день Воскресения Христова Пасхой, потому что это слово «нравилось слуху народа» (Oratio 45, 10; PG 36, 636 C). Позднее о той же этимологии упоминают святитель Иоанн Златоуст (Opera omnia, Paris, 1834—39, t. 8, col. 231 D), Прокопий Газский (PG 87, 561 B) и другие авторы. Неудивительно, что преподобный Анастасий Синаит называет сочинение святителя Мелитона Eis Pathos, что фактически было синонимом Eis Pasha (SC 123, p. 17).

Название, фигурирующее в сирийской версии и у преподобного Анастасия, оправдывается еще и тем обстоятельством, что произведение святителя Мелитона могло являться проповедью в Великую Пятницу — так, во всяком случае, считал К. Боннэр. Великая Пятница — день, посвященный воспоминанию страданий и крестной смерти Иисуса Христа,— с глубокой древности называлась христианами «Пасхой распятия» (pascha stabrosimon) в отличие от «Пасхи Воскресения» (pascha anastasimon), празднуемой в «день Солнца». Образ Христа страдающего и распинаемого был неотделим в сознании ранних христиан от образа Христа воскресшего, и Великая Пятница являлась началом пасхального торжества. К тому же

святитель Мелитон вместе с малоазийскими церквами праздновал Пасху в 14-й день лунного месяца, приходившийся на любой день недели, и, следовательно, воспоминание «Пасхи распятия» могло тоже совершаться в любой день накануне «Пасхи Воскресения».

В 1972 году М. ван Эсбрук обнаружил в Тбилиси рукопись на грузинском языке, содержащую фрагмент проповеди святителя Мелитона Сардийского «О душе и теле и страстях Господних» (M. van Esbroeck. Nouveaux fragments de Méliton, de Sardes, Analecta Bollandiana, t. 90, p. 63, Bruxelles 1972).

Этот фрагмент содержит текст, отличный от греческой версии сочинения «О Пасхе», однако стилистически весьма близок к последнему. Не является ли это произведение второй из «двух книг» святителя Мелитона о Пасхе, упоминаемых Евсевием? Кроме того, сравнение обоих памятников с богослужебными текстами Страстной седмицы показывает, что проповеди святителя Мелитона, возможно, были одним из источников составленных впоследствии антифонов Великой Пятницы.

По жанру произведение святителя Мелитона «О Пасхе» скорее напоминает богослужебную поэму или praeconium pasc ale (торжественную пасхальную речь), чем обычную проповедь. Оно читалось в церкви непосредственно после ветхозаветных паримий из книги Исход («Писание об исходе евреев прочитано, и слова таинства изъяснены»). Произведение написано ритмизованной прозой с использованием приемов, характерных для подобного рода пасхальных декламаций. Один из таких приемов — параллелизм по принципу противопоставления или сравнения: «Ветхий закон, новое же слово; временный образ, вечная благодать; тленная овца, нетленный Господь; закланный, как ангец, воскресший, как Бог» (стих 4). «Ты веселился, а Он голодал; ты пил вино и ел хлеб, а Он — уксус и желчь; ты имел веселое лицо, а Он скорбел; ты радовался, а Он печалился; ты пел, а Он был осужден...» (стих 80). Другой не менее характерный прием — нанизывание на одну и ту же тематическую ось целой серии эпитетов или образов, каждый из которых углубляет и восполняет предыдущие: «Тогда посылается ангел поразить Египет. Не посвященный в таинство, не причастный Пасхе, не запечатленный кровью, не защищенный Духом, враг, неверный, за одну ночь, будучи поражен, стал бездетным» (стихи 16—17); «Сей есть в Авеле убитый, в Исааке связанный, в Иакове странствовавший, в Иосифе проданный, в Моисее изгнанный, в агнце закланный, в Давиде гонимый, в пророках бесчестимый» (стих 69). Подобные приемы употреблены, например, в «Пасхальном огласительном слове», приписываемом святому Иоанну Златоусту и читаемом на Пасхальной утрене: «И последнего милует, и первому угождает, и тому дает, и этому преподносит: и дела принимает, и намерения приветствует... Ад огорчился, встретив Тебя долу: огорчился, ибо упразднился; огорчился, ибо был осмеян; огорчился, ибо был умерщвлен; огорчился, ибо был низложен; огорчился, ибо был связан... Воскрес Христос — и ты низвергся. Воскрес Христос — и пали демоны. Воскрес Христос — и ни одного мертвеца во гробе» (PC 59, 722—724).

По мнению Э. Веллеша, пасхальная проповедь святителя Мелитона Сардийского была одним из прототипов жанра кондака, получившего распространение в византийской церковной гимнографии с конца V века. Веллеш считает, что произведение святителя Мелитона не пелось, а читалось нараспев — это так называемое экфонетическое чтение, из которого впоследствии развилось церковно пение (E. Wellesz. Melito's Homily on the Passion: An Investigation into the Sources of Byzantine Hymnography Journal of Theological Studies. XLIV, Oxford, 1943, p. 41—52).

Язык поэмы изобилует библейскими терминами и выражениями: едва ли не каждый стих поэмы содержит в себе аллюзию на священные тексты (О. Перле указывает более 500 подобных аллюзий). Это связано с общим замыслом произведения, целью которого было возможно более полное раскрытие ветхозаветной типологии страданий и смерти Иисуса Христа.

Личность Христа является духовным центром всего произведения. Святитель Мелитон называет Его различными именами, в том числе Богом, Словом, Первородным, Сыном, Господом, Человеком, Воскресением, Агнцем, Жизнью, Светом, Благодатью, Отцом и Духом. Употребление двух последних имен применительно ко Христу не означает того, что святитель Мелитон отождествляет Лица Святой Троицы, поскольку во многих случаях он проводит ясное различие между Ними, например: «рождает Отец» — «рождается Сын» (стих 9). Триадологическая терминология святителя Мелитона соответствует словоупотреблению апологетов II века, а не позднейшей и несравненно более отточенной терминологии святителя Афанасия Александрийского и великих каппадокийцев.

Сочинение святителя Мелитона «О Пасхе» является выдающимся памятником христианской богослужебной поэзии. По богатству образов, лаконизму и поэтичности выражения оно не знает себе равных среди дошедших до нас произведений отцов Церкви этой эпохи.

Иеромонах ИЛАРИОН (Алфеев)

Православный Херсонес

I

Испокон веков земли, которые нас приучили называть Крымом, были заселены пестрым в этническом отношении населением. Одна цивилизация сменяла другую, волнами проходили кочевые племена, со всех сторон света шли колонизаторы и завоеватели. Из-за уникального географического положения сравнительно небольшая по территории часть суши, омываемая водами Черного моря, стала перекрестком важнейших торговых и военных путей.

За несколько веков до Рождества Христова на полуострове прочно обосновались племена тавров, занимавшихся охотой, рыболовством и земледелием. Населенные ими земли стали называться «таврическими». За таврами пришли скифы, воинственные, ираноязычные, арийские племена, подчинившие своему влиянию обширные территории от Дуная до Дона. Они вступили в военный союз с таврами и создали Великую Скифию, куда полуостров входил как составная часть. Столица ее — Неаполь — находилась на месте нынешнего Симферополя. Наивысшего расцвета Скифское государство достигло во II веке при царе Скилуре, чью мудрость подтверждает знаменитая легенда, записанная Плутархом: «Скилур, оставивший восемьдесят сыновей, перед кончиной предлагал каждому связку дротиков, приказывая переломить ее; когда же все отказались, он сам, вынимая дротики поодиночке легко переломил все, объясняя сыновьям, что, действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы».

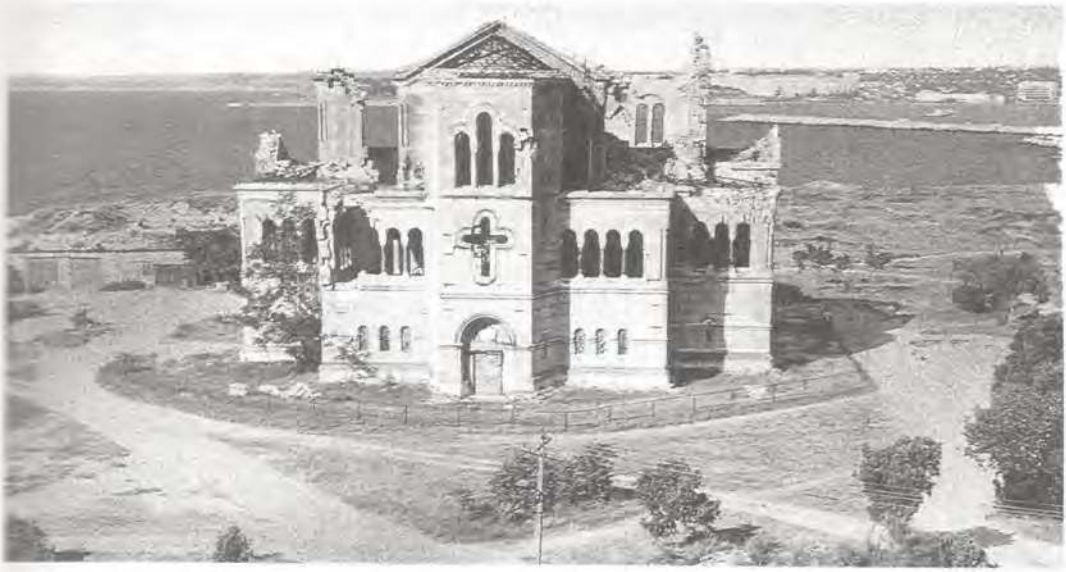
Во времена Тавро-Скифского государства на южном побережье Крыма стали появляться города-колонии, построенные греческими купцами и воинами: Пантикапей, Феодосия, Херсонес. Греки обладали богатым опытом морской торговли. Долгое время они держали в ней монополию и вскоре настолько уверенно себя почувствовали на полуострове, что создали на основе союза городов-полисов царство, получившее название Боспорского.

Город Херсонес, в средневековых источниках называемый также Херсон или Корсунь, расположился в удобной гавани, где останавливались все проплывавшие мимо торговые суда. К III веку нашей эры он вырос в самостоятельное государство. Это была аристократическая республика, где полными правами пользовались лишь колонисты. До наших дней сохранилась присяга граждан Херсонеса, высеченная на камне: «Олимпийскими богами и богинями, богами, которые владеют городом и землею, и укреплениями херсонеситов, клянемся не предавать Херсонеса, Керкинитида и прекрасной Гавани, не нарушать демократии и не сообщать ни эллину, ни варвару ничего вредного для города».

Скифское, Боспорское и Херсонесское государства сосуществовали одновременно около шести веков. Их отношения не всегда были мирными. Соперничество в торговле и землевладении то и дело выливалось в войны и стычки.

С первого века после Рождества Христова началась новая эпоха. Внешне события протекали, казалось бы, в прежнем русле: одни народы завоевывали и вытесняли других. Сначала на южное побережье Крыма вторглись римляне, затем — племена варваров — гуннов, готов, аланов. Под мощным напором кочевников Боспорское и Скифское государства пали, их столицы потеряли свою былую мощь. Лишь Херсонесу, не раз переходившему из рук в руки, удалось сохранить за собой роль влиятельного центра. Но внутренний, невидимый до поры до времени смысл событий после Воплощения Бога-Слова качественно изменился. История обрела новое измерение — духовную глубину, а вместе с ней — новую точку отсчета во времени и пространстве.

Когда Христос открыл избранным и возлюбленным ученикам своим истину, Он сказал: *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28, 19). Каждому Апостолу выпал свой удел. Андрею Первозванному († 62) назначено было проповедовать в Скифии. На северо-востоке Римской империи побывал до него Апостол Павел († 67); есть даже свидетельства о том, что он насаждал слово Божие среди славянского населения в Иллирии, но до Тавро-Скифии Апостол Павел не дошел. Первым на эту землю вступил Апостол Андрей. Прибыв в Херсонес, он встретил здесь людей, воспитанных по языческим обычаям; трудно было их убедить в истинности новой веры, но часть людей восприняли проповедь Апостола и приняли христианство. Так образовалась первая в Северном Причерноморье христианская община. Заложив и освятив христианский храм, далее Апостол отправился вверх по Днепру. Существуют различные версии о том, как далеко прошел ученик Христа по Борисфену. В «Похвальном слове Апостолу Андрею» (IX век) говорится, что он «обходил иверов, сарматов, тавров и скифов, всякую страну

Разрушенный в период Великой Отечественной войны собор во имя святого благоверного князя Владимира в бывшем Свято-Владимирском мужском монастыре (основан в 1850 г.). Собор заложен в 1861 году на месте древней базилики, где, по преданию, принял Святое Крещение Киевский князь Владимир

и народ, которые лежат к северу от Евксинского Понта» (т. е. Черного моря), а «Повесть временных лет» рисует это важнейшее событие следующим образом: «И попал (Андрей Первозванный.— *Т. П.*) в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил Крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пошел к славянам, где ныне Новгород, и увидел живших там людей».

Вслед за Андреем Первозванным в Херсонесе оказался святитель Климент († 101), третий епископ Рима. О нем Апостол Павел упоминает как о своем «сотруднике» в «Послании к Филиппийцам» (гл. 4, 3). Климент стал жертвой гонения на христиан. В третий год царствования императора Траяна он был сослан в Таврию, где нашел около двух тысяч крещеных. До своей кончины он значительно расширил число местных верующих, основав 75 церковных общин. Согласно преданию, Климент был замучен язычниками: они сбросили его в море с камнем на шее. Святителю Клименту приписывают несколько ранних христианских сочинений, в том числе широко известное Послание к Коринфской Церкви, что читалось в давние времена в храмах после канонических книг Священного Писания.

К III—IV векам христианство на северном побережье Черного моря окрепло уже настолько, что для управления общинами было создано четыре епархии: Херсонесская, Боспорская, Скифская и Готфская. Выдающиеся иерархи этих христианских центров (Кадм Боспорский, Филипп Херсонесский, Феофил Готфский) принимали участие во Вселенском Соборе 325 года в Никее, где обсуждался Символ веры.

После раскола Римской империи на Западную и Восточную (последняя включала Грецию с колониями, Македонию, Фракию, Сирию и Египет) Херсонес вновь оказался в особом положении. Он стал православным центром и опорой Византии к северу от Константинополя. Когда в VIII веке возникли серьезные разногласия между иконопочитателями и ревнителями монашества, с одной стороны, и их противниками — с другой, что довело Церковь до раскола, истинно православные священники и миряне вынуждены были бежать на северную окраину Империи. В Таврии и других землях Юго-Восточной Европы переселенцы высекали рядом с обычными жилищами в горах и скалах храмы и часовни, строили пещерные города. Так возникли монастыри в Инкермане, Херсонесе, Качи-Кальоне, Мангупе.

Вплоть до VII Вселенского Собора, на котором ересь иконоборчества была побеждена, православные находились в крайне тяжелом положении: их гнали и «свои» (иконоборцы), и «чужие» (хазары, вторгшиеся в Таврию). В эти годы прославился своими духовными и ратными подвигами святитель Иоанн, епископ Готфский. В 787 году он благословил и возглавил мощное антихазарское восстание. Святого Иоанна Готфского некоторые ученые считают автором первого перевода Евангелия на русский язык, что свидетельствует о том, что уже тогда было кому

На развалинах Владимирского собора

читать этот перевод Священного Писания. К VIII веку относят первые отдельные факты крещения русских, как из знати, так и из простолюдинов.

II

«И было множество их, сидели они прежде по Бугу и по Днепру, вплоть до моря; их города стоят до сих пор и звались они от греков «Великая Скифия», сказано о славянах в древнерусской летописи.

Долгое время греческие и арабские историки называли наших предков по имени крупнейшей державы, господствовавшей в регионе — «скифами», «тавроскифами», «таврами». Разумеется, славяне и скифы — это не одно и то же, но южные племена славян находились в тесном соприкосновении со скифами и имели с ними немало общего.

С VII века в письменных источниках все чаще упоминается о «руссах», или «россах». Наши предки не имели тогда единого государства; города, построенные князьями, были самостоятельными и вступали друг с другом в союзы, чтобы оборониться от неприятеля или организовать очередной военный поход. На севере после падения Винетты, Ретра и Славенска крупнейшим языческим центром стал Новгород. Через него проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Освоив этот путь, славяне стали все ближе передвигаться к Черноморскому побережью, захваченному хазарами.

Об одном из первых известных нам военных походов в Таврию свидетельствует автор «Жития Стефана Сурожского»: «Прииде рать велика русская из Новгорода, князь Бравлин, силен зело; плени от Корсуня и до Корча, с многою силой прииде к Сурожу; за десять дней бишася между себе. И по десяти дней вниде Бравлин, силою изломав железные врата, и вниде в град». Корсунь, Корч и Сурож — старинные названия Херсонеса, Керчи и Судака. Об этих городах, не говоря уже о Царьграде, русским князьям было хорошо известно, что и позволило им одержать решительную победу.

И вот наступил 860 год, знаменательный для Руси по многим причинам. Спустившись вниз по Днепру к Черноморскому побережью, варяго-славянские дружины во главе с Аскольдом и Диром двинулись на Царьград. Это был не обычный военный поход, так как он преследовал сразу несколько целей. Главная состояла в том, чтобы дать отпор хазарам.

Хазария к IX веку превратилась в мощную державу. После того, как она приняла иудейскую веру, богатые евреи-купцы, переселившиеся в Северное Причерноморье, помогли ей взять под контроль знаменитый с древнейших времен «шелковый путь», протянувшийся от Пекина до Рима, и вскоре хазары стали хозяйничать во всех землях к северу от Черного моря. С Хазарским каганатом, направлявшим на запад бесчисленные кочевые орды, вынуждены были считаться и византийцы, и арабы, и славяне. Южнорусские князья платили им дань и одно время их даже называли «каганами».

Такое положение не могло продолжаться вечно. Покончить же с хазарским господством славяне могли только в союзе с Византией. И вот 18 июня 860 года флот руссов в 200 кораблей с многочисленным войском, «как молния, ниспосланная с неба», появился в бухте Золотой Рог. Время похода было выбрано удачно. Император Михаил III как раз находился в состоянии войны с арабами. Продемонстрировав силу

объединенных славянских дружин, флот неожиданно снял осаду. Что стало тому причиной, остается лишь догадываться. Вскоре в Царьград от руссов пришло посольство с предложением заключить союзный договор. Одним из условий договора со стороны Византии было крещение русских. То, что оно вскоре состоялось, подтверждают все документы. Не совсем ясным остается только, где именно и как происходило святое Таинство Крещения. Некоторый свет на историю крещения Аскольда и Дира проливают Жития равноапостольных святых Кирилла и Мефодия.

Дело в том, что Кирилл и Мефодий были отправлены императором Византии с миссией в хазарские земли как раз осенью 860 года. «Вы ведь солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски»,— напутствовал их Михаил III. Действительно, в Фессалониках (Солунь), где родились братья, с детства можно было научиться славянской речи, но более глубоко древнерусский язык составитель его первой азбуки, старший брат Кирилл, известный также как Константин-Философ, освоил уже в зрелом возрасте в монастыре, где «занимался одними книгами». По прибытии в Херсонес, крупнейший тогда центр христианства во всем Северном Причерноморье, с десятками православных храмов, равноапостольный Кирилл «нашел там Евангелие и Псалтирь, написанные русскими буквами, и человека нашел, говорящего на этом языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, начал читать и излагать их (т. е. русские буквы и письмена.— *Т. П.*), и многие удивились ему, славя Бога». По-видимому, братья-просветители нашли тот самый перевод, что составил святитель Иоанн Готфский. С его помощью они и углубили в Херсонесе свое знание русского языка и — кто знает — может быть, весьма уточнили результаты своего первого опыта по составлению азбуки.

Из-за упоминания в письменных источниках Хазарии и каганов и наличия некоторых противоречий в летописях историки долго не могли разобраться, кому же все-таки проповедовали святые Кирилл и Мефодий. Возможно, конечно, что Кирилл и Мефодий побывали у хазар, но, как убедительно доказывают современные историки Русской Церкви, так называемая «хазарская миссия» братьев-просветителей ставила перед собой цель крещения именно русских язычников.

Во-первых, путаница с названиями и титулами легко объясняется тем, что под Хазарией, как мы уже говорили, в те времена византийцы понимали все захваченные и контролируемые ею земли. «Каганами» могли называть себя даже сами русские князья, так как тогда это было распространено. Русов тогда почти не знали и отождествляли со скифами или тавроскифами, и поэтому вполне логично было назвать князей подневольной Скифии каганами и хазарами. Во-вторых, согласно летописи, в ходе спора о вере князья всячески подчеркивали свою некнижность. Такое для иудеев-раввинов невозможно. В-третьих, как известно, князья и с ними около двухсот человек приняли крещение, а о крещении настоящих хазарских каганов нет никаких исторических данных. В-четвертых, после крещения князья вернули Византии греков, а хазарам некого было в принципе возвращать, так как они до того находились в договоре о мире. О том, что главной целью святых Кирилла и Мефодия была проповедь именно в Херсонесе, а не где-нибудь еще, свидетельствует и следующий факт. В древнегреческом городе просветители обрели мощи святителя Климента Римского, захороненного на одном из островков в бухте, что ныне называется Казачьей. Они заранее знали, где искать. Древний храм, обнаруженный на острове в XIX веке, по-видимому, тоже заложили они во время церемонии освящения мощей. Часть мощей святителя Климента Кирилл и Мефодий взяли с собой, уезжая из Херсонеса, и позже доставили в Рим. Сами же братья отправились после пребывания в «Хазарии» с новой миссией в Моравию.

И вот вопрос: если вскоре после июня 860 года Аскольд принял решение креститься, а осенью этого же года в Херсонес прибыли Кирилл и Мефодий и проповедовали «каганам», которые оказались, как доказано, русскими князьями, то не идет ли тут речь именно об организаторах похода на Царьград? Патриарх Фотий, подробно описавший эту эпопею, свидетельствует, что «так называемые руссы» отказались от замысла ограбления Константинополя, «дерзости, которую имели незадолго перед тем», и «русские переменили нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру; и настолько разгорелась в них ревность к вере, что приняли епископа и пастырей и исполняют христианские обычаи с великим усердием». С этой миссией, посланной для заключения союза с русскими и совершения Таинства Крещения, как раз и могли прибыть в Херсонес равноапостольные Кирилл и Мефодий, специально подготовленные для проповеди. К тому же современные историки и текстологи утверждают, что знаменитое «испытание вер», приписываемое святому князю Владимиру, впервые произошло при Аскольде. Текст, вставленный автором «Повести временных лет» в речь апологета христианства, написан современником середины IX века, а кроме того, изобилует темами и ораторскими приемами, характерными именно для святого Кирилла. Например, в нем содержится излюбленное размышление философа о призвании новых народов после отвержения Христа иудеями.

Итак, приняв епископа и выслушав речь проповедника, русские князья собрали старейшин и стали держать совет. После мно-

гих споров и колебаний было принято решение: «Не враги мы самим себе и так повеле-ваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по своей воле, если пожелает, а тот из вас, кто на Запад кланяется, или еврейские молитвы читает, или держится сарацинской веры, скоро смерть от нас примет». Императору же послали письмо со следующими словами: «Познали мы, что́ вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, надеясь, что и мы к тому же придем. Все мы — друзья и приятели твоего царства и готовы идти на службу твою, куда захочешь». Вместе с Аскольдом, Диром, «боляра-ми» и старейшинами крестилось около двухсот человек. По крещении русский князь был наречен Николаем, в честь Святителя Николая, Мирликийского Чудотворца, ему же позднее был поставлен и храм на Аскольдовой могиле в Киеве.

Великое событие свершилось на Руси! Однако не могло оно не вызвать и ревности у многих соплеменников-язычников, особенно у тех, кто видел в крещении князей и мирном союзе с Византией лишь способ, к которому организаторы похода на Царьград прибегли для достижения своих корыстных целей. В 882 году, убив Аскольда-Николая, князь Олег захватил власть в Киеве и восстановил пошатнувшееся язычество. Собрал ратные русские силы от Новгорода до Причерноморья Олег и с многотысячным войском «на конех и кораблех» двинулся на Царьград. По удачном завершении похода в 907 году воинственный и опытный князь осадил столицу и «повесил щит свой в вратах, показуя победу».

Языческую политику Олега продолжил князь Киевский Игорь (912—945). Еще более укрепив Русское государство, Игорь предпринял два военных похода к Черному морю и Константинополю. В 941 году он потерпел неудачу, а после успешного 944 года заключил договор с Византией, в одном из пунктов которого говорилось: «Князь русский да не присваивает себе власти над страной Херсонесской и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, греков, мы дадим ему, сколько будет надобно». Среди спутников Игоря было уже немало крещеных воинов.

В договоре они клялись «церковью святого Ильи» и «предлежащим честным крестом», однако неисправимая дерзость и непримиримость молодой Руси не могли не беспокоить Византию. Не было никакой гарантии, что очередной князь-язычник не двинется снова на Царьград и другие города Империи. Воспользовавшись подходящим моментом, когда в Киеве регентствовала, по малолетию своего сына Святослава, княгиня Ольга, византийцы через дипломатические каналы пригласили ее к себе, дабы оказать на нее возможное влияние и закрепить результаты договора с Игорем.

Ольга с юных лет славилась своей «мудростью и смышленностью». Понимая значение союза с Византией, она приняла приглашение и отправилась со своими приближенными и слугами в Царьград. Как увидел правивший тогда император Константин русскую княгиню, подивился ее красоте и уму и, как говорит церковное предание, предложил Ольге, крестившись, остаться царствовать вместе с ним. На это Ольга ответила: «Я язычница, если хочешь крестить меня, то крести сам, иначе не крещусь». Снова восхитился мудростью Ольги император и согласился стать ее крестным отцом. «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков»,— поздравил Ольгу Патриарх, вручив честной крест, святые иконы и книги. И дано ей было в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. Когда Ольга вернулась в Киев, в знак почитания Премудрости Божией она воздвигнула на берегах Днепра храм Святой Софии (до нее подобные храмы были построены в Фессалониках, на родине святых Кирилла и Мефодия, и в Суроже). Так, получив благословение, апостольскую миссию и титул «дочери», Ольга стала еще одним символом преемственности будущей православной Российской Империи от «Второго Рима» и была прославлена как первая русская святая.

Сколь ни мудра была Ольга, а сына ей крестить так и не удалось. «Как мне одному принять иную веру? — ответил на уговоры молодой князь.— А дружина моя станет насмехаться». Святославу любы были языческие законы воинской чести, клятвы на мече и не было ему равных в смелости и доблести. Когда Святослав начал править, для кочевников кончилась спокойная жизнь. Собрав боевые дружины, князь разгромил раз и навсегда главное вражье гнездо — Хазарский каганат. Часть рухнувшей Империи, в том числе земли на Дону, в Таврии и на Северном Кавказе, отошли к владениям Руси, а в районе Таманского полуострова Святослав основал удельное Тмутараканское княжество. Жители Северного Причерноморья были рады обрести в лице северного князя нового союзника. Как свидетельствует «Записка готского топарха» (правителя), собрав вече, «они решили заключить с ним мир и передаться ему». Полуостров, таким образом, оказался в сфере влияния русских князей. Противники славян не захотели с этим мириться. В 972 году Святослав был убит печенегами.

Однако ничто уже не могло остановить роста могущества славяно-варяжского союза. Никто уже не называл россов скифами и не путал их с хазарскими каганами. И когда в 986 году Византия оказалась в тяжелом военном положении, она обратилась за помощью к Киевскому князю Владимиру. Мудрый князь, оценив положение, дал свое согласие на помощь, но в ходе переговоров выдвинул требование — выдать ему в

жены сестру императоров Анну (вслед за переводчиками летописей мы будем называть ее «царицей», хотя с юридической точки зрения это неточно, равно как и использование титула «царевна»). Византийцы подумали и — неслыханное дело! — приняли условия, но добавили при этом: только после крещения. Владимир тоже согласился. Соединенными усилиями варяго-русских дружин и греков мятежники были разгромлены. Далее произошла заминка: киевский князь настаивал, чтобы сначала прислали Анну, а потом будет креститься; Константинополь же добивался, чтобы князь сначала принял Таинство Крещения. Тогда Владимир прибег к силе: он взял город Херсонес, принадлежавший византийцам, и направил грозный ультиматум: «Если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Императоры же не могли более никак перечить русскому князю и выслали ему Анну, едва принудив ее. «Она же села в корабль с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь... И послала к нему царица сказать, чтобы он крестился скорее». И повелел Владимир крестить себя, подивившись силе веры царицы. И крестил его епископ Корсунский с «царицынами попами». «Крестился же он в церкви Святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуне, посреди града, где собираются корсуньцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем». Летописец Нестор несколько раз подчеркивает, что крещение князя Владимира происходило в Херсонесе, и добавляет при этом: «Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят в Васильеве, а другие по-иному скажут».

По крещении князь Владимир был наречен Василием в честь Василия Великого. Там же, как повествует старинное «Житие Владимира», «бояре его и воинство крестишася, и бысть радость велия россиянам и греком, а наипаче святым ангелам на небеси». «Совершися крещение Владимирово и бояр его в Херсонесе в лето бытия мира 6496, воплощения же Бога Слова в лето 988». В Херсонесе же крещеный русский князь торжественно обвенчался с Анной, став отныне «цезарем».

«После этого,— продолжает летопись,— Владимир взял царицу, и Анастаса (что помог ему овладеть Херсонесом.— *Т. П.*), и священников с мощами Св. Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе». Вместе с женой-царицей, православным духовенством, честными боярами и боевой дружиной Владимир — с почестью и славой — вернулся в Киев.

В городе, на холме, где стояли языческие боги-идолы во главе со сребroголовым и златоусым Перуном, по его приказу была срублена деревянная церковь в честь Св. Василия Великого, Небесного покровителя князя. И крестили народу видимо-невидимо в водах Днепра, куда бросили деревянных идолов на посрамление и устрашение волхвам.

Вскоре Владимир начал и строительство храма, посвятив его празднику Успения Пресвятой Богородицы. Сюда перенес он нетленные мощи своей бабки — равноапостольной княгини Ольги, «украсил церковь иконами и богатой утварью, взятой в Херсонесе, поставил служить в храме Анастаса Корсуньского и других священников, пришедших из Херсонеса». В воскресенье 11 мая 996 года храм был освящен.

Десятинная церковь Пресвятой Богородицы отныне стала центром духовной жизни Киева и всей Крещеной Руси. Здесь была сохранена и развита корсунская иконописная школа, к которой принадлежат Владимирская икона Божией Матери, Спас Нерукотворный, Благовещение Пресвятой Богородицы (Устюжское), Ангел «Златые власы», датируемые XI веком. Предполагают, что в Киеве еще при Анастасе Корсунянине началось наше летописание, а именно были составлены Жития св. Ольги, св. мучеников Федора и Иоанна, а также «Слово о том, как окрестился Владимир возмя Корсунь». Здесь прославили и самого князя, на удивление всем преобразившегося во Христе.

Мудрого, ясного умом и смелого князя, утвердившего на Руси христианскую веру, в народе прозвали Красным Солнышком, а Православная Церковь почитает его как Владимира святого и равноапостольного.

Ушла в прошлое целая эпоха! Главная цель походов язычников-славян на Царьград была достигнута: Русь освоила выход к северным берегам Черного моря. Наладились прочные торговые и дипломатические связи между Новгородом и Киевом, с одной стороны, и Византией — с другой. Центром их стал Корсунь, где вырос целый квартал со славянским населением. После появления Тмутараканского княжества Евксинский Понт стали называть Русским морем, а Азовское — Сурожским. Киевский князь, венчавшись с сестрой византийского Императора, сам стал «цезарем» главной крещеной им христианской державы. Держава же эта, по воле Того, кому ведомы все пути и тайны, стала законной преемницей «второго Рима». А главное — легли первые камни в основание того величественного града, имя которому Святая Русь. Под покровом Пресвятой Богородицы протянулись духовные нити от Софии Константинопольской к Софии Солунской, Херсонесской и Киевской, а от них — к Успенским соборам Владимира и Москвы. Русский подвижник Антоний вернулся со Святой Горы Афон, «удела Богородицы», в Киев для насаждения православного опыта монашеской жизни. И поднялись храмы и монастыри по всей Руси, и затеплились свечи горячей веры Божиих угодников: клириков и мирян.

Павел ТУЛАЕВ

Монастыри России в первые годы после революции

Значение монастырей в развитии государства и его культуры хорошо известно, но если зарубежные историки Русской Церкви давно оценили национализацию монастырей в советский период как одну из самых антихристианских акций в новейшей мировой истории, то российские исследователи этого процесса пока еще далеки от подобных выводов-заключений.

Причиной и прологом к гибели православных монастырей послужила собственно Октябрьская революция и первые декреты новой власти, носившие ярко выраженный антихристианский характер. Декретом о земле от 26 октября 1918 года монастыри фактически лишились своих земельных владений, чем существенно была подорвана экономическая основа многих обителей. Декретами от 7 декабря 1917 года «О кладбищах и похоронах» и от 11 декабря 1917 года «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному просвещению» монастыри лишились различных учебных заведений, кустарных мастерских, права участия в управлении и надзоре за кладбищами.

Наконец, наиболее показательно богоборческая политика новой власти проявилась в известном декрете Совнаркома РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и последующих инструкциях по его выполнению. После этого все церковные организации, в том числе и монастыри, потеряли право юридического лица, владения собственностью[1]. Волна наступления на монастыри возра-

Симонов монастырь. Фото конца XIX века

Успенский собор Симонова монастыря после взрыва, последовавшего в 1930 году

стала по мере формирования местных органов власти, юридических отделов, по мере принятия новых декретов. Наконец, в 1918 году для проведения в жизнь январского декрета и подзаконных ему актов был создан специальный Ликвидационный отдел (VIII) в составе Наркомата юстиции. Этим Ликвидационным отделом (название говорит само за себя) заведовал П. А. Красиков. Даже среди вождей-большевиков, крайне недружелюбно относившихся к религии и к монастырям, Красиков выделялся своей патологической ненавистью к религии, церковным учреждениям и их служителям. Вот как характеризовал его в письме на имя В. И. Ленина один из последовательных защитников православных монастырей, член Всероссийского Поместного Собора Н. Д. Кузнецов: «Я полагаю,— писал он,— что все действия VIII отдела во многом зависят от заведующего им П. А. Красикова. Он человек, полный крайней вражды ко всякой религии, отвергающий всякое ее значение и хорошее влияние на человеческую душу, и потому по своим взглядам очень нетерпимый к религии. Эта нетерпимость, естественно, отражается на деятельности VIII отдела, возбуждающей большое недовольство и даже вражду в верующей части народа»[2]. Тяжелое и безотрадное впечатление от общения с Красиковым выносили и другие представители Церкви и мира. Достойны своего руководителя были энергичные сотрудники Ликвидационного отдела И. Шпицберг, М. Галкин (М. Горев) и др.

В начале сентября 1918 года братия Новоспасского монастыря Москвы получили из местного Совдепа предписание: выселиться из занимаемых помещений. Вскоре подобное письмо от районных властей получили монахи Московского Всехсвятского единоверческого монастыря за Рогожской заставой. Здесь уже не церемонились: представители властей угрожали, запугивали монахинь, отнимали их личное имущество[3]. Еще раньше, летом, были выселены монашествующие из кремлевских Чудова и Вознесенского монастырей.

Осенью 1918 года в подобном положении оказался и Скорбященский женский монастырь: из него выселили монахинь, а часть помещений занял артиллерийский дивизион. После этих

Сретенский монастырь в Москве до разрушения

случаев Н. Д. Кузнецов писал в Совнарком: «Вообще в последнее время начинают возникать вопросы о выселении целых монастырей, существующих уже целые сотни лет, причем на выселение представляется невозможно краткий срок»...[4]

Уже летом 1918 года в традиционных центрах православия — Калуге, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде — были созданы специальные комиссариаты по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства.

Конец 1918 — начало 1920-х годов. Это период невиданной в истории России секуляризации. Политика в отношении монастырей за этот период как в зеркале отразила политику новой власти к прошлому Отечества, к Православию. Малейшее неповиновение политике закрытия, национализации древних монастырей, выселения монахов подавлялось, как правило, жестокими методами.

Кровавыми событиями были отмечены первые шаги местных властей по занятию различными учреждениями таких известных монастырей, как Александро-Невская Лавра в Петрограде, Александро-Свирский монастырь близ Лодейного поля Олонецкой губернии.

Когда угроза национализации нависла над Александро-Свирским монастырем, население окружающих деревень организовало союз защиты обители. Это вызвало острое недовольство местных властей. В октябре 1918 года местная ЧК арестовала и вскоре без суда и следствия расстреляла настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Евгения и нескольких монахов. 22 октября в монастырь для обыска и конфискации ценностей был направлен отдельный батальон войск ВЧК под руководством А. Вагнера. И вот как описывает в докладе Патриарху Тихону последствия этого визита епископ Олонецкий и Петрозаводский Иоанникий. Он сообщал, что все монахи монастыря были загнаны в трапезную. У них отобрали ключи от келий и кельи разграбили. После этого, угрожая оружием, забрали все монастырские ценности, взяли из Преображенского собора раку преподобного Александра Свирского, сосуды и напрестольные кресты. Мощи святого вынули и глумились над ними. Братия упросили не вывозить мощи преподобного, но сорокапудовую серебряную раку так и увезли в Петрозаводск[5].

Разгром монастыря и расстрел монахов вызвал массовые волнения населения. Запрошенный центром о причинах принятия таких карательных мер председатель УИКа О. Кантер отвечал: «Считаем свои распоряжения и действия вполне обоснованными, верными в смысле беспощадной борьбы с врагами коммунистических идей и социалистической мысли»[6]. Образчик революционной законности!

Именно вокруг мощей православных подвижников — пожалуй, самых почитаемых в России святынь — развернулся первый акт трагедии российских монастырей. Вряд ли случайным был этот прицельный удар атеистической власти. Ведь присущие великим русским подвижникам замечательные черты: «честность, добросовестность в труде, любовь к Родине, презрение к материальным благам и в то же время забота об общественном хозяйстве, правдолюбие, общественная активность» — по определению Д. С. Лихачева, шли вразрез, были несовместимы с политикой нигилизма и беззаконий, проводимой новой властью. Нужно было погасить огонь, у которого, как говорил известный русский философ Г. П. Федотов, «вся Русь зажигала свои лампадки».

В лице великих русских подвижников — замечательных деятелей отечественной истории — было распято и предано поруганию прошлое земли Русской. За вскрытием раки преподобного Александра Свирского последовали вскрытия почитаемых гробниц преподобных Артемия Веркольского, Тихона Задонского, Митрофана Воронежского. С февраля 1919 года процесс этот, умело управляемый центральными и местными властями, приобрел характер подлинной вакханалии. До 1921 года были вскрыты, выставлены обнаженными на показ населению останки и мощи более 60 русских святых. Не случайно, что наибольшему натиску подверглись традиционные твердыни Православия: Владимирская, Тверская, Вологодская, Новгородская, Псковская губернии. Многие из святых являлись основателями, а иногда и первыми игуменами одних из самых замечательных русских монастырей. Публичному вскрытию с целью немедленного отвращения населения от Церкви и ее православных святынь были подвергнуты раки с мощами преподобных Нила Столбенского (г. Осташков) и Макария Калязинского (г. Калязин), Саввы Сторожевского (Московская губерния) и Прокопия Устьянского (Вологодская губерния) и многих других[7].

Духовным центром православной России был Сергиев Посад, где в знаменитой Троице-Сергиевой Лавре более пятисот лет почивали мощи Преподобного Сергия Радонежского. Русский народ называл Сергия хранителем и помощником, заступником и печальником земли Русской, это был действительно «лик России». В начале 1919 года революционные власти начали подступаться и к этой святыне.

Узнав о таких намерениях, верующие десятков храмов Москвы и Подмосковья выступили в защиту святыни. Вот что написали в Совнарком прихожане крупнейшей в Москве церкви Василия Кесарийского на Тверской (снесена в конце 1930 года): «К мукам голода, холода и всяческих нестроений для православного русского населения... присоединились новые тяжкие испытания: вскрываются гробницы почивающих в храмах святых мощей, чем нарушается их вековой могильный покой и что недопустимо ни с православной, ни с какой иной точки зрения. В гробницах святых праведников русский народ чтит священные останки независимо от того,

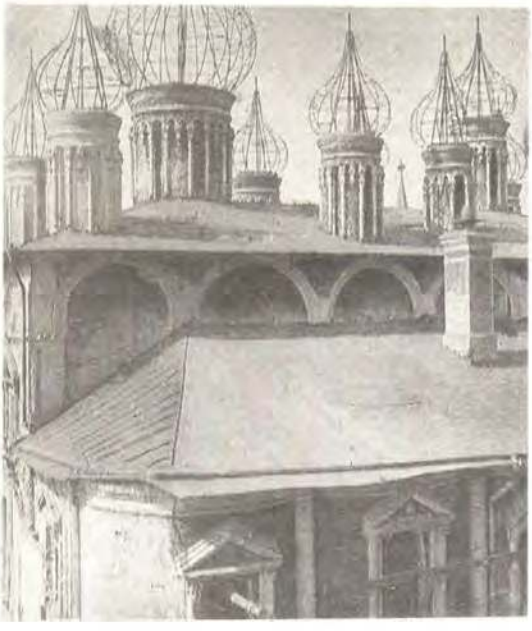

Сретенский монастырь в Москве, 1928 год

насколько они сохранились, и вскрытие их является тяжким и ненужным оскорблением святости гроба и святости религиозных чувств тех, кто этот гроб чтит...»[8]

11 апреля 1919 года специальная комиссия вскрыла раку Преподобного. Властям казалось, что отсутствие нетленных мощей должно было остановить паломничество ко гробу Сергия. Случилось же обратное. Сам факт вызвал разочарование в новой власти, паломничество же и молебны над гробом заступника и молитвенника России увеличились.

Местные власти пытались придать форму законности этим актам небывалого глумления: в состав комиссий по вскрытию мощей включались священнослужители, медицинские работники, отчеты вскрытия, как правило, публиковались в газетах. Однако определенный «порядок» вскрытия соблюдался лишь отчасти, да и о какой законности могла идти речь: даже по меркам революционного декрета об отделении Церкви от государства велись грубейшие вмешательства в дела Церкви. Представители Церкви, верующие неоднократно указывали в письмах и обращениях на без-

Чудов монастырь в Московском Кремле, 1930 год

законность «вскрытия и ликвидации» мощей, которые не имели никакой материальной ценности и с точки зрения законов не подлежали изъятию. Неопубликованные архивные документы доносят до нас весь драматизм происходившего. С 1919 года местные власти по указанию Наркомюста не раз пытались вывезти мощи из монастырей и церквей. Население далеко не всегда спокойно принимало эти акты вандализма. Лишь с помощью военного отряда удалось усмирить верующих Вельска Вологодской губернии, выступивших против вывоза мощей преподобного Прокопия Устьянского из их родного города. Другой случай: после вскрытия власти не раз делали попытку увезти мощи основателя Спасо-Суморина монастыря преподобного Феодосия в Вологду. Удалось это сделать лишь силой: октябрьской ночью отрядом милиции предварительно были арестованы несколько монахов. Мощи были увезены на пароходе в Вологодский музей. Однако началось паломничество к мощам в музей. Власти пытались даже отправить мощи Феодосия в один из музеев Москвы[9].

О прошениях верующих оставить их святыни в покое прекрасно знало правительство, в том числе и вожди, о чем свидетельствуют многочисленные сохранившиеся в архивах обращения к ним со стороны Патриарха Тихона, местных архиереев, рядовых прихожан. О каком соблюдении законности можно говорить, если в августе 1920 года страж законности — Наркомюст специальным циркуляром «О ликвидации мощей» предлагал провести «полную ликвидацию мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий». Намерение отобрать у верующих не серебро и золото, а саму святыню ясно показывало бескомпромиссность властей в борьбе с религией.

В декабре 1920 года опьяненные атеистической свободой власти произвели вскрытие раки одного из самых почитаемых русских святых — преподобного Серафима Саровского. Здесь уже о «разоблачении обмана церковников» речи быть не могло: ведь при канонизации святого в 1903 году в газетах был опубликован подробный отчет о состоянии останков. Опубликованный в декабре 1920 года местной печатью отчет об этом умалчивал. На самом деле, как свидетельствовали присутствовавшие при вскрытии священнослужители, члены комиссии запугивали духовных членов комиссии, грозили им арестом, конфискацией мощей.

Вскрытие мощей, глумление над вековыми народными святынями не могло бесследно пройти для уходившей в прошлое России. Наступали тяжелые времена: на Россию надвигался невиданный голод. Многочисленные письма верующих в Совнарком с требованием прекратить вскрытие мощей и привести их в благообразный вид свидетельствуют и о том, что православная Россия считала страшную засуху Божьей карой за вандализм и богоборчество.

Страшный голод 1921—1922 годов, казалось, должен был ослабить наступление государства на религию, переключить усилия властей на помощь голодающим. Никто не мог предполагать, что советская власть превратит голод в орудие для расправы над Церковью, для уничтожения неугодного духовенства, наконец, для обычного грабежа. Набиравшей обороты пропагандистской машине быстро удалось разжечь среди немалой части населения ненависть к монастырям, вызвать массовые требования изъятия ценностей. Практически была запрещена деятельность самой Церкви по собиранию ценностей в по-

мощь голодающим. Более того, центральная власть узаконила очередной беззаконный и безнравственный акт грубейшего вмешательства в дела Церкви, почти тотальное изъятие из храмов богослужебной утвари из серебра и золота. Грубо были попраны и свои декреты, и многовековые заветы Церкви. Власти сознательно унижали религиозные чувства миллионов людей. За считанные дни практически из всех храмов России были изъяты и увезены в Гохран или в музеи памятники неоценимой духовной, а также историко-художественной и материальной ценности. Церкви был нанесен сильнейший нравственный урон. Монастыри, как места средоточения наиболее известных и чтимых церковных реликвий, пострадали жестоко. Тысячи пудов серебра из монастырей были вывезены на специальные склады, а затем — в Московский Гохран. Более 150 пудов серебряных риз, сосудов и других предметов церковного обихода было изъято из Троице-Сергиевой Лавры; 84 пуда «дал» Соловецкий монастырь. «Богатый урожай» в интернациональную кассу Советского государства дали московские обители: 57 пудов ценностей было вывезено из Чудова монастыря, 28 — из Спасо-Андроникова, по 25—26 пудов из Симонова, Вознесенского и Данилова монастырей. С чудотворных и чтимых верующими икон снимались ризы, венчики с бриллиантами, жемчугом и другими драгоценными камнями. Малейшее сопротивление изъятию ценностей беспощадно наказывалось властями, служило поводом к развязыванию кровавого террора против священнослужителей.

Местные власти, воодушевленные возможностью быстрого построения рая на земле, принимали резолюции о немедленном закрытии всех монастырей на своей территории. В феврале 1919 года Костромской ревком постановил закрыть все монастыри Костромской епархии; в июне Звенигородский уездный съезд советов принял резолюцию в течение месяца выселить всех монашествующих из монастырей ввиду того, что монастыри являются не только все еще пылающими очагами контрреволюции и отживших суеверий, но и местами растления гражданской нравственности... Аналогичное решение принял и Подольский уездный исполком. В 1918—1920 годах властями было закрыто более половины православных монастырей[10]. У всех обителей были отобраны средства и источники существования — земельные угодья, производственный инвентарь, рабочий скот, хозяйственные и жилые помещения. В закрытых монастырях, по подсчетам журнала «Революция и церковь», разместилось 349 больниц, лазаретов, 287 различных советских учреждений, 197 учреждений Наркомпроса (школы, курсы, техникумы), 168 учреждений социального обеспечения (детдома, колонии и т. д.), 188 различных учреждений военного ведомства (преимущественно военные части) и даже 14 концлагерей. Да-да, именно тогда, в первые годы революции, новая власть сочла некоторые монастыри с их крепкими стенами наилучшими местами для заключения инакомыслящих. В Москве в концлагеря были обращены Спасо-Андроников, Новоспасский, Ивановский монастыри.

На фоне сотен этих, как показало время, обреченных монастырей совсем незаметны были монастыри-музеи. Объявление монастыря музеем было едва ли не единственной возможностью сохранить в целостности архитектурный комплекс и часть церковного убранства. Музейные работники и реставраторы пытались взять под охрану как можно больше монастырей. Однако первоначальный обширный список взятых под охрану монастырей был к 1922 году сокращен до 60, из которых 14 находились в Москве и Подмосковье. И лишь в полутора десятках обителей удалось организовать музеи. Нельзя не отметить, что монастыри — Новодевичий, Донской, Савво-Сторожевский, Новоиерусалимский, Успенский в г. Александрове, Пафнутьевский в Боровске, Нилова пустынь сохранились до наших дней отчасти и потому, что они были преобразованы в музеи.

Судьбы монашествующих — особая страница в истории погибших православных обителей. Страница глубоко трагическая и почти совершенно неизученная, неизвестная даже исследователям. В большинстве случаев значительная часть монашествующих, особенно немощных и пожилого возраста, оставалась в стенах родной обители, занятой уже каким-либо учреждением, домом для инвалидов или, например, совхозом. Наиболее приемлемой формой национализации, при которой монашествующим удавалось сохранить свой быт, были организуемые в монастырях

сельскохозяйственные коммуны и артели. В кратчайшее время ряд монастырских коммун, артелей стали крепкими коллективными хозяйствами. И не случайно: ведь еще до революции в монастырях использовалась передовая сельскохозяйственная техника, что вкупе с дружной работой монашествующих делало любое хозяйство образцовым.

Это позволило братии на годы продлить проживание в монастырях сельской местности, что, в свою очередь, защищало от закрытия и часть монастырских храмов. Сельскохозяйственные трудовые артели возникли в Гефсиманском, Спасо-Вифанском скитах, в ските Параклите (все в окрестностях Сергиева Посада), Николо-Пешношском, Спасо-Влахернском и других монастырях. В некоторых монастырях проживало и успешно трудилось довольно много монашествующих: так, в середине двадцатых годов в артели Гефсиманского скита работало более ста двадцати монахов, в Николо-Пешношском — более ста, в Хотьковском — сто шестьдесят, в Спасо-Влахернском — двести пятьдесят монахинь.

Гораздо труднее было сохранить монастырский быт в городских монастырях. После национализации безземельные монастыри были заняты детскими колониями, домами для инвалидов, другими учреждениями. Монахи вынуждены были разбредаться кто куда. Пожалуй, лишь в женских обителях, благодаря сплоченности сестер и умению рукодельничать, сохранялось еще какое-то время подобие монастырской жизни: в Московских Никитском, Скорбященском, Зачатьевском монастырях проживало по 100—200 насельниц, объединенных в швейные артели. Но все более усиливалось идеологическое давление на твердыни православия. А после закрытия в 1929 году последних московских монастырских храмов Новодевичьего, Донского, Симонова монастырей оставшаяся братия была административно выслана в подмосковные обители. Последний же в Москве и Подмосковье монастырский храм — собор в Николо-Гречевском монастыре — был закрыт в начале тридцатых годов.

Именно с конца двадцатых годов началась разборка ряда исторических монастырей, принявшая массовый характер. Следует сказать, что монастырские ансамбли стали терять свой облик уже в первые годы Советской власти. А в середине двадцатых годов начался тайный и явный вывоз каменных и металлических надгробий со знаменитых кладбищ Спасо-Андроникова, Донского, Новоспасского, Симонова монастырей. В 1927—1928 годах этот кощунственный вандализм был даже оформлен законодательно: решениями районных властей, а затем и Моссовета монастырские кладбища решено было срыть. Вскоре на территориях этих и других московских (Алексеевского, Скорбященского, Новодевичьего и др.) монастырей были разбиты надмогильные парки и скверы с дорожками. Сегодня единицы чудом сохранившихся надгробий и памятников напоминают об одной из самых позорных страниц нашей истории. Гранитные и мраморные гробницы шли как строительный материал, использовались для облицовки домов, набережных. Металлические памятники московских и других кладбищ переплавлялись в металл.

Тяжкая участь ждала и монастырские колокола, среди которых было немало знаменитых гигантов, восхищавших современников своим звоном и тонкой декоративной обработкой. Уничтожение колоколов было также оформлено постановлениями, инструкциями Совнаркома, Наркоматов, Главнауки, коллективными требованиями рабочих. В начале 1930 года был перелит самый большой в России 67-тонный монастырский колокол Троице-Сергиевой Лавры...

Но самым свирепым явлением в этой цепи глумлений и надругательств над бывшими оплотами российской духовной и материальной культуры и государственности был полный снос монастырских храмов и колоколен. До сих пор нет ни исторических исследований, ни полной картины этого вандализма, повсеместно наблюдаемого в тридцатые годы.

От сноса отдельных монастырских зданий, стен и особенно колоколен власти перешли к уничтожению целиком монастырских ансамблей. Полностью или почти полностью были уничтожены ансамбли таких замечательных монастырей, имевших огромные заслуги в отечественной истории и культуре, как Чудов, Вознесенский, Симонов, Никитский, Зачатьевский, Сретенский, Страстной, Михайловский Златоверхий в Киеве, Брянский Свенский, Спасо-Каменный под Вологдой и многие другие.

Парадоксально, но некоторые монастыри после революции пытались превратить в своеобразные центры нового коммунистического культа, присваивая им имена новоявленных вождей, идеологов. Известно, что в 1918 году в киот над вратами Савво-Сторожевской обители был помещен портрет Ленина[11]. Во Всехсвятском единоверческом монастыре в Москве устроили поселок Ильича, в Симоновом — Ленинскую слободу, в Покровском — парк им. Н. И. Бухарина, в подмосковном женском Хотьковском — детдом имени Ульяновой-Крупской. В ряде монастырских храмов были устроены клубы, красные уголки, антирелигиозные музеи. А в Симоновом монастыре, не удовлетворившись закрытием церквей и разорением обители, взорвали в день годовщины ленинской смерти древний Успенский собор и на его месте построили «новый храм» — Дворец культуры.

Со второй половины двадцатых годов невиданный размах приобрело уничтожение предметов церковного обихода. И эта по сути дела варварская акция была также обставлена вешками законности. Процесс изъятия и утилизации серебряных богослужебных сосудов, риз, лампад, драгоценных камней, медных колоколов, паникадил, подсвечников, а также другого инвентаря монастырей был детальнейшим образом регламентирован секретными инструкциями СНК, Наркомфина — «О порядке ликвидации церковного имущества», «О порядке учета и реализации молитвенных зданий и недостроенных молитвенных зданий» и др. В музеи попадала лишь ничтожная часть церковного имущества. Городские и районные финансовые отделы, отправляя церковное имущество на склады и далее на утилизацию, оценивали 1 квадратный метр золоченого иконостаса в 1 рубль; тонну цветного металла (паникадила, колокола, подсвечники, купели и др.) — 670 рублей; 1 кг серебра (ризы, богослужебные сосуды, дарохранительницы, кресты и др.) — 30 рублей; священнические одеяния — от 2 до 5 рублей за 1 килограмм[12].

Всего полтора десятилетия понадобилось новой власти для того, чтобы путем насилия и разрушения уничтожить то, без чего была немыслима русская история, что составляло гордость Православия и русского народа.

Духовные и материальные утраты были столь велики, что это повлияло и на нравственное здоровье народа. В первые годы революции валаамский монах, наблюдая происходящее вокруг, горько писал в монастырской летописи: «Россия совершает над собой самоубийство. Россия добровольно хочет исчезнуть с лица земли. Русский народ — народ, которому один из лучших сынов его дал имя «богоносца»,— этот народ будто испил яду из отравленной чаши, вдруг в лице немалой части своих сыновей отрекся от Христа, превратился в лютого зверя, обезумел, скажу сильнее — осатанел, и слов нет на бедном языке человеческом, чтобы выразить то, что случилось с нашим русским человеком!»

Не будем строго судить летописца. Во многом он прав. Однако вину за происшедшее должны разделить не только русские, но и те, кто руководил экспериментом, пытаясь железом и кровью утвердить рай на земле, поправ все святое и человеческую душу, личность. И забыли люди о том, что Бог поругаем не бывает.

Черная страница в истории России, видимо, закрыта. Однако тяжкий грех богоборчества еще лежит тяжким камнем на душе народной и еще не раз будет напоминать нам, нераскаявшимся, о себе Чернобылями, кровавыми междоусобицами, голодом, людской злобой. Наша недавняя история, так ярко проявившаяся в судьбах православных монастырей, да послужит нам уроком, да не будет забыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Клочков В. В. Закон и религия. М., 1982.
[2] ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 2, д. 694, л. 118—119.
[3] Там же, д. 697, л. 49, 52.
[4] Там же, л. 41.
[5] Там же, оп. 4, д. 381, л. 59—61.
[6] Там же, оп. 4, д. 380, л. 61.
[7] Козлов В. Ф. Судьбы мощей русских святых.— В кн.: Отечество. Краеведческий альманах. М., 1991, с. 136—159.
[8] Там же, с. 145—146.
[9] ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 3, д. 766, л. 19; оп. 5, д. 246, л. 35.
[10] Там же, оп. 2, д. 697, л. 191.
[11] Там же, д. 694, л. 257—258.
[12] ЦГАОР СССР, ф. 5263, оп. 1, д. 59.
[13] Извлечение из монастырской летописи автору предоставила сотрудник музея им. Андрея Рублева Р. А. Полякова.

В. КОЗЛОВ

Размышления о воскресной школе

«В этом году моя дочь первый раз пошла в воскресную школу. Сначала этому событию радовались только мы с мужем, ведь наш ребенок будет получать и ощущать на себе уроки добра не только в семье, но и в учебном заведении. И мы не ошиблись. Буквально через несколько занятий дочь доверительно мне сказала: «Мама, ты знаешь, сначала я не очень хотела идти в воскресную школу, но сейчас поняла, что это намного интереснее занятий в школе и даже занятий музыкой». Я же поняла это после первого урока, когда девочка приехала домой радостная, совсем не уставшая и веселая». Так считает мама Насти Денисовой — ученицы воскресной школы при храме Воскресения Христова в Сокольниках.

Растущему человеку необходимо приобретение духовных ценностей. Духовное развитие детей не может осуществляться без получения ими духовных знаний. Закон Божий не должен стать факультативной дисциплиной в учебной программе общеобразовательной школы. Его изучение должно быть основательным и должно помочь ребенку приобщиться к христианской Церкви.

Живое слово Священного Писания воспринимается детьми лишь через реальную жизнь. Дети безошибочно угадывают духовное значение иконы в храме и ту же икону рассматривают в музее лишь как произведение искусства. Такое же отношение и к духовной музыке. Зрительные образы сюжетов Ветхого и Нового Заветов, близость таинственного духовного мира сердцу ребенка открывают новую жизнь.

«Вчера нас водили в храм. Я не помню, как он называется, но там очень красиво. Мы слушали службу. Потом нам отец Сергий рассказал о трех иконах» — это строчки из сочинения девятилетней Светы Бабаевой об уроке в воскресной школе.

Понятно, что уроки в храме не могут проводиться постоянно. Но то обстоятельство, что многие дети не бывают на церковных службах, не дает нам возможности ограничиваться занятиями в помещениях, приспособленных под воскресную школу. Участие в богослужении очень важно для ребенка. Многие дети считают верующих людьми, живущими по своим особым законам, чуждым окружающему миру. Интересно наблюдать, как ребенок впервые крестится на людях. Сначала он повторяет крестное знамение за духовным руководителем и учителем. Но уже через несколько минут он переживает родство с окружающей средой, пытается следить за подсвечниками, спокойно передвигается, разглядывает росписи на стенах. Ребенок почувствовал себя неотъемлемой частичкой Церкви — может ли быть выше награда за труд учителя?

У маленького человека есть потребность оживлять, очеловечивать все в его окружении и все примерять к себе. Воспользовавшись этим умением, мы попытались продолжить тему урока беседой о нем самом. Например, шла речь о борьбе Иакова с Богом. «Я очень часто борюсь сам с собой. Иногда хочется драться, хочется украсть. Я борюсь с Некто»,— так пишет о своей внутренней борьбе восьмилетний Даниил Кузин. И у Юли Сидоркиной внутренняя жизнь полна противоречий: «Некто — это такой внутренний человек, который помогает нам жить. Мне, например, надо вымыть посуду, а я не хочу ее мыть. А Некто мне внушает, чтобы я ее помыла. Тогда я борюсь с ним. А он как бы мне говорит: «Ведь ты хочешь помочь маме?» И я подмету или разберусь в столе. Но иногда я его не слушаю». Чем чаще побуждать ребенка заглядывать в себя, тем яснее он начинает осознавать свою личность и ее место в объективном мире. Для него еще не существует главного и второстепенного в явлениях окружающего мира. Но познавая себя, ребенок внимательнее начинает относиться к окружающему миру, в котором он живет.

Однажды на урок мы принесли репродукцию картины Сальвадора Дали «Хри-

стос на кресте». Мы попросили ребят представить себя на месте человека, сидящего в лодке и попробовать почувствовать атмосферу картины. Свои ощущения они должны были изложить на бумаге. На наш взгляд, лучшим оказалось сочинение девятилетнего Даниила Козьякова. Приводим его полностью: «Озеро. По спокойной его глади плывет лодка. В лодке человек. Светит солнце. Но вдруг его закрывает туча. Наступает мрак. И снова пробивается луч света в этом мраке. Он выхватывает из темноты Крест Господень, на котором был распят Христос.

Когда солнце закрывают тучи, по-моему, человеку в лодке становится тревожно. Он не видит Креста Господня, и в душу его закрадывается страх. Но у него остается надежда на то, что тучи закрыли солнце не навсегда. И там, за тучами, есть свет. Ведь сначала было светло — и это была жизнь Иисуса. Затем наступил мрак — Христа распяли. А потом сквозь мрак пробился свет — Христос воскрес.

Золотой цвет внизу — жизнь Иисуса, мрак над ним — Распятие Христово, а луч света посреди него — воскресение Христа. Голубой же цвет изображает жизнь, надежду и красоту земную».

Работа Крючкова Алеши на ту же тему интересна своим нетрадиционным подходом. Он пишет: «Когда человек находится в окружении природы, у него обязательно возникают разные мысли. Особенно если он в одиночестве... В моей душе появляется печаль...» Много у него и радостных воспоминаний. Его работа — беседа с самим собой. «Когда я думаю обо всем этом, у меня вдруг появляется мысль: а не подслушивает ли кто-нибудь и не вникает ли в мои мысли? Тогда я стараюсь, чтобы мысли мои были более честными и добрыми. И отношение ко всем людям становится более понимающим. Потому что, как говорит отец Сергий, в любом человеке обязательно есть что-то хорошее». Одна тема — и насколько разные и, отметим, талантливые сочинения. Такие задания помогают развитию образного мышления, углублению в себя и в духовный мир.

В основном в воскресную школу детей приводит интерес к чему-то новому. Первые впечатления от уроков дети выражают по-разному, но суть в них одна. «В воскресный день я еду в школу. Мы приходим в класс, и начинается урок. Учителя пытаются раскрыть перед нами новый и загадочный мир» — эти слова Иры Козловой о первых уроках могли бы принадлежать любому другому ученику. Дети любопытны. Новый мир притягивает их своей таинственностью. Но новизна быстро проходит, и этот момент в учебном процессе очень опасен. Для учителя важно пробудить у ребенка желание к познанию христианского учения, библейской истории.

В предисловии ко второму изданию «Закона Божиего» протоиерей Серафим Слободской обращает внимание на то, что «необходимо избегать рассказывать Закон Божий в форме наивной сказки, иначе ребенок и поймет его как сказку. Когда же будет взрослым, у него произойдет разрыв между учением Закона Божиего и восприятием мира».

Как внушить ребенку убеждение в правдивости Священной истории? Как-то на уроке мы рассказывали детям о всемирном потопе. Тема достаточно сложная для девятилеток. Чтобы полученные сведения запомнились, мы сочли целесообразным в дополнение к основному материалу использовать древние предания. При этом мы, конечно, заострили внимание на том, что предание — не историческое свидетельство о потопе, а литературно-мифологическое освещение великого события, в котором погибло почти все человечество. На следующем уроке дети изложили ветхозаветную историю, введя туда мифологических героев. Пришлось заново объяснять, что такое история и литературный эпос.

Дети любят задавать вопросы. Как правило, ответы на них отнимают много времени. Эту проблему мы разрешили с помощью вопросника. Дома дети продумывали и записывали не менее пяти вопросов по пройденному материалу. Вопросы помогали нам выявить пробелы и были очень интересны. «Для чего Бог создал на земле цветы?» — заинтересовалась Наташа Овчинникова. Или: «Как происходит грех?» — спрашивает Арсений Кабалевский. В первой части урока мы проводили беседу по вопросам. Класс с интересом включается в работу, так как в этой части урока нет учителя и ученика: обсуждение проходит на равных. Лучшие вопросы мы записываем в вопросник. Например: «Почему Бог не слепил Еву из земли, а взял ребро Адама и сделал из него Еву?» (Трубникова Саша) или: «Как могла прийти в голову Каина

Урок по храмовому искусству

Моисей и дочь фараона (ср.: Исх. 2, 5—6).
Рисунок Тупсовой Любы, 9 лет

Неопалимая купина (ср.: Исх. 3, 2—3).
Рисунок Русакова Дениса, 9 лет

Жертвоприношение Авраама (ср.: Быт. 22, 6—13).
Рисунок Ажажи Светы, 9 лет

Видения Иосифа (ср.: Быт. 37, 6—8)
Рисунок Фониной Нади, 13 лет

мысль об убийстве Авеля?» (Еганов Миша). Иногда на любопытный вопрос дети дают своеобразный ответ. Например, на вопрос Саши Беляева, почему все-таки и после того, как Бог смыл во время потопа всех грешных людей, грех остался на земле, дети, не задумываясь, ответили, что «по древнееврейской легенде, в Ноев ковчег попала странная супружеская пара — Ложь и Злосчастье. От них пошел грех».

На одном из уроков мы попросили описать внешность Каина и Авеля. Нас не удивило, что Каин оказался чернобородым и лохматым, а Авель — с голубыми глазами и золотыми кудрями. Но мы никак не ожидали, что дети оденут Каина в звериные шкуры, а Авеля — в цивилизованный костюм.

Иногда ребятам неясны слова из Священного Писания, например слово «твердь». В их понимании это что-то твердое. Или «кожаные одежды» Адама и Евы. Здесь учителю нужно быть внимательнее, иначе здесь сработает богатая фантазия ребенка.

Почти все дети любят рисовать. Темы рисунков могут быть самые разнообразные: библейская история, храм, где они побывали на экскурсии или при котором занимаются, исторические сюжеты, природа и так далее. С особым старанием они изобразили своего духовного руководителя. Портрет, написанный Олей Крыловой, отец Сергий взял себе на память.

Но нашей задачей является воспитание в детях духовного зрения, способности изобразить невидимое. Первым нашим опытом было задание нарисовать любимую молитву. Молитву «Отче наш» Волкова Олеся увидела таким образом: «сияющая радуга в небесах, а под нею — руки, протягивающие хлеб на расшитом рушнике». Даниил Козьяков дал цветовое изображение молитвы «Трисвятое». В своем рисунке он показал, как молитва возносится к куполу: темные тона сменяются светлыми.

С большим интересом дети смотрят слайды, с их помощью легче познакомить ребенка с храмовым и монастырским зодчеством, основами иконографии, древними росписями и мозаиками. Православие несет в себе пасхальную радость. Она не только в литургии, но и в архитектуре белокаменных соборов, и в золотых куполах, и в разнообразии крестов, и в преображенных образах на иконах и настенной живописи. И все это ребенок может почувствовать, глядя на слайды.

Они дают возможность понять, чем отличается икона от картины на тот же сюжет или византийский купол от древнерусского. У ребенка возникает желание увидеть все это в натуральном виде.

Экскурсии с детьми и их родителями помогают ближе познакомиться с историей и культурой нашего народа. Надолго останутся в памяти поездки в Троице-Сергиеву Лавру, Николо-Угрешский монастырь, Новодевичий монастырь, Троицкий храм в Подольске, посещение соборов Московского Кремля, действующих храмов Москвы, а также музеев и выставок. «Успенский собор сделан по крестово-купольной системе. ...Хоть фрески Успенского собора потрескались, они все же красивые» — из сочинения Миши Еганова. У Жигульской Поли: «Храм Воскресения Христова в Сокольниках построен в Москве и сейчас стоит на том же месте». Семилетняя Глаша Траханова увидела «в церкви Сокольники восемь куполов. В центре — золотой купол, он называется Христос. Вся цер-

ковь держится на четырех столбах. На четырех столбах прикреплены парусы».

Дети очень любят церковные праздники. Они с удовольствием разучивают тропари и кондаки, учат стихи, готовят музыкальные номера. Три года назад мы впервые праздновали с ребятами Рождество Христово. Все ждали этого праздника и очень волновались. Дети готовили родителям подарки. Мы подготовили выставку детского творчества. Родители помогали готовить маскарадные костюмы. В концертной программе участвовал весь класс. Детям нравилось все, что они делали. Это был настоящий праздник, а не демонстрация номеров и возможностей детей. «Каждый год люди празднуют Рождество Христово. Они идут в церковь и просят прощение за совершенные ими грехи. В воскресной школе мы тоже готовились к этому празднику. Мы рассказывали стихи, показывали сценки о законах Иисуса. В них говорилось о добре и жадности, о зависти и лжи. Бог послал Иисуса, чтобы он учил нас всему хорошему. Добру и милосердию, справедливости и правде»,— так описывает праздник Крючков Алеша. Праздники создают домашнюю атмосферу, сближают ребят, они лучше узнают друг друга. Этому способствует участие родителей. Вместе с ними мы украшали класс, накрывали столы и готовили подарки детям.

Пасху мы праздновали иначе. Не было спектакля, костюмов, не было чаепития. Была их первая пасхальная литургия. Праздничный тропарь ребята пели со всеми вместе. В руках они держали корзинки с пасхальными куличами и крашеными яйцами. Корзинки украсили резными салфетками. Веселье у детей вызвал обычай христосоваться. Детям раздали подарки. Каждый ребенок получил от отца Сергия яйцо с изображением храма Воскресения Христова в Сокольниках.

Рассказ о воскресной школе был бы неполон, если не сказать о нашем духовном наставнике — отце Сергии Косове. Его стараниями, его трудами, его молитвами, мы считаем, наша воскресная школа успешно прошла период становления.

Первый экзамен в воскресной школе. Три педагога принимали экзамены, главным экзаменатором был отец Сергий. Каждый экзаменационный билет содержал три вопроса. Готовились по три человека.

Был приглашен фотограф. Он немного смущал ребят. Зато сейчас, перелистывая альбом, мы видим живые взволнованные лица наших ребят: Саши Беляева (сейчас ученик Православной гимназии), Даниила Козьякова (в этом году поступил в художественную школу), Арсения Кабалевского (в летние каникулы прислуживал алтарником), Алеши Крючкова (этой зимой встретит Рождество в походе к Белому морю) и других. Хочется верить, что ребята с радостью вспоминают нашу воскресную школу.

Т. З.

Вероучение в школе

Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие

(Лк. 18, 16)

Хорошо известна цель преподавания вероучения: воспитание религиозно-нравственного характера. Это всегда было важно, и не могло быть иначе, ибо необходимо для спасения души.

Преподавание вероучения эффективно тогда, когда осуществляется не только с любовью, но и с накоплением определенного объема знаний, осуществляемым в процессе изучения катихизической литературы. Посредством углубленного изучения литературы законоучитель может далеко продвинуться на пути достижения своей высокой цели. Наряду с этим необходимо обратить особое внимание на методику преподавания закона Божия в школах.

Мы переживаем очень тяжелое и во всех отношениях неблагоприятное время. Да и че-

---

От редакции. Публикуя статью священника М. Симича о проблемах преподавания вероучения в сербской школе, редакция считает нужным отметить, что многие рассматриваемые вопросы актуальны и для нашей действительности. Несмотря на активную деятельность Русской Православной Церкви по заполнению духовного вакуума, в котором оказались души наших соотечественников, не прекращаются выступления о нецелесообразности обязательного обучения Закону Божию. Предлагаемая статья — один из ответов Церкви своим оппонентам.

го иного мы могли ожидать, если жили без Бога? Там, где отвергается десница Божия, нравственность сначала хромает, а затем падает. Как нам поднять ее? Необходимо начинать с самого начала, с наставления наших детей на единственно верный путь Жизни и Истины, путь, с которого сбилась послевоенная молодежь. Она пошла окольными путями, которые завели ее в пропасть.

Православная Церковь — именно тот институт, где сохранились христианские идеалы в первозданной этической чистоте. Православной Церковью сохраняется образ Божий в человеке и проповедуется Царство Божие в своей мистической полноте и исторической реальности. Поэтому преподавание Закона Божия в школе необходимо в сотрудничестве с Церковью.

В школе дети получают образование, чтобы выстоять в будущей взрослой жизни, чтобы принести пользу обществу, но среди изучаемых предметов не хватает одного, имеющего жизненно важное значение — Закона Божия. Когда человек взрослеет, он забывает химические формулы, математические и физические уравнения, многие законы физики и тому подобное, но пробужденное чувство любви к Господу Богу, как доброму и милосердному Отцу и Создателю, останется как луч света во мраке ночи в душе каждого верующего. В течение нескольких десятилетий и до настоящего времени это ощущение Бога и попытки его пробуждения подавлялись безбожной коммунистической системой.

Господь устами пророка Иеремии сказал: *Язык грудного младенца прилипает к гортани его от жажды; дети просят хлеба, и никто не подает им* (Плач. 4, 4). Дети в наше время живут в основном намного лучше, чем их отцы. Однако в духовном, нравственном и религиозном смысле у нашего православного сербского ребенка *язык ... прилипает к гортани его от жажды*. Слава Богу, у большинства из них достаточно хлеба. Но многие, крещенные во имя Господа нашего Иисуса Христа, не имеют духовной пищи, *хлеба живого, сшедшего с небес* (ср.: Ин. 6, 51). У них не было ни Закона Божия, ни религиозного воспитания. Недостатки воспитания усугубляются иными негативными обстоятельствами: например, оба родителя заняты на работе, многие дети лишены родительского надзора, растет число разводов. Из-за суетности жизни обесценивается значение Закона Божия в воспитании детей, мало детей посещают Церковь, присутствуют на богослужении.

Жизнь изо дня в день становится сложнее. Многие считают нашу сегодняшную жизнь «временем апокалипсиса», «десятилетием скорби» и т. п. Растет отчуждение и усиливаются конфликты между людьми и народами. Хотя человек день ото дня все более овладевает силами природы, все менее он владеет самим собой. Многие уже потеряли ориентиры в беспросветном кошмаре жизни. Все мы подвергаемся огромной опасности, тем более это касается *колеблющихся и увлекающихся всяким ветром учения* (ср.: Еф. 4, 14). Воистину, *дни лукавы* (Еф. 5, 16).

Но как верный народ, как дети Божии, как чада святого Саввы, мы не должны падать духом. Бог милостив к труждающимся. Святой Савва учил, а это и наше убеждение, что Святое Евангелие — самый надежный компас, который указывает направление в житейском море и истории. Он все сделал для того, чтобы посеять семена Евангелия в душе сербского народа. Святой Савва и сегодня обращается к нам со своей кафедры, которую ни времена, ни люди не смогли поколебать. Особенно он молитвенно заботится о наших детях.

Известный астроном и философ Кеплер сказал: «Если одна единственная звезда свернет с предназначенной ей орбиты, то весь порядок во вселенной будет нарушен». Так же бывает и с воспитанием детей. Если они с самого раннего возраста не усвоят основные понятия о Боге, им в дальнейшем будет очень трудно осознать цель христианской жизни. Те дети, которые будут воспитываться в духе христианской веры и признания Божественного авторитета, не рискуют впасть в пессимизм, потерять жизненные ориентиры и духовное равновесие.

Школьно-воспитательная система нашего государства на протяжении нескольких десятилетий была лишена того, что способствовало бы духовному и нравственному развитию наших детей и молодежи. Все делалось для того, чтобы навязать молодежи атеистическое понимание мира и жизни. Это очень быстро и гибельно отразилось на поведении молодежи и вообще современного человека. На протяжении последних десятилетий наша Церковь была ограничена в своих действиях; это касается и преподавания Закона Божия. Сегодня, слава Богу, наметился поворот к лучшему. Но проблемы все еще остаются. Сербы-атеисты чинят препятствия сербам-православным. Сегодня требование о включении Закона Божия в школьную программу сталкивается с рядом трудностей.

В настоящее время имеется два подхода к этой проблеме: Закон Божий должен быть обязательным предметом школьной программы (требование Церкви) и: этот предмет должен быть «беспристрастным», «нейтральным» и «научно-объективным» учением о религии или историей религии (требование ряда псевдонаучных и культурно-просветительских организаций). Это взаимно исключающие подходы. Поэтому возникает вопрос, возможно ли понимание между Церковью и школой? Насколько справедливы оба требования? Ответы можно получить, если правильно обозначить цели вероучения и науки о религии.

Если речь идет о включении Закона Божия в школьную программу, необходимо осознавать, что христианизация в широком смысле и Закон Божий в узком не должны сводиться к обучению «алфавиту веры», то

есть к знанию как таковому. Основная цель преподавания Закона Божия в школе — укрепление образа Божия в человеке, приведение человека ко Христу, воспитание христианского сознания и мировоззрения с тем, чтобы христианство стало образом жизни. Необходимо также активное участие детей в литургической жизни Церкви, ее Таинствах. Смысл вероучения не только в изучении церковных традиций и Библии, его истинный смысл носит сотериологический характер, то есть целью вероучения является спасение человека, преображение мира и человека.

Наряду с участием в литургической жизни как один из методов в преподавании Закона Божия можно и должно использовать паломничества по святым монастырям и храмам, выходы на природу (ибо «природа — это открытая книга, в которой перст Божий написал имя Свое», сказал святой Иустин-философ). Свой вклад в преподавание закона Божия могли бы сделать и средства массовой информации: телевидение в настоящее время уделяет много внимания религиозной тематике, в программы радиовещания также необходимо включить религиозные передачи (хотя бы два часа в неделю).

Немало людей заявляют: пусть родители предоставят детям возможность самим решать, идти им или не идти на уроки Закона Божия, или: не смейте принуждать ребенка идти на урок Закона Божия, если он не хочет... Такое мнение особенно свойственно тем, кто рос, воспитывался и учился во времена безбожия, а таких у нас большинство. Еще много будет злонамеренных и душегубительных идей. Сколько безумия и заблуждений! Дети неспособны сами принимать решения, ибо они незрелы и не осознают, что им будет необходимо в будущем. К тому же подобные мнения высказываются только тогда, когда речь идет о преподавании Закона Божия. Почему все молчали, когда в качестве обязательного предмета в школьную программу был включен марксизм, которым морочили голову школьникам и студентам и из-за которого они не выдерживали экзамены и теряли школьные годы? Тогда никто не говорил: пусть дети сами решают, хотят они или не хотят изучать марксизм. Их заставляли изучать его насильственно, хотя он вызывает только отрицательную реакцию в душе людей, и молодых, и взрослых. Это был обязательный и важнейший предмет школьной программы.

Мне представляется, что послужит на пользу требование Церкви включить Закон Божий в школьную программу как обязательный предмет. Если же Закон Божий будет факультативным, или необязательным, предметом с правом свободного посещения занятий, то это будет на руку нашим врагам и противникам, в интересах которых было бы лишить православных возможности учить своих детей Закону Божию, особенно сегодня, когда развернута широкая кампания против Православия. Если посещение будет свободным, то, к сожалению, многие из наших малодушных православных под влиянием безбожников могут с легкостью сказать: если это предмет не обязательный, то наши дети могут и не ходить на уроки Закона Божия. В то же время дети мусульман и хорватов будут ходить на свои уроки вероучения, как они и раньше ходили. Необходимо считаться с тем, что преподавание марксизма как обязательного предмета, который разрушал души людей и многих вверг в ад и в вечную гибель, был, к сожалению, в наибольшей степени распространен именно среди православных (если их, изменивших вере своих отцов, можно так назвать).

Почему же такой предмет, как Закон Божий, которым души спасаются и приближаются к Богу и Творцу, не должен быть обязательным школьным предметом? Ведь именно Закону Божию учил нас святой Савва, который, обходя землю народа своего, утверждал веру православную, наставлял и передавал народу добрые нравы и обычаи. Сербское православное просвещение немыслимо без покровительства того, кто заложил основу Сербской Церкви и народного просвещения, кто научил сербов молиться Богу, то есть святого Саввы. Поэтому мы считаем, что во всех школах, во всех учебных заведениях должна быть икона святого Саввы.

Для того, чтобы успешно осуществлялось преподавание Закона Божия и благодаря ему формировались истинные духовные ценности, необходимо, чтобы вера — религия стала общественным делом, чтобы она не была, как в настоящее время, «частным делом отдельного человека», что есть неизбежное зло, которое по тем или иным соображениям нужно терпеть. Следовательно, речь должна идти о Законе Божием как об обязательном, а не факультативном предмете школьной программы, для чего необходимо перестроить всю программу обучения в школе, освободить ее от атеизма.

Для успешного преподавания Закона Божия в школе и православного воспитания детей необходимо устранить отделение Церкви от школы. Семья, школа, Церковь составляют нераздельное целое в деле воспитания характера человека. Церковь учит, что детей можно воспитывать только любовью, праведностью и хорошим примером, ведь дети не столько слушают, что ты говоришь, сколько смотрят, что ты делаешь. Таким образом дети определяют свое отношение к нам, а через нас — и к вере предков и историческим корням. Поэтому от нас всех — родителей, учителей, воспитателей, священников — зависит будущее нашего народа.

Священник М. СИМИЧ
(Сербская Православная Церковь)

Перевод с сербского С. Н. Макарцева

Из записок 1862—1866 гг.

(Действия, существенно нужные для Российской Церкви)

Дух времени таков, и отступление от православно-христианской веры начало распространяться в таком сильном размере, безнравственность так всеобща и так укоренилась, что возвращение к христианству представляется невозможным: *волею бо согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретается жертва* (Евр. 10, 26),— сказал апостол иудеям, принявшим христианство и от христианства обратившимся снова в иудейство, захотевшим соединить христианство с иудейством. Христос соделался невидимым для иудеев и, невидимый ими, удалился из среды их, когда они хотели убить Его (ср.: Ин. 8, 59): христианство соделывается невидимым для нас, когда мы покушаемся убить его распутною жизнию, приятием разных лжеучений, когда мы покушаемся смешать христианство со служением миру. Господь сказал: *Всяк делаяй злая, ненавидит Света и не приходит к Свету* (Ин. 3, 20). Ныне все всею душею устремились к разврату, назвали его «наслаждением жизнью» — и пребывание в христианстве, возвращение к христианству сделались невозможными для человечества. Для того и другого необходимо всецелое оставление разврата, всецелое подчинение себя строгой христианской нравственности...

...Пересмотреть катихизисы и богословие и пополнить, дав им характер православно-восточный, подобный характеру богослужения Православной Церкви, так, чтобы познания, оглашаемые богослужением всенародно, были возвещаемы и катихизисами. Катихизисы эти и богословия, из которых одни должны быть кратче, другие пространнее, третьи самые полные и пространные, перевести на главные европейские языки, что послужит сильнейшим средством привлечения к православной вере.

Составить устав для духовных учебных заведений применительно к уставу монастырей, чтобы жизнь воспитанников была практически и строго христианская, чтобы они приобретали твердые навыки в благочестии (у нас воспитанники духовных училищ запечатлены впечатлениями мира, духом мира и, к величайшему удивлению, питают протестантское отвращение от монашества, ораторствуют против него не слабее Лютера. Из кончивших курс в семинариях очень редко вступают в монастырское монашество), чтобы они хорошо ознакомились с богослужением, получили вкус к церковным молитвословиям и стояниям. Составить для этих учебных заведений собственно свои учебники, как-то: курс словесности и прочее, изъяв из них все языческое, все, даже косвенно влекущее к вольнодумству, безнравственности, иронии, к шутке, к игривости, что все так противно духу христианина и так заразительно действует на испорченную натуру человеческую. Особенное внимание обратить на философию, из которой должно преподавать с удивительною полнотою логику, впрочем уклоняясь от утонченностей, отвлеченностей и схоластицизма, вредно действующих на природную способность, на ум. Историю философии должно преподавать кратко, объясняя учащимся, что основания, на которых философы всех времен создали свои системы, произвольны, по этой причине не имеют никакой прочности и противоречат одна другой, что человеческая философия должна быть признана не чем другим, как только игрою воображения и собранием мнений, чуждых истине. Того, кто эту игру воображения, эти произвольные мнения примет за учение истины, философия вводит, по необходимости, естественно, в заблуждение и умоповреждение. А это совершается то и дело. Что значат учения безбожников? Это — гипотезы, принятые за аксиомы. Сказал святой Иоанн Лествичник: «Чуждеумна, прежде силы духовны, не проходи словеса: тмы бо суще глаголи, немощных помрачают». Это правило необходимо сохранить по отношению к юношеству. К истинной философии приводит одно христианство; только при посредстве его

можно быть непогрешительным психологом и метафизиком. Зрелыми мужами, изучившими и положительные науки, и философию, и писания отцов Церкви, познавшими опытно значение христианства, может и должно быть составлено подробное изложение философии, очень полезное и научное в известном отношении; оно должно быть рассмотрено и одобрено высшим духовенством и служить предметом внимания мужей, а не молодых людей, столько способных к одностороннему увлечению.

В духовных высших училищах необходимо преподавание положительных наук. Весьма справедливо признавал Платон невозможным обучение философии без знания математики. Особенно нужно знание естественных наук, потому что в наше время нигилисты утверждают свое учение якобы на естественных науках. Нужно знать, что они утверждают здание нигилизма не на естественных науках, а на произвольных, нелепых гипотезах, то есть предположениях или вымыслах, которые нет возможности доказать теми доказательствами, при которых единственно наука признает познание верным и без которых все блестящие гипотезы остаются при достоинстве игры воображения, при достоинстве бреда. Природа возвещает Бога, по свидетельству Священного Писания (Пс. 103; Рим. 1, 19, 20); и науки, объясняющие законы природы, тем сильнее возвещают Бога. Все великие ученые, математики и естествоиспытатели, как-то: Ньютон, Лейбниц, Неккер — не только были деистами, но и признавали христианство. Безбожниками были почти все софисты, не знавшие положительных наук и предававшиеся необузданному умствованию и мечтательности...

Святитель Василий Великий

Советы юношам

(Как получить пользу из языческих сочинений)

Божественная мудрость святителя Василия Великого сияет в предлагаемой беседе еще одной гранью: «Советы юношам» поистине *мудрость змеи* (ср.: Мф. 10, 16). Здесь святитель находит зерно истины в песке эллинской многоречивой премудрости; в истории и мифологии — примеры высокой добродетели, полезной и в христианском воспитании; в нравах чуждой культуры — поистине аскетические подвиги и духовные созерцания. Пользуясь его же сравнением, можно сказать, что святитель уподобляется пчеле, которая выбирает из цветка только полезное, оставляя нетронутым остальное.

Уроки христианского любомудрия святителя Василия — пример разумного отношения к творчеству чуждой культуры, которое, ничего не отрицая, во всем находит духовное назидание.

Как бы и нам из всего чуждого извлечь духовную пользу, не коснувшись душою вредоносного.

Много у меня побуждений посоветовать вам, чада, что признаю лучшим, и что, как уверен, если примете, будет вам полезно. И настоящий мой возраст, и упражнение во многих уже делах и достаточное изведание всяких и всему научающих перемен сделали меня опытным в делах человеческих; почему едва вступившим в жизнь могу указать как бы самый безопасный путь. При этом, по естественному сродству, я — первый для вас после родителей, почему, не меньше отцов, и сам имею к вам благорасположение и о вас думаю, если только не ошибаюсь в мнении своем, что, видя меня, не желаете видеть родителей. Поэтому, если охотно примете слова мои, будете во втором ряду похваляемых Гесиодом[1], а в противном случае, хотя бы и не сказал я ничего неприятного, сами припомните стихи, в которых он говорит: превосходен тот, кто сам собою усматривает потребное; хорош и тот, кто следует указаниям других, но кто не способен ни к тому, ни к другому, тот вовсе бесполезен.

Не дивитесь же, если вам, которые каждый день ходите к учителям и с уважаемыми мужами древности беседуете посредством оставленных ими сочинений, скажу, что сам собою нашел я нечто более полезным. О сем-то самом и хочу дать вам совет, а именно, что не должно, однажды навсегда предав сим мужам кормило корабля, следовать за ними, куда ни поведут, но заимствуя у них все, что есть полезного, надобно уметь иное и отбросить. А что же это такое и как это различать, сему и научу, начав так.

Мы полагаем, дети, что настоящая жизнь человеческая вовсе ничего не значит, совершенно не почитаем и не называем благом того, что доставляет нам совершенство в этой только жизни. Ни знаменитости предков, ни крепости, красоты и величия тела, ни почестей от всех людей, ни самого царства, ни всего прочего, что ни именуют из человеческого, не признаем великим, даже достойным желания, и не обращаем взора на тех, кто имеет сие, но простираем надежды далее, и все делаем для приуготовления себе другой жизни. Поэтому, что к оной споспешествует нам, о том говорим, что должно любить сие и домогаться сего всеми силами, а что не переходит в оную, то — презирать, как ничего не стоящее.

Что же это за жизнь, где и как будем проводить ее? Говорить о сем потребовалось бы долее, чем сообразно с настоящим намерением, и слушать это должны были бы люди более вас возрастные. Впрочем, может быть, достаточно покажу вам это, сказав, что, если кто обымет словом и совокупит воедино все счастие людей со времени их существования, тот найдет, что это не равняется и малейшей части благ той жизни, а, напротив того, все здешние блага гораздо больше отстоят достоинством от малейшего из тех благ, чем тень и сновидение скуднее действительности. Лучше же сказать (употреблю пример более близкий): сколько душа во всем достаточнее тела, столько же и разности между тою и другою жизнью.

В эту жизнь вводят нас, конечно, Священные Писания, образующие нас посредством учений таинственных; но пока, по возрасту, не можем изучить глубину смысла их, мы и в других писаниях, не вовсе от них далеких, упражняем на время духовное око, как бы подражая упражняющимся в деле ратном, которые, приобретя опытность в ловком движении рук и ног, выгодами этими пользуются в самых битвах. И мы, конечно, должны держаться той мысли, что нам предлежит подвиг, важнейший всех подвигов, подвиг, для которого все должны сделать, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и с стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе. Красильщики назначенное к окраске приготовляют сперва особыми способами [краски] и потом наводят цвет; подобным образом и мы, чтоб добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимою, посвятив себя предварительному изучению сих внешних писателей, потом уже начнем слушать священные и таинственные уроки и, как бы привыкнув смотреть на солнце в воде, обратим, наконец, взоры к самому свету. Поэтому, ежели между учениями есть какое взаимное сродство, то познание их будет и нам кстати. Если же нет сего сродства, то изучать разность учений, сличая их между собою, немало служит к подтверждению лучшего учения.

Но чему уподобив каждое из сих учений, можем составить себе их образ? Конечно, собственное превосходство дерева — изобиловать зрелыми плодами, но оно носит на себе и некоторое украшение — листы, колеблющиеся на ветвях, так и в душе истина есть преимущественный плод, но не лишено приятности и то, если облечена душа внешнею мудростию, как листьями, которые служат покровом плоду и производят не неприличный вид. Почему говорится, что и тот славный Моисей, которого имя за мудрость у всех людей было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего. А подобно ему, и в позднейшие времена о премудрости Даниила повествуется, что он в Вавилоне изучал халдейскую мудрость и тогда уже коснулся Божественных уроков.

Однако достаточно сказано о том, что сии внешнии науки не бесполезны для душ; теперь следует сказать, в какой мере должно вам изучать их. Во-первых, у стихотворцев (начну с них), поелику они в сочинениях своих не одинаковы, не на всем по порядку надобно останавливаться умом, но, когда пересказывают вам деяния или изречения мужей добрых, надобно их любить, со-ревновать им и, как можно, стараться быть такими же. А когда доходит у них речь до людей злонравных, должно избегать подражания сему, так же затыкая уши, как Одиссей[2], по словам их, загра-

дил слух от песней сирен. Ибо привычка к словам негодным служит некоторым путем и к делам. Посему со всяким охранением надобно оберегать душу, чтоб, находя удовольствие в словах, незаметно не принять чего-нибудь худого, как иные с медом глотают ядовитые вещества. Поэтому не будем хвалить стихотворцев, когда злословят, насмехаются, представляют влюбленных и упивающихся или когда ограничивают блаженство раздольным столом и разгульными песнями. Всего же менее будем внимать им, когда говорят что-нибудь о многих богах, и притом разномыслящих. У них брат в раздоре с братом, отец — с детьми и у детей опять скрытая война с родителями. А прелюбодеяния богов их, любовные похождения и явные блудодеяния, особенно же главы и правителя всех Дия, каким сами они называют его, как такие дела, которые и о скотах без стыда не стал бы рассказывать иной, предоставив это лицедеям. То же самое могу сказать и об историках, особенно когда пишут они историю для развлечения слушателей. И ораторам не будем подражать в искусстве лгать. Ибо ни в судах, ни других делах неприлична ложь нам, избравшим прямой и истинный путь жизни, нам, которым предписано законом даже и не судиться.

Напротив того, займем лучше у них те места, где они восхваляли добродетель и порицали порок. Ибо как для других наслаждение цветами ограничивается благовонием и пестротою красок, а пчелы сбирают с них и мед, так и здесь, кто гоняется не за одною сладостию и приятностью сочинений, тот может из них запастись некоторою пользою для души. Поэтому, во всем уподобляясь пчелам, должны вы изучать сии сочинения. Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся и с тех, на какие сядут, не все стараются унести, но, взяв, что пригодно на их дело, не касаются прочего. И мы, если целомудренны, собрав из сих произведений, что нам свойственно и сродно истине, остальное будем оставлять. И как срывая цветы с розового куста, избегаем шипов, так и в сих сочинениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного.

Поэтому в самом начале нужно рассмотреть каждую из наук и приспособить ее к цели, по дорической пословице: водя мелом по снурку. Всего в нашей жизни надобно достигать с помощью добродетели, а в похвалу ей многое сказано стихотворцами, многое историками и еще гораздо более мужами любомудрыми, а значит, и на такие особенно сочинения должны обращать внимание. Ибо немалая польза, если души юношей осваиваются и свыкаются с добродетелью, потому что наставления такого рода, по нежности душ, запечатлеваясь глубоко, остаются в них неизгладимыми. Ужели предположим, что Гесиод с другою какою мыслью, а не в поощрение юношей к добродетели, написал следующие, всеми повторяемые стихи? «Негладок и неприступен вначале, крут и с многим пóтом и трудом совершается тягостный путь, ведущий к добродетели. Поэтому не всякий может вступить на него, по причине крутизны, а вступив, нелегко дойти до вершины. Но кто стал вверху, тот видит, что путь гладок и прекрасен, легок и удобен, и приятнее другого пути, ведущего к пороку, на который недолго вступить по причине его близости». Ибо мне кажется, что написал он сие не с другим намерением, но поощряя нас к добродетели и всех убеждая быть добрыми, чтобы мы, расслабев для трудов, не отказались идти к цели. Так, если бы и другой кто восхвалял подобным образом добродетель, примем его слова, как руководствующие нас к тому же.

А слышал я у одного искусно изучившего мысли стихотворца, что как все стихотворение Гомерово есть похвала добродетели и все у Гомера ведет к сей цели, так не менее к сему же клонится и то место, где Гомер представил, что вождь кефалленян спасся нагим от кораблекрушения и что сперва царица, когда надлежало бы ей застыдиться, увидев его нагим, при самом его появлении, ощутила к нему уважение, потому что стихотворец представил его вместо одежды украшенным добродетелию; потом и прочие феакеане столько почли его достойным, что, оставив роскошь, в какой жили, стали все на него смотреть и ему подражать, и ни один феакеанин ничего более не желал тогда, как соделаться Одиссеем, и притом спасшимся от кораблекрушения. В этом месте, как говорил истолкователь стихотворцевой мысли, Гомер, едва не вслух всем вопия, говорит: «О добродетели должно стараться вам, люди; она и с претерпевшим кораблекрушение спасается от потопления, и на суше доведенного до наготы кажет более досточестным, нежели счастливых феакеан». Такова добродетель! Другие стяжания не более принадлежат своим владетелям, как и всякому другому, подобно тому, как кость в игре выпадает и той и другой

стороной; одно стяжание неотъемлемо: это добродетель; она принадлежит человеку и при жизни, и по смерти.

Посему и Солон[3] говорит богатым: «А мы не променяемся с ними богатством добродетели, потому что оно всегда постоянно, а имуществом людей владеет то тот, то другой». Подобно сему и то место у Феогнида[4], где он говорит, что «Бог (какого Бога он ни разумел) наклоняет людям то ту, то другую чашку у весов, чтоб им то богатеть, то ничего не иметь». Да и хийский софист Продик[5] в одном месте своих сочинений сходно с сим любомудрствовал о добродетели и пороке. И в его слова надобно вникнуть умом, потому что он человек не презрения достойный. Говорится же у него там, сколько помню его мысль, потому что слов не знаю, кроме того, что сказано это просто: «Когда Геракл, будучи очень молод, и в таком же почти возрасте, в каком теперь вы, рассуждал, на какой ему обратиться путь: на тот ли, который чрез труды ведет к добродетели, или на другой, легчайший, подошли две женщины (а это были добродетель и порок, потому что, хотя они и молчали, но различие тотчас выказывалось в наружности). У одной красота была подготовлена с помощию притираний; она дышала роскошью, неотлучно водила с собою целый рой удовольствий, старалась привлечь к себе Геракла. Другая была худощава, неубрана, смотрела пристально и выражала в себе иное тому подобное, потому что обещала не что-нибудь легкое и приятное, но тысячи трудов, подвигов и опасностей везде — и на суше, и на море. А награда за это такова, что можно стать богом. И Геракл последовал наконец за сею женщиною». И все почти сколько-нибудь заслуживающие внимания, по мудрости, каждый по мере сил, в сочинениях своих более или менее распространялись в похвалу добродетели; им должно верить и надобно стараться в самой жизни выразить их учения. И кто любомудрие, заключающееся у других в словах, оправдывает делом, тот «один жив, прочие же только движущиеся тени».

Мне кажется, что такой образ действий походит на то, как если бы живописец подражал чему-нибудь дивному, например красоте человека, и человек действительно был таков, каким тот представил его на картине. Ибо с жаром хвалить добродетель перед людьми, вести о ней длинные речи, а наедине предпочитать целомудрию удовольствие и справедливости — прибыток, назвал бы я подражанием тем, которые лицедействуют на зрелище и часто выходят представлять царей и владельцев, не будучи не только ни царями, ни владельцами, но даже, может быть, и свободными. Притом играющий на лире не согласится, чтобы лира у него была ненастроена; и начальник лика не захочет иметь у себя такой хор, который бы не пел как можно согласнее. Таким образом, каждый сам с собою будет в разладе, представив жизнь, не соответствующею словам, будет говорить словами Еврипида[6]: «Язык у меня клялся, а сердце не чувствовало в клятве» — и виноват будет в том, что кажется добрым вместо того, чтобы быть таким. Но если поверить Платону[7], это крайний предел несправедливости: казаться справедливым, не будучи таким.

Поэтому так будем принимать сочинения, в которых заключаются правила добродетели. Поелику же и доблестные деяния древних мужей или соблюлись до нас в непрерывной памяти людей, или сохранены в сочинениях стихотворцев и историков, то не лишим себя и отсюда происходящей пользы. Например, некто в народном собрании злословил Перикла[8], но он не обращал на то внимания, и целый день продолжалось, что один осыпал другого ругательствами, а другой нимало о том не заботился. Потом вечером уже и когда смерклось этого человека, едва прекратившего брань, Перикл проводил со светильником, чтоб недаром пропало у него упражнение в любомудрии. Еще кто-то, рассердившись, грозил смертию Евклиду[9] и клялся в этом. Но Евклид сам дал клятву, что умилостивит его и заставит прекратить свое к нему нерасположение. Как хорошо, если приходят на память таковые примеры человеку, когда он одержим уже гневом! Ибо не должно верить трагедии, которая без рассуждения говорит: «Раздражение вооружает руку на врагов». Напротив того, всего лучше вовсе не приходить в раздражение. Если же это трудно, то, по крайней мере, удерживая раздражительность рассудком, как уздою, надобно не дозволять выходить ей за пределы.

Но возвратим слово назад к примерам доблестных мужей. Некто, нещадно нападая на Сократа[10], бил его в лицо, а он не противился, но позволял этому пьяному человеку насытить свой гнев, так что лицо у Сократа от ударов уже опухло и покрылось ранами. Когда же тот перестал бить, Сократ, как сказывают, ничего друго-

го не сделал, а только, как на статуе пишут имя художника, написал на лбу: «Делал такой-то» — и тем отомстил. Поелику это указывает на одно почти с нашими правилами, то утверждаю, что весьма хорошо подражать таким мужам. Ибо этот поступок Сократа сходен с заповедью, по которой ударяющему по ланите должен ты подставить другую (ср.: Мф. 5, 39); в такой мере надобно мстить за себя! А поступок Перикла или Евклида сроден с заповедью терпеть гонителей и кротко переносить гнев их и с заповедью желать добра врагам, а не проклинать их (ст. 44). Посему предварительно обученный сему не будет не верить заповедям как чему-то невозможному. Не умолчу и о поступке Александра[11]. Александр, взяв в плен дочерей Дария, о которых засвидетельствовано, что красота их была удивительна, не удостоил и видеть их, считая постыдным победителю мужей уступать над собою победу женщинам. Ибо это указывает на одно с заповедью, что воззревший на женщину для услаждения, хотя и не совершит прелюбодеяния самым делом, но за то, что допустил в душу желание, не освобождается от вины (ср.: Мф. 5, 28). О поступке же Клиния, одного из близких Пифагору[12], трудно поверить, чтобы сходство его с нашими правилами было делом случая, а не тщательного подражания. Что же сделал Клиний? Дав клятву, мог он избежать потери трех талантов, но лучше заплатил их, чем стал клясться, хотя клятва его была в деле справедливом. Он как будто, представляю я, слышал ту заповедь, которая запрещает нам клятву (ср.: Мф. 5, 33—37).

Но возвратимся опять к тому же, что сказано в начале, а именно что не все по порядку надобно нам брать, а только полезное. Ибо стыдно вредное в пище отвергать, а в науках, которые питают нашу душу, не делать никакого разбора, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встречающееся, нагружать тем душу. И какой в этом расчет, если кормчий не безрассудно отдается ветрам, но направляет ладью в безопасное место, и стрелок бросает стрелу в цель, и медник и плотник стремятся к концу, сообразному с их искусством, а мы останемся ниже и этих рабочих, имея возможность разуметь свое дело? И у ремесленников работа их имеет цель, а для жизни человеческой нет будто цели, смотря на которую должно все делать и говорить тому, кто не намерен совершенно уподобиться бессловесным? В таком случае, подобно неоснащенным кораблям, никакому уму не вверив кормила души, будем без цели туда и сюда носиться по жизни. Но и в состязаниях телесными силами, а, если угодно, и на музыкальных орудиях упражняются в тех именно подвигах, за которые предложены венцы, а никто, упражняющийся в борьбе, также в кулачном бою и борьбе вместе, не станет учиться играть на гуслях или на свирели. По крайней мере, не делал так Полидам[13], но пред олимпийским подвигом останавливал он на бегу колесницы и тем укреплял свои силы. И Милон[14] не сходил с намазанного маслом щита, а когда стаскивали его, противился не меньше, чем статуи, припаянные свинцом. Упражнения у них были приготовлением к подвигам. А если бы, оставив усыпанное песком поприще и телесные упражнения, занялись бряцаниями Марса или фригийского Олимпа, то ужели бы получили венцы и славу, а не бежали прочь, чтоб не насмеялись над ними? Но и Орфей[15] не проводил времени на ратоборных поприщах, оставив сладкопение; иначе не удалось бы превзойти так в музыке и ему, у которого столько было искусства, что и возбуждал гнев созвучиями напряженными и жестокими и опять укрощал и смягчал его созвучиями нежными. Сим-то, говорят, искусством, играя однажды пред Александром фригийскую песню, заставил его среди ужина взяться за оружие и потом, смягчив звуки, сделал, что опять возвратился он к пирующим. Такую крепость сил к достижению цели в музыке и телесных подвигах доставляет упражнение!

Но поелику упомянул я о венцах и о подвижниках, то присовокуплю, как они, претерпевая тысячи трудностей в тысяче случаев, всеми мерами приумножив свою силу, пролив много пота в трудных телесных упражнениях, приняв много побоев в училище, избрав не самый приятный образ жизни, но предписанный учителями, и во всем прочем (скажу не распространяясь) ведя себя так, что жизнь их до подвига была упражнением в подвиге, уже после всего этого являются готовыми на поприще, переносят все труды и опасности, чтоб получить венок из дикой маслины, и, победив, заслужат провозглашение от глашатая. Ужели же нам, которым за жизнь предлежат награды столь удивительные по множеству и величию, что невозможно и словом их выразить, спим на оба уха и проводим жизнь в большой беспечности, хотя остается взять только эти награды левой рукою?

Тогда высоко бы ценилась праздная жизнь, и у всех восхитил бы первенство в счастии Сарданапал[16], или, если угодно, Маргит[17], о котором сказал Гомер (если только Гомеровы это стихи), что он был ни пахарь, ни человек, способный к чему-либо в жизни. Но не более ли истинно изречение Питтака[18], который сказал, что «трудно пребыть добродетельным»? Ибо действительно, даже подъяв много трудов, едва можем сподобиться тех благ, которым, как выше сказано, нет и образца между благами человеческими.

Поэтому не до́лжно нам лениться и на краткий покой променивать великие надежды, если не хотим слышать укоризны и терпеть наказания — не здесь от людей, хотя и сие немаловажно для имеющего ум, но на тех судилищах, где бы ни были, хотя бы под землею или где в другом месте. Невольно погрешившему против долга, может быть, и будет некоторое помилование от Бога, но намеренно избравшему худое нет и отговорки, почему не терпеть сугубого наказания. Что же нам делать? Что иное, кроме того, чтоб, освободившись от всех других попечений, иметь попечение о душе?

Поэтому не должно служить телу, кроме крайней необходимости, а душе надобно доставлять все лучшее любомудрием, как от темницы освобождая ее от общения с телесными страстями, а вместе и тело соделывая неодолимым для страстей. Чреву надобно доставить необходимое, но не слишком сладкое, как делают выдумывающие каких-то приготовителей стола и поваров, обыскивающие всю сушу и море, собирающие дани, как жестокому властелину — эти жалкие труженики, страждущие не менее мучимых в аде, которые подлинно прядут огонь, решетом носят воду, льют в дырявую бочку, не видят конца трудам. А трудиться сверх нужды над волосами и одеждами, по выражению Диогена, свойственно или злосчастным, или обидчикам. Посему утверждаю, что быть и называться щеголем должны мы почитать столько же срамным делом, как и жить непотребно и злоумышлять на чужое брачное ложе. Ибо для имеющего ум какая разность — надеть ли на себя зрелищный наряд или носить одежду простолюдина, если только она достаточно защищает от холода и жары? Подобным образом и прочее надобно заготовлять себе, не превышая нужды, и не больше заботиться о теле, но сколько хорошо это для души. Мужу, поистине достойному сего именования, быть щеголем и занятым своею наружностью не менее укоризненно, как и рабски предаваться другой какой-либо страсти. Употреблять все старание на то, чтоб тело было как можно наряднее, свойственно человеку, который не познал сам себя и не понимает того мудрого правила, что не одно видимое составляет человека, а потребна некая высшая мудрость, посредством которой каждый из нас познает себя, каков он. И сие имеющим неочищенный ум более невозможно, чем больному глазами смотреть на солнце.

Очищением же души (чтоб сказать одним разом и достаточно для вас) служит — презирать чувственные удовольствия, не насыщать глаз нелепыми представлениями чудодеев или зрением тел, возбуждающих к сластолюбию, и чрез слух не вливать в душу поврежденного сладкопения. Ибо от такого рода музыки, обыкновенно, возникают страсти — порождения рабства и низости. А нам должно учиться иной музыке, которая лучше и ведет к лучшему, которой пользуясь Давид, творец священных песнопений, как говорит Писание, избавлял царя от неистовства. Сказывают же, что Пифагор, встретив упившихся на пиру, свирельщику, который управлял пиром, велел, переменив напев, заиграть на дорический лад, и пирующие так образумлены были этою игрою, что, сбросив с себя венки, разошлись со стыдом. А иные при звуках свирели предаются неистовствам. Столько разности — наполнят ли слух сладкопением здравым или негодным! Посему в этом господствующем ныне сладкопении должно вам участвовать менее, чем в каком-либо из срамных дел. А растворять воздух различными испарениями, доставляющими удовольствие обонянию, намащать себя благовонными мазями, стыжусь и запрещать вам. Что же сказал бы иной о том, что не надобно гоняться за удовольствиями осязания и вкуса, разве то одно, что преданные уловлению сих удовольствий принуждены ими бывают жить подобно скотам, по прихотям чрева и того, что ниже чрева. Одним словом, все телесное должно презирать тому, кто не хочет, как в тине, погрязнуть в телесных удовольствиях. Столько надобно к телу привязанности, сколько, говорит Платон, участвует оно в служении любомудрию, выражаясь несколько подобно Павлу (Апостолу.— *Ред.*), который дает совет, что нимало не должно телу угодия творить в повод похотям (ср.: Рим. 13, 14). Те, которые заботятся, чтобы тело было,

как можно наряднее, а душу, которая действует чрез тело, презирают, как ничего не стоющую, чем отличаются от людей, прилагающих попечение об орудиях, но не радящих об искусстве, действующем чрез орудие? Поэтому, совершенно напротив, должно обуздывать и сдерживать тело, как порывы зверя, и мятежи, производимые им в душе, усмирять, поражая рассудком, как бичом, а не ослаблять вовсе узды сластолюбию и не пренебрегать тем, что ум увлекается им, подобно вознице, которого неудержимо несут необузданные кони. И надобно припоминать, как Пифагор, узнав, что один из его знакомых очень тучнеет от телесных упражнений и многоядения, сказал ему: «Перестанешь ли отстраивать себе несноснейшую тюрьму?» Поэтому, говорят, и Платон, предусматривая, что тело вредит душе, с намерением избрал для академии не совсем здоровое в Аттике место, чтоб не давать телу очень нежиться, как и винограду не дают разрастаться в излишние ветви.

Итак, если излишнее попечение о теле бесполезно для самого тела и служит препятствием душе, то покорствовать и услуживать телу — явное безумие. Но если бы научились мы презирать его, то едва ли бы стали удивляться чему-нибудь другому из всего человеческого. Ибо на что понадобилось бы еще богатство нам, которые ни во что ставят телесные удовольствия? Я не вижу никакой надобности, разве только, как в баснях говорится о драконах, и то доставляет некоторое удовольствие, чтоб неусыпно стеречь зарытые сокровища. Но кто обучился в рассуждении подобных вещей вести себя благородно, тот вовсе не способен избрать что-нибудь низкое и постыдное в деле или в слове. Что сверх нужды, будь это лидийский песок или работа златоносных муравьев, тем более станет он гнушаться этим, чем менее находит в том потребности. Самую нужду будет определять он естественными потребностями, а не удовольствиями. Ибо преступившие пределы потребностей, подобно несущимся вниз по скату, не имея перед собою ничего такого, на чем бы удержаться, нигде не останавливаются в своем стремлении вперед, но чем более простираются вперед, тем паче для удовлетворения пожелания имеют нужду в равном прежнему или еще в большем, по изречению Солона, который говорит: «В богатстве у людей нет явного предела». В этом же надобно взять себе в учители Феогнида, который говорит: «Не люблю и не желаю богатеть, а только бы прожить мне малым, не встретив ничего худого». А я дивлюсь презрению всего вообще человеческого и в Диогене[19], который доказал, что он богаче и великого царя, потому что меньше его имеет нужд в жизни. А нам, если нет у нас такого же числа талантов, как у Пифея[20], нет стольких десятин земли, нет скота, которых бы нельзя было и перечесть, нам все еще мало.

Но думаю, что когда нет богатства, не должно его желать, а когда оно есть, надобно думать не о том, что обладаешь им, но о том, умеешь ли располагать им? Прекрасно изречение Сократа, который об одном богатом человеке, высоко думавшем о деньгах, сказал, что не прежде станет удивляться ему, как изведав, умеет ли пользоваться ими. Фидий[21] и Поликлет[22], если б много стали превозноситься золотом и слоновою костию, из которых первый сделал илиянам Дия, а другой аргивянам Геру, подверглись бы посмеянию за то, что, хвастаясь чужим богатством, оставили в стороне искусство, от которого и золото стало приятнее и драгоценнее. А мы, предполагая, что человеческая добродетель сама по себе недостаточна для украшения, думаем о таком своем поступке, что он менее постыден! Ужели, презрев богатство и чувственные удовольствия поставив ни во что, погонимся за лестию и ласкательством и станем подражать пронырству и оборотливости Архилоховой[23] лисицы? Человеку здравомыслящему более всего должно избегать того, чтоб жить для славы, сообразоваться с мнением большинства, а не правый разум ставить вождем жизни; но, хотя бы пришлось противоречить всем людям, или за прекрасное навлечь на себя бесславие и опасности, и в таком случае не должно решаться на извращение правильно дознанного. А кто не таков, о том скажем ли, что отстает он в чем-нибудь от египетского софиста, который, когда хотел, делался деревом, зверем, огнем, водой и всякою вещию, если только он то будет хвалить справедливое пред чтителями справедливости, то станет говорить противное, когда заметит, что одобряют несправедливость, как это в обычае у льстецов; и как говорят о полипе, что меняет цвет и по цвету земли, которая под ним, так и он будет менять свои мысли, по расположению людей, которые при нем?

Но хотя этому совершеннее обучимся из наших Писаний, однако же и из внеш-

них уроков начертаем на сей раз как бы некоторый оттенок добродетели. У тщательно собирающих пользу с каждой вещи, как и в больших реках, по Гесиоду, отовсюду, обыкновенно, прибывает многое. Ибо изречение стихотворца: «Прибавляй малое к малому» надобно почитать правильным не только о приращении серебра, но и обо всяком знании. Поэтому Виас, когда сын, отправляясь к египтянам, спрашивал, что ему делать, чтобы особенно угодить отцу, отвечал: «Приобрети напутствие к старости», а напутствием назвал добродетель, заключив ее в тесные пределы, потому что ограничил пользу ее продолжением человеческой жизни. А я, хотя бы кто наименовал мне старость Тифона[24] или Арганфония или старость самого долговечного у нас — Мафусала[25], о котором сказано, что жил тысячу лет без тридцати, хотя бы отчислил все время сначала, как стали существовать люди, посмеюсь этому, как детской мысли, простирая взор в тот долгий и нестареющий век, в котором так же нельзя примышлением своим постигнуть предела, как назначить и предположить кончину бессмертной душе. Для сего века советовал бы я вам приобрести напутствие, не оставив, по пословице, не двинутым ни одного камня, если только будет вам от того какая польза. Не будем бездействовать по той причине, что это тяжело и требует труда, но, вспомня совет сказавшего, что всякому должно избирать жизнь совершеннейшую и ожидать, что привычка сделает ее приятною, испытаем то, что всего лучше. Ибо стыдно, потеряв настоящее время, впоследствии стараться возвратить прошедшее, чего не сделаешь уже никакою скорбию.

Итак я, что признаю важнейшим, частью сказал вам теперь, а частью буду советовать и во всю жизнь. А вы, так как болезни бывают троякие, не окажитесь подобными неизлечимо больным и не обнаружите в себе недуга воли, похожего на болезнь страждущих телом. Ибо страждущие неважною болезнью сами приходят к врачам; одержимые важнейшими недугами к себе призывают врачующих, а впадшие совершенно в неисцелимую болезнь и приходящих к ним врачей не допускают до себя, чего да не будет ныне с вами, вы же не убегайте от людей, которые рассуждают право.

(Печатается по изданию: Творения святителя Василия Великого. Ч. 4. С.-Посад, 1892, с. 318—338)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Гесиод — один из наиболее знаменитых древнегреческих поэтов, живший в VIII веке до Рождества Христова.

[2] Одиссей — герой эпической поэмы Гомера.

[3] Солон — афинский законодатель и поэт, самый значительный из семи мудрецов Древней Греции, живший в VII—VI веках до Рождества Христова.

[4] Феогнид — древнегреческий поэт из Мегары (VI век до Рождества Христова), выразитель идеалов аристократии.

[5] Продик — древнегреческий софист времен Сократа, ученик Протагора.

[6] Еврипид — один из трех великих древнегреческих трагиков, автор многочисленных трагедий и драм.

[7] Платон — выдающийся древнегреческий философ, живший в IV—III веках до Рождества Христова.

[8] Перикл — выдающийся древнегреческий государственный деятель.

[9] Евклид — древнегреческий ученый и государственный деятель V века до Рождества Христова.

[10] Сократ — выдающийся древнегреческий философ, живший в V веке до Рождества Христова.

[11] Дарий — персидский царь, неоднократно воевавший с Афинским государством.

[12] Пифагор — древнегреческий математик и философ, живший в VI веке до Рождества Христова.

[13] Полидам — по древнегреческой мифологии — троянский герой и оратор.

[14] Милон — знаменитый древнегреческий атлет, обладавший, по преданию, невероятной силой.

[15] Орфей — по древнегреческой мифологии — чудесный юноша, покровительствующий музыке и музыкантам.

[16] Сарданапал — последний ассирийский царь, роскошь и изнеженность которого вошли в пословицу.

[17] Маргит — герой одноименного анонимного стихотворения: «Знал он много, но ничего не знал толком».

[18] Питтак — один из семи греческих мудрецов, живший в VII—VI веках до Рождества Христова.

[19] Диоген — древнегреческий философ-киник, известный своим эпатирующим образом жизни.

[20] Пифей (Пифеас) — древнегреческий мореплаватель, астроном и географ.

[21] Фидий — знаменитый древнегреческий скульптор, живший в V веке до Рождества Христова.

[22] Поликлет — древнегреческий скульптор, современник и соперник Фидия.

[23] Архилох — древнегреческий сатирик и поэт, живший в VIII веке до Рождества Христова.

[24] Тифон — по древнегреческой мифологии — сын Геи и Тартара, представляется ужасным чудовищем.

[25] Мафусал (Мафусаил) — библейский персонаж, известный своим долголетием.

Дела Божии

Всем известно замечательное евангельское повествование об исцелении Господом Иисусом Христом слепорожденного. Ученики Христовы, указывая на слепого, спросили: *...Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии...* И далее Господь сказал: *Доколе Я в мире, Я свет миру...* (Ин. 9, 2—5). Затем Христос исцелил слепорожденного, чем привел в радостное изумление и самого исцеленного, и его родителей, и присутствовавших при этом учеников Христовых. Стояли здесь и некоторые из фарисеев. Эти люди, ослепленные своей гордыней и не понимавшие, Кто стоит перед ними, начали укорять Христа в нарушении субботы и называть Его грешным человеком. Примечателен ответ Спасителя. *...И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы. Услышав это, некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас* (Ин. 9, 39—41).

Итак, при исцелении Господом слепорожденного явились дела Божии — освещение мира светом Христовым. Свет Христов обладает особым свойством: он превращает слепых в видящих и видящих в слепых. Это особое свойство света Христова следует понимать преимущественно в духовном смысле. Тот, кто был слеп духовно, кто был лишен истинного знания о Боге, тот через веру во Христа получает новое духовное зрение, он все начинает видеть посредством света Христова, для него становится доступным высшее видение, его освещает *Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1, 9). А тот, кто лишь воображал себя духовно зрячим и по-фарисейски хвалился своими многими, но ложными знаниями, тот оказывается духовно слепым, не принимающим света Христова; и эта слепота, по слову Спасителя, является тяжелым непрощенным грехом: *грех остается на вас.*

Сегодня, прослушав евангельское повествование об исцелении Господом слепого, многие из нас могут задать себе вопрос, который задали Господу растерянные и удивленные фарисеи: *неужели и мы слепы?* Конечно, нет, дорогие братья и сестры, мы все, составляющие Церковь Христову, не слепы. Мы просвещены светом Христова учения. Мы веруем в Свет, пришедший в мир (ср.: Ин. 3, 19). Мы видим путь, открытый нам Господом (ср.: Ин. 14, 5). Да мы и не стояли бы здесь, в православном храме, если бы были такими же полными слепцами, как фарисеи, о которых с укоризной говорил Господь. Однако как есть люди со слабым зрением, недостаточным физическим зрением, так некоторые из нас имеют духовное зрение неполноценное, замутненное грехами и житейскими пристрастиями. Такие люди не видят перед собой правильного жизненного пути, они нечетко различают истину и ложь, добро и зло, не ощущают в своей жизни Промысла Божия, не чувствуют любви Божией, не видят истинного Света Христова.

И вот такие-то люди очень остро нуждаются в исцелении своей духовной слепоты, в восстановлении в полноте и чистоте духовного зрения. Вспомните, как поется в тропаре Недели о слепом: *Духовныма очима ослеплен, к Тебе, Христе, прихожу, якоже слепый от рождения; покаянием зову Ти: Ты сущих во тьме Свет пресветлый.*

Задумаемся, дорогие братья и сестры, над своим внутренним состоянием, обратимся с горячей молитвой к Господу Богу, чтобы Он вернул нам духовное зрение, чтобы над нами совершились дивные евангельские *дела Божии. Аминь.*

ПИМЕН,
архиепископ Саратовский
и Вольский

Лествица добродетелей

На Кресте была явлена величайшая любовь Бога к падшему миру, великая любовь и такое самопожертвование и есть основа христианской жизни. Христос с Креста Своего как бы сказал нам: стяжите и вы такое же совершенство в любви. А как достичь его? Нужно взять крест свой и следовать за Христом, нужно *распять свою плоть со страстями и похотями* (Гал. 5, 24).

Установив в четвертую неделю Великого поста празднование в честь преподобного Иоанна Лествичника, Церковь указывает самое верное средство для достижения совершеннейшей любви, заповеданной Христом. Почему из числа великого множества преподобных отцов Церковь избрала именно святого Иоанна Лествичника?

Преподобный Иоанн Лествичник родился около 525 года. С 16 лет ушел в Синайскую пустыню, где подвизался в подвиге отшельничества в течение 40 лет. Потом был избран настоятелем Синайского монастыря и на время вернулся к людям, продолжая проводить подвижническую жизнь. На Синайской горе в то время было много монастырей, и игумен одного из них, Раифского, Иоанн просил его написать для братии руководство по монастырской жизни. Преподобный ради послушания написал книгу, которую назвал «Лествица Райская». Эта книга была принята Церковью как руководство к святой жизни. В чем же наставляет нас преподобный?

По христианскому учению, человек имеет двойственную природу: телесную и духовную, и ему нужно воспитывать себя для правильного провождения и телесной и духовной жизни. Церковь учит, что жизнь человеческая на земле имеет определенное назначение — она является школой, где каждый приуготовляет свою будущую жизнь.

Земная жизнь есть лестница (лествица) от земли на Небо. Каждый христианин, постоянно трудясь, постепенно восходит по ступенькам этой лестницы, чтобы стяжать важнейшую христианскую добродетель — любовь, без которой невозможно достичь Царствия Небесного. Трудно, говорит преподобный Иоанн, стать на первую ступеньку этой лестницы, ибо она является самой важной, знаменует начало отрыва от земли. Чтобы ступить на эту ступеньку, нужно понять, что жизнь здесь, на земле, мгновенна и поэтому так важно не прилепляться ни к чему земному. А когда человек встал на первую ступеньку и восхотел подняться выше, он начинает борьбу с пороками, которые присущи ему, унаследовавшему первородный грех и поврежденную грехом плоть. Но поскольку Христос пригвоздил на Кресте грехи всего мира, каждый человек должен на своем кресте пригвождать свои грехи, уничтожать в себе грех. Это очень большой труд, тяжелейшая борьба.

Нельзя сразу освободиться от всех грехов. Преподобный Иоанн наставляет, что нужно освобождаться от пороков постепенно. Освободился ты от одного порока, приобрел один добрый навык, значит, ты духовно растешь, значит, ты постепенно поднимаешься по духовной лествице.

Вчитаемся в названия глав книги преподобного Иоанна.

«О памяти смерти». Святой говорит: «Думай о том, что здесь временно живешь. Это предохранит тебя от многих грехов. Кто стяжал память смерти, тот никогда не согрешит».

«О злословии и клевете».— «Послушайте меня, послушайте, злые судьи чужих деяний: за какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те впадем и сами; и иначе не бывает».

«О многоглаголании и молчании».— «Многоглаголание присуще тщеславным. Благоразумное молчание есть... причащение разума».

«О лжи».— «Ложь есть признак лицемерия», на которое так ополчался Христос: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры...* (Мф. 23, 23).

«Об унынии и лености».— «Уныние есть расслабление души».

«О любезном для всех и лукавом владыке, чреве».— Здесь речь идет о вреде объедения и пьянства и о

пользе поста не только для души, но и для тела.

«О сребролюбии». Преподобный наставляет, что у всех в сознании должен стоять страшный образ Иуды-предателя, который *сребролюбием недуговав омрачашеся и беззаконным судиям Тебе, праведнаго Судию предает.*

«О нечувствии, т. е. об омертвении души, о смерти ума, предваряющей смерть тела».— Это самое страшное для человека состояние, граничащее с духовной смертью.

«О малодушной боязливости, или страховании».— Это трусость — порок, делающей человека непригодным даже для земной жизни. «Страх есть предвоображаемая беда» — так характеризует такое состояние души преподобный Иоанн.

«О многообразном тщеславии», «О безумной гордости».— «Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение...»

«О кротости, простоте и незлобии», «Об искоренителе страстей, высочайшем смиренномудрии», «О матери добродетелей, священной и блаженной молитве» и многие другие главы, в которых рассматриваются пороки и способы борьбы с ними.

Книга преподобного Иоанна полезна для всех, потому что каждый найдет в ней те средства, которые помогут ему освободить свое сердце от присущих именно ему болезней и пороков.

Высшая ступень «Лествицы» (тридцатая) — любовь.

Преподобный Иоанн считает, что как Христос по истечении тридцати лет Своей жизни вступил на путь служения людям, так и последователь его должен пройти тридцать ступеней духовной лестницы, чтобы вступить на поприще служения людям любовью.

Иоанн Лествичник указал на великую связь христианского учения с жизнью. Основа жизни и основа христианства совпадают. Это — любовь, ибо *Бог есть Любовь* (1 Ин. 4, 16).

Замечательна последняя глава книги **«О союзе трех добродетелей, т. е. о вере, надежде и любви».** В ней преподобный Иоанн говорит:

«Ныне же, после всего сказанного, пребывают три сия, все связующия и содержащия: вера, надежда и любовь, больше же всех любовь, ибо ею именуется Бог» (ср.: 1 Кор. 13,13; 1 Ин. 4,8).

«По моему разумению, вера подобна лучу, надежда — свету, а любовь — кругу солнца. Все же они составляют одно сияние и одну светлость».

«Первая все может творить и созидать; вторую милость Божия ограждает и делает непостыдною; а третья никогда не падает, не перестает от течения и не дает опочить уязвленному ею блаженным упоением».

«Любовь есть Бог: а кто хочет определить словом, что есть Бог, тот, слепотствуя умом, покушается измерить песок в бездне морской».

Кончается книга замечательным пожеланием:

«Восходите, братие, восходите усердно, полагая восхождения в сердце своем и внимая пророку, который говорит: *придите, и взомдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева* (Ис. 2, 3), т. е. в храм Божий.

Святыми отцами Церкви разработано учение о духовной, сокровенной жизни человека. Эту науку преподали нам такие святые отцы, как Антоний Великий, Макарий Великий, Нил Синайский, Иоанн Лествичник и многие другие. Они оставили свой богатейший аскетический опыт в бесценных книгах, собранных в различные сборники, среди которых особенно выделяется «Добротолюбие». И в этом сборнике тоже содержатся учительные слова преподобного Иоанна Лествичника.

Значение аскетических творени святых отцов так велико, что даж Лев Толстой, известный своим отрица нием Церкви и ее Таинств, в последние годы своей жизни сказал: «Если бы эта книга попалась бы мне раньше, у меня жизнь текла бы совершенно по-другому и все мои мысли и все мои поступки были бы другими».

Будем же жить так, чтобы наша жизнь на земле не оказалась бесцельной и пустой. Продолжается Великий пост — время усиленной борьбы с грехом. Будем трудиться над возделыванием нивы своего сердца, чтобы взрастить плод любви.

Протоиерей Михаил ОРЛОВ († 1984)

Благовещение Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Вот и наступил великий церковный праздник Благовещения. Он именуется *главизной*, то есть началом нашего спасения. Сегодня мы радуемся благолепию богослужения, наш слух услаждается дивными, столь желанными для верующего сердца песнопениями. Но глубина и таинственность настоящего события побуждает нас не ограничиваться только внешней стороной праздника.

Благовещение — действительно начало, краеугольный камень Божия домостроительства, цель которого — наше спасение. Об этом событии было предсказано за много веков до его совершения, оно уже существовало в планах Творца прежде бытия видимого мира.

Священное Писание приоткрывает верующему сердцу глубину этого события, возводя нашу мысль к Таинству Боговоплощения. Сын Божий, входя в мир, говорит Богу Отцу: *Жертвы и приношения не восхотел еси, тело же сверши Ми еси* (...) *Се приидy. В главизне книжне писано есть о Мне; еже сотворити волю Твою, Боже Мой, восхотех* (Пс. 39, 7—9). О какой книге и о какой воле говорится в этом священном тексте? В начале Библии говорится о благоволении Божием спасти все человечество от власти диавола и смерти: *Семя Жены сотрет главу змия* (ср.: Быт. 3, 15). Это значит, пишет один из богословов нашей Церкви, что Сын Божий, воплотившись, сокрушит силу врага рода человеческого. Для Воплощения же нужно зачатие; и та великая минута, когда Архангел на землю принес Благовещание, когда Дух Святой возвел естество Девы целомудренной в состояние Богоматери, называется в церковных песнопениях главизной спасения, ибо с того момента уже с нами Спаситель, с нами Бог.

Нелегко немощному, грешному человеческому уму углубляться в тайны настоящего события. У нас не хватит ни времени, ни способности, чтобы охватить всю Божественную полноту Благовещения. Возьмем для рассмотрения только одно архангельское приветствие: *радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты в женах* (Лк. 1, 28). До этого события ни один из земнородных не слышал подобного приветствия с Неба, хотя было множество явлений ангелов Патриархам, пророкам и праведникам. *Радуйся, Благодатная* — то есть радуйся, исполненная высоких даров Божиих, превышающих естественные дарования. Архангел поставляет безвестную Деву превыше всех лиц Ее пола, ибо *благословенная в женах* значит: благословенная перед всеми женами человеческого рода.

Если мы обратимся к месту празднуемого события, к малоизвестному тогда городу Назарету, к скромному дому смиренного Иосифа, то увидим, что здесь нет ничего случайного, но все предопределено Промыслом Божиим. Об образе пришествия Сына Божия на землю так предсказали пророки: *Снидет, яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю* (Пс. 71, 6), то есть Сын Божий, согласно пророчествам, должен прийти на землю не в дивных знамениях, не в блеске и славе, но кротко, смиренно и незаметно, что и подтвердила евангельская история.

Углубляясь в событие данного праздника, не будем забывать, что тайна Воплощения Сына Божия — тайна непостижимая, в которой действует всемогущество Божие. Воля Божия, где ей угодно, побеждает законы и уставы естества. «Законы природы,— по замечанию одного богослова,— это не оковы, которые наложил на Себя Божественный Законодатель, а нити, которые Он держит в Своей руке и управляет ими как хочет». И дело Воплощения Сына Божия осуществляется по закону воли Его. Пресвятая Дева повиновалась этой воле и Свою безусловную покорность выразила в таких словах, которые показывают, что Она вполне была достойна Своего высокого назначения: *Се, раба Господня, буди мне по глаголу твоему* (Лк. 1, 38).

Сегодня, когда весь христианский мир празднует *главизну* спасения, уместно спросить себя: есть ли настоящий день начало нашего с вами спасения? Как учит один из пастырей,

«может быть спасен мир, но можем погибнуть мы... спасение мира, совершенное крестной смертью Сына Божия, не будет нашим, если не совершится в нас».

Как жить для того, чтобы спасение совершилось в каждом из нас, учит сегодня Пресвятая Дева Мария Своей всецелой покорностью воле Божией, выразившейся в словах: *Се раба Господня, буди Мне по глаголу Твоему.* По примеру Пресвятой Девы, каждый христианин должен всегда поступать так, как угодно Богу, искать во всем происходящем Его святую волю. Это самый краткий и самый легкий путь ко спасению, единственно верный способ достижения благополучия в жизни временной и блаженства в Жизни вечной. Мы, христиане, знаем, что Бог создал человека для вечной радости и блаженства; мы знаем, что Он для всех верных уготовил и Царствие Небесное; мы знаем, что Отец Небесный хочет, чтобы все люди спаслись и наследовали Жизнь вечную. Разве это не благая воля?

Даже естественный человеческий разум, без откровения свыше, приходит к выводу, что воля Творца не может быть неблагой по отношению к Своему творению. Так, знаменитый греческий философ Эпиктет еще до пришествия в мир Христа утверждал, что весьма полезно и безопасно во всем подчиняться воле Божией. Это он считал самым верным путем достижения благ временных и вечных. «Всякое желание свое я отдаю в послушание Богу,— говорил он,— желает ли Всевышний, чтобы я пребывал больным? Желаю и я быть больным. Угодно ли Ему сообщить мне какое-либо дарование? Принимаю его благоговейно с благодарностью. Не угодно что-либо Богу? — и мне не угодно».

Что же значит всецело предать себя в волю Божию? Человек — разумное и свободное существо. Высочайший дар, данный человеку Богом,— это свобода воли, свобода действий и поступков. И мудрым окажется тот, кто свою волю свободно покорит всесвятой воле Божией, все случающееся с ним принимая с благодарением, ибо сказано: *За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе* — учит нас Апостол Павел (1 Фес. 5, 18). А святитель Иоанн Златоуст поясняет это наставление Апостола: «Претерпел ты нечто злое: если не желаешь, чтобы оно было злом для тебя, благодари Бога, и вот это зло превратилось в добро,— в этом высокая мудрость».

Воля Божия определенно выражена в законе Божием и церковных установлениях. Следовательно, наша жизнь должна определяться ими.

Проводниками воли Божией могут быть истинные, по-христиански живущие, пастыри Церкви. Перед тем как обратиться к священнику, необходимо помолиться Богу, чтобы он открыл Свою волю о нас служителю алтаря. Если же время или место не позволят обратиться за советом к священнику, надо искренно помолиться Богу и испросить Его, как следует поступить в данном случае, чтобы это было согласно с волей Его. «И Бог не оставит молитвенного желания во всем исполнять Его волю и неожиданно разрешит сомнения»,— учит святитель Иоанн Тобольский.

В повседневной жизни главное — это сердечное желание поступать во всех случаях так, как угодно Богу. Именно это желание, если оно искренне, помогает человеку избежать различных заблуждений и непреткновенно проводить свою жизнь в согласии с волей Божией.

Символом такого согласия да послужит замечательное создание природы — подсолнечник: он постоянно обращен к солнцу и вслед за ним поворачивается с востока на запад, даже в облачные дни,— так сильно любит это растение солнце; ночью же ради этой исключительной любви к солнцу подсолнечник сворачивает свои лепестки. «Да будет так же сильна наша любовь к нашему Солнцу — воле Божией,— восклицает святитель Тобольский Иоанн,— чтобы мы неразлучно с ней могли в дни невзгод и скорби, как подсолнечник в дни мрачные, продолжать безошибочно плавать по житейскому морю, руководствуясь компасом воли Божией, ведущей нас в безопасную пристань вечности». *Аминь.*

Игумен ФЕОДОСИЙ,
Троице-Сергиева Лавра

Возвеличься, жених, и ты возвеселись, невеста!

Церковь знает два основных пути жизни христианской: монашество и брак. Монашество — это разрыв с земным родом, отказ от прошлого, будущего и настоящего плотского единения с людьми, которые остаются для монаха предметом молитвы и духовной любви; сам же инок умирает для мира и, еще живя в теле, становится подобным ангелам. Так, по крайней мере, должно быть, и к этому монах должен стремиться.

Вступая же в брак, христианин, напротив, включается в родовую жизнь человечества. В первой же молитве чина венчания священник обращается к Богу: *Ты, Который благословил Авраама и разверз ложесна Сарры... Ты, Который даровал Исаака Ревекке ... Ты, Который сочетал Иакова и Рахиль.* И далее во второй молитве: *Благослови их, Господи Боже наш, как благословил Авраама и Сарру; благослови... как Исаака и Ревекку, благослови... как Моисея и Сепфору, благослови... как Захарию и Елисавету.* Церковь просит Бога сохранить вступающих в брак, как Он *сохранил Ноя в ковчеге и Иону в чреве кита,* просит помянуть их, как Он помянул всех ветхозаветных праведников.

Вступая в телесный брак, намереваясь устраивать свой земной дом и рождать детей, молодые люди испрашивают благословение Божие и получают его подобно еврейскому народу, который обрел силу и плодовитость ради той великой цели, к которой призвал его Господь: сохранить веру в Единого Истинного Бога и дать плоть Спасителю мира. И действительно, великий и выше меры обогащенный Божиими благословениями род Ноя, Сима и, наконец, Авраама произвел с наступлением последних времен необычайный плод — Приснодеву, от Которой воплотился новый Родоначальник, Сын Божий Иисус Христос. К Его роду принадлежат независимо от плотского происхождения все рожденные водою и Святым Духом в купели крещения. И именно чада Христовы, чада Церкви суть истинные дети Авраама и наследники данных ему обетований.

Благословен еси, Господи Боже наш, иже тайного и чистого брака священнодействителю и телесного законоположителю,— молится священник. Если брак наш останется только телесным, мы получим благословение Божие, но лишь временное, как бы ветхозаветное, для продолжения земного рода. Если же мы хотим получить вечное благословение Христово, мы должны по-другому взглянуть на брак. Обычно жених и невеста, даже верующие, мало думают о духовных целях супружества, и поэтому повторяется история брака в Кане Галилейской, на который были приглашены и Христос, и Матерь Божия, но участники брачного пира не к Господу обращались за животворящим небесным вином, а пили свое земное вино, которое скоро и кончилось. Так и наши браки, хоть мы и призываем на них благословение Божие, слишком еще земные, и к нам тоже относятся евангельские слова Христа, сказанные Им Богородице: *Еще не пришел час Мой* (Ин. 2, 4). Для нас не пришел еще час Господень, и мы заслужили то, чтобы умирать от голода (ср.: Лк. 15, 17), как блудный сын.

Но, видя нашу скорбь об оскудении радости, Матерь Божия просит за нас Своего Сына, и Он превращает воду покаянных слез в вино благодати, веселящее сердце и просвещающее умные очи. *Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся* (Ис. 35, 5) слову Божию, сказанному апостолом: *Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви* (Еф. 5, 22—23).

Именно так: глава. Не вожак в стае и не партнер в деле или безделье, не начальник, не подчиненный, не равный. Совсем не это или не просто это. Муж есть глава домашней Церкви и образ Христа, которому жена, как образ Церкви, должна с любовным благоговением повиноваться. По образу Христа муж должен любить свою жену жертвенно до готовности и умереть за нее, и душу свою положить за спасение ее души.

А жена да боится своего мужа (Еф. 5, 33). Многих смущает это слово *боится,* и они пытаются его заменить словом «почитает» и даже «уважает». Нет, мало уважать супруга, хотя он

по немощи человеческой может не вызывать и уважения, а нужно сквозь эту немощь увидеть вечное мужество Божие.

Открой свои духовные очи, невеста, и посмотри, кто рядом с тобой. Это Сам нетленный и вечно юный Жених, увенчанный за победу, которую Он одержал над твоими врагами. Это Сам Христос является тебе и хочет соединиться с тобой. Не перед немощным, таким же как ты, человеком предстоит склониться тебе, а перед Богом воплотившимся. Его убойся, перед Ним в лице земного супруга вовеки сохрани священный трепет.

И перед тобой, жених, не просто девица, данная тебе в утешение и помощь, но в образе ее стоит Невеста Агница, Небесная Царица, Церковь Божия, за которую пролил Свою кровь на кресте Господь Иисус Христос. Это Церковь в образе девицы склоняется перед тобой и ждет твоей жертвенной любви. И сама она, юная, увенчанная девица, невеста твоя, ждет, что ты примешь ее в единение с собою, как Христос соединил с Собой Церковь. *Тайна сия велика,*— пишет апостол Павел (Еф. 5, 32), но она раскрывается сердцам супругов по мере отвержения ими своей самости ради благодатного единения в Боге.

Брак — это Царство Небесное, осуществленное на земле, когда двое уже не двое, а одно. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20),— сказал Христос. Будем об этом помнить, будем благоговейно сохранять чистоту брака как благодатный дар, и этот сохраненный дар явится залогом нашего участия в вечном, нетленном и блаженном браке Христа и Его невесты Церкви. *Аминь.*

Священник Константин
ОСТРОВСКИЙ

Во образ духовного союза Христа с Церковью...

Брак есть таинство, в котором, при свободном общении женихом и невестою взаимной их супружеской верности перед священником и церковью, благословляется их супружеский союз — во образ духовного союза Христа с Церковью, испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей. **Филарет, митрополит Московский.**

Лучше всего, если Сам Христос присутствует на браке, потому что где Христос, там все обретает достоинство, и вода претворяется в вино, то есть все изменяется к лучшему. **Святитель Григорий Богослов.**

Необходимо призвать священников и молитвами и благословениями утвердить супругов в совместной жизни, чтобы и любовь жениха усилилась, и целомудрие невесты укрепилось, чтобы все способствовало водворению добродетели в их доме, а диавольские козни рассеялись, и супруги в радости проводили жизнь, соединяемые помощью Божией. **Святитель Иоанн Златоуст.**

А те, которые женятся и выходят замуж, должны вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти. Пусть все будет во славу Божию. **Священномученик Игнатий Богоносец.**

Если самый брак должен быть освящаем покровом и благословением священническим, то как может быть брак там, где нет согласия веры? **Святитель Амвросий Медиоланский.**

Вы, на кого в этой жизни честной брак положил свои узы, подумайте о том, как бы побольше плодов внести в небесные точила. **Святитель Григорий Богослов.**

Учи жену страху Божию, и все потечет к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многими благами.

Муж должен думать о том, чтобы делами и словами насаждать в доме благочестие; и жена пусть наблюдает за домом, но кроме этого занятия она должна иметь другую, более настоятельную заботу о том, чтобы вся семья трудилась для Царства Небесного. **Святитель Иоанн Златоуст.**

Святитель Игнатий об основах духовной жизни

600-летие памяти «второго солнца» Древней Руси — Преподобного Сергия Радонежского дает редкую возможность в лучах этого большого юбилея вспомнить и должным образом оценить и «небольшую» памятную дату — 125-летие со дня преставления святителя Игнатия Брянчанинова, верного последователя Сергия Радонежского на пути Христовом. Воспоминание это коснется сегодня не жития великого наставника духовной жизни, а его мыслей, особенно необходимых современному христианину.

«Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным, потому они очень мало разборчивы при принятии мысли. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному: от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит направление и, по большей части, участь всей огромной машины» (IV, 509)[1],— так пишет епископ Игнатий, подчеркивая то серьезное значение, какое имеют наши мысли, взгляды и теоретические знания в целом для духовной жизни, то есть для исцеления, преображения и возрождения христианина Духом Святым.

Духовная жизнь, как известно, включает в себя не только правильную догматическую веру и евангельскую нравственность, но и (что наиболее характеризует ее именно как духовную) знание и неукоснительное соблюдение особых законов, определяющих развитие *нового человека* (Еф. 4, 24). Иначе говоря, правильное понимание духовной жизни во многом определяет процесс перерождения страстного, плотского, *ветхого человека* (Еф. 4, 22) в нового.

Однако теоретическое обоснование и понимание этих законов оказывается не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Многообразие так называемых духовных путей, которые предлагают сейчас в целях «спасения» нашему человеку со всех сторон света непрошенные «просветители», в том числе и христианские разных конфессий, является одной из иллюстраций сложности данной проблемы. В связи с этим встает вопрос исключительной важности: чем характеризуется истинная духовность? И хотя о ней, как кажется, достаточно говорит нам двухтысячелетний опыт Церкви в лице своих святых, однако в действительности его восприятие современным человеком, выросшим в условиях совершенно обездушенной цивилизации, встречает немалые трудности. Существо их заключается в следующем.

Святыми отцами Православной Церкви наставления о духовной жизни всегда давались в соответствии с уровнем тех, кому они предназначались. «Просто так», «для науки», отцы не писали. Поэтому многие их советы, с одной стороны, часто обращенные к подвижникам высокой созерцательной жизни, или даже к тем, которые в древности именовались новоначальными, полностью неприемлемы для современного христианина, духовного младенца, так как могут оказаться непосильными для него, преждевременными и потому крайне вредными; с другой — само разнообразие и неоднозначность этих советов способны ввести в заблуждение и совершенно дезориентировать человека неопытного. Избежать этих опасностей при изучении святых отцов, не зная хотя бы наиболее важных принципов духовной жизни, очень трудно. В то же время и без святоотеческого руководства немыслима правильная духовная жизнь. Перед лицом этого, казалось бы неразрешимого, противоречия и выявляется вся значимость духовного наследия тех отцов, преимущественно ближайших к нам по времени, которые переложили предшествующий святоотеческий опыт духовной жизни на язык, доступный современному человеку,

* Актовая речь, произнесенная 14 октября 1992 года в Московской Духовной Академии в связи с 600-летием прославления Преподобного Сергия Радонежского.

мало знакомому с этой жизнью и не имеющему, как правило, должного руководителя.

Среди таких святых выделяется имя русского подвижника, глубокого духовного писателя, святителя Игнатия. Особая ценность его творений заключается в том, что они, являясь плодом не только самого тщательного теоретического изучения им отеческого опыта, но и личного его осуществления, дают современному ищущему спасения христианину безукоризненно верный «ключ» к пониманию всего святоотеческого наследия.

Что конкретно находим мы в творениях святителя Игнатия? Во-первых, глубоко духовное объяснение христианской религии — веры во Христа как Искупителя и Спасителя. Он пишет: «Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения: от такого взгляда на себя человек признает нужду в Искупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния» (IV, 277). «Не сознающий,— пишет он далее,— своей греховности, своего падения, своей погибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос для того, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собою, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных?» (IV, 378). Хочется обратить внимание на несоответствие приведенных слов общепринятому богословскому тезису о вере как начальном условии принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос пришел, пострадал и воскрес, «начало обращения ко Христу», а напротив, сама вера рождается из познания «своей греховности, своего падения», ибо «не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа».

В этом утверждении содержится первое и самое важное положение духовной жизни. В православном понимании, оказывается, верующим может стать и является лишь тот человек, который видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет спасения. Только этот смирившийся внутри себя человек способен к правильной, то есть спасающей, вере во Христа. (Отсюда, кстати, становятся очевидными как вся нелепость и чисто рассудочной, и обрядовой, законнической веры, растящей в бедном человеке самодовольство и гордыню, так и подлинное достоинство истинного монашества, состоящее в искреннем смирении.) Мысль святителя Игнатия совершенно ясна: видящий себя разумным и добродетельным не может еще быть христианином и не является им, хотя бы и считал себя таковым. В качестве аргумента он приводит историю земной жизни Господа Иисуса, когда Христос был принят со слезами раскаяния простыми, осознающими свои грехи, евреями и с ненавистью был осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», респектабельной иудейской элитой.

Мысль святителя Игнатия постоянно обращается к словам Евангелия: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9, 12). То есть на путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые способны увидеть болезнь своей души, ее неисцелимость собственными силами и из этого состояния смирения обращаются к пострадавшему за них истинному Врачу — Христу. Вне этого состояния, именуемого отцами познанием себя, невозможна нормальная духовная жизнь. «На познании и сознании немощи зиждится все здание спасения» [I, 532],— пишет епископ Игнатий. Он неоднократно приводит замечательные слова преподобного Петра Дамаскина: «Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку» [II, 410].

Потому вновь и вновь, восклицая, повторяет святитель: «Смирение и рождающееся из него покаяние — единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и покаяние — единственная цена, которою покупается познание Христа! Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! Смирение и покаяние — единственная жертва, которой взыскует и которую приемлет Бог от падшего человечества (ср.: Пс. 50, 18—19). Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключающих себя из числа грешников отвергает Господь. Они не могут быть христианами» [IV, 182—183].

Каким же образом приобретается человеком это спасительное познание себя, своего *ветхого* человека, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Послушаем епископа Игнатия: «Я не вижу греха моего, потому что еще

работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы со грехом, кто встал на доброй страже во вратах дома своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершит великое дело — установит вражду со грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего» [II, 122]. В другом месте он дает такой практический совет: «Кто отказался от осуждения ближних, помысл того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних» [V, 351]. Кратко основную свою мысль святитель Игнатий выражает следующими словами преподобного Симеона Нового Богослова: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи» [IV, 9], то есть показывает ему подлинную печальную картину того, что находится и что происходит в его душе.

По-существу, вопрос о том, как приобретается ви́дение греха своего, или познание себя, своего ветхого человека, является центральным в духовной жизни. Святитель Игнатий прекрасно показал его логику: только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; «здоровым» Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа право (ведь и *бесы веруют и трепещут* — Иак. 2, 19), стремящегося к спасению, иначе — для желающего вести правильную духовную жизнь это ви́дение является основной задачей подвига и одновременно главным критерием его истинности. Напротив, подвиг, не приводящий к такому результату, является лжеподвигом, а духовная жизнь без него — лжедуховной. Апостол Павел именно эту мысль высказывает, обращаясь к Тимофею: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2, 5). Преподобный Исаак Сирин говорит об этом еще более определенно: «Воздаяние бывает уже не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны»[2].

Последнее высказывание открывает еще одну важную страницу в понимании духовной жизни и ее законов: не добродетели сами по себе и не труды, оказывается, приносят человеку благо Царствия Божия, которое *внутрь нас есть* (Лк. 17, 21), но проистекающее из них смирение. Если не приобретается смирение — бесплодны и бессмысленны все труды и добродетели. В то же время только подвиг исполнения заповедей Христовых научает человека смирению или, по слову преподобного Симеона, лишь через познание его немощи открываются человеку врата Рая. Так выясняется одна из сложных проблем в богословии — о соотношении веры и так называемых добрых дел.

Святитель Игнатий уделяет большое внимание этому вопросу. Он рассматривает его в двух аспектах: во-первых, в плане понимания необходимости Жертвы Христовой и, во-вторых, в отношении к христианскому совершенству. Выводы его, выражающие саму сущность святоотеческого опыта, в то же время очень необычны для многих, не знакомых с писаниями отцов. Он пишет: «Когда бы добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним» [I, 502]. «Дела мнимо добрые по влечению падшего естества растят в человеке его «я», уничтожают веру во Христа, враждебны Богу» [I, 513]. Несчастлив тот, кто удовлетворен собственною человеческою правдою: ему не нужен Христос» [IV, 24]. «Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости» [IV, 20]. Епископ Игнатий даже так пишет: «Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде: признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных» [V, 47]. Отсюда и естественный вывод: «Не ищи совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом» [IV, 477—478]. Таким образом, правда и добродетели *ветхого* и *нового* человека оказываются не взаимодополняющими друг друга, а взаимоисключающими, ибо первые превозносят человека в его глазах, ослепляют, и тем отнимают у него Христа, вторые,

напротив, открывают человеку его падшее существо, смиряют его и приводят ко Христу.

Иными словами, добродетели и подвиги могут быть и крайне вредными, если они не основываются на познании подвизающимся греха своего и, в свою очередь, не приводят к более глубокому его видению. «Надо,— наставляет святитель Игнатий,— сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне» [IV, 490]. В качестве примера святитель приводит оценку подвижниками своих подвигов и добродетелей. «Подвижник,— пишет он,— только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его уклонений и побеждений, несчастное состояние его падшего естества... Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их» [I, 308—309]. Поэтому святые, продолжает святитель, «омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез» [II, 403].

Обратимся еще к одному важному закону духовной жизни, рассмотренному в творениях святителя Игнатия. Он состоит в том, что действия как страстей, так и добродетелей находятся в состоянии закономерного взаимовлияния и строгой последовательности, нарушение которой может привести к самым тяжелым последствиям для подвижника. Все это обусловлено, скажем словами святителя, «сродством между собой как добродетелей, так и пороков». «По причине этого сродства,— пишет он,— произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собой естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать бессупружною в сердце» [V, 351]. Серьезное предупреждение. Как часто христиане, не зная этого закона, небрежно относятся к так называемым «мелким» грехам, произвольно, то есть не находясь в плену у страсти, согрешая в них. А потом в недоумении со страданием и отчаянием, уже как рабы, невольно впадают в тяжкие согрешения.

О том, насколько необходимо в духовной жизни строгое соблюдение закона последовательности, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытнейшего наставника в духовной жизни — преподобного Исаака Сирина: «Премудрый Господь благоволил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремишься к взысканию дщерей прежде стяжания матери, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь» [II, 57, 58]. И святитель Игнатий в связи с этим строго предупреждает: «Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатию! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей» [I, 532]. Удивительные слова! Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться несвоевременной, тем более, смертельной для души, «ехидной», покажется просто странной, даже кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее строгих законов, открытый великим опытом святых. В сочинении «Приношение современному монашеству», глава «Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни», он прямо пишет: «Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им, возвышеннейшие добродетели» [V, 54].

Указанные мысли имеют прямое отношение к пониманию важнейшего в христианском, особенно монашеском, подвиге делания — молитвенном. Епископ Игнатий, согласно со всеми святыми, называя молитву матерью и главою всех добродетелей [I, 140], настоятельно указывает на условия, при которых только она является таковой и без соблюдения которых становится средством глубочайшего падения подвижника. При этом святитель особое внимание уделяет молитве Иисусовой.

В силу большого значения этой молитвы для каждого христианина сделаем краткую выписку из его замечательной статьи «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником».

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца...

Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами безмолвникам... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со в н и м а н и е м и б л а г о г о в е н и е м, с целью п о к а я н и я, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве... Особенно попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустроении нравственности сообразно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песце: на нравственности легкой, колеблющейся» [I, 225—256].

Внимательным и благоговейно осторожным должно быть отношение к упражнению в молитве Иисусовой. Она должна совершаться не как-нибудь, а п р а в и л ь н о. В противном случае упражнение в ней не только перестает быть молитвой, но и может погубить христианина. Ибо не сама по себе молитва или иной подвиг делают жизнь верующего *духовно законной* (ср.: 2 Тим. 2, 5), но верный при этом настрой души. В одном из писем святитель Игнатий говорит, каким этот настрой должен быть: «Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый инок сказал ему: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари». Высокое занятие,— продолжает святитель,— непрестанное памятование Бога! Но это высота очень опасная, когда лествица к ней не основана на прочном камне смирения» [IV, 497].

Это серьезное предупреждение указывает еще на один чрезвычайно ответственный момент в духовной жизни — на страшную опасность, грозящую подвижнику неопытному и не имеющему ни истинного наставника, ни правильных теоретических духовных знаний («мыслей», по святителю Игнатию), на возможность впадения в мечтательность, или так называемую прелесть. Слово «прелесть», часто употребляемое отцами, замечательно тем, что точно вскрывает суть этого явления: лесть себе, самообман, высокое мнение о своем достоинстве и совершенстве, внушенное прельстившим подвижника диаволом, гордость. Святитель Игнатий Брянчанинов, приводя слова преподобного Григория Синаита, называет главный источник этой смертельной болезни: «Вообще одна причина прелести — гордость...» и предлагает противоядие: «Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас» [I, 228].

В этом чувстве покаяния и смирения отцы видели главный критерий в различении святости и прелести. Святитель Игнатий пишет: «Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшую их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным» [II, 126].

Оказаться в этом бедственном состоянии может, к сожалению, любой верующий, если он живет «сам по себе», без руководства истинным духовным наставником и святоотеческими писаниями. Но если не простая задача — правильное понимание наставлений отцов, то многократно более трудным является нахождение

духовника. И в этом отношении святитель Игнатий дает особенно ценные советы современному верующему.

Он предупреждает о необходимости большой осторожности в выборе наставника и правильном к нему отношении, о непременности разлучения с тем, кто окажется в прелести. Наконец, что, может быть, особенно важно для современного человека, святитель Игнатий говорит о том, что в настоящее время и нет наставников, видящих души людей, но есть еще, милостью Божией, старшая «преуспевшая братия», знающая творения святых отцов и имеющая определенный духовный опыт, советами которой нужно непременно пользоваться, проверяя, однако, и их святоотеческими писаниями. Вот несколько небольших выдержек из творений святителя.

«По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братий; этот совет опять должно поверять по писанию отцов... Отцы, отдаленные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет предшественников, уже жалуются на редкость богодухновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещевают в руководство Священное и святое Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшею осмотрительностью и осторожностью совет современных... братий» [I, 563].

«Святые отцы завещевают избирать наставника непрелестного... Они предостерегают от учителей неискусных, чтобы не заразиться их лжеучением» [I, 219].

«Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола — 2 Сол. 2, 10—12» [V, 73].

«Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается душевредным, очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви» [V, 74].

«Иоанн Лествичник (VI в.) писал, что «в его время «очень умалились сосуды божественной благодати... причину этого святой видит в изменении духа в обществе человеческом, утратившем простоту и заразившемся лукавством» (Сл. 26, гл. 52). Григорий Синаит (XIV в.) «решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки... Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!» [I, 274]. «Преподобный Кассиан Римлянин говорит: «Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам, духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих» [I, 491].

«Преподобный Нил (Сорский) никогда не давал наставления или совета прямо из себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других отцов, особливо позднейших. Его держались упомянутые мною иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов из себя... Это давало советам их силу» [I, 489].

«Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспеяния... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть диаволу... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собою Бога. Последуй примеру святого Предтечи» [IV, 519].

Таков голос Священного Предания Церкви, то есть Самого Духа Святого, говорящего нам и сегодня через Своего святого, по одному из жизненно важных вопросов духовной жизни.

Об одной из наиболее распространенных причин впадения в самомнение святитель Игнатий пишет так: «Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неупустительным участием в церковных службах и неупустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия устных и гласных... Они не могут избежать «мнения»... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою» [I, 257—258]. Естественно, что это замечание относится не только к инокам, но и ко всем христианам.

Однако неверно думать, что прелесть — явление, возникающее лишь на почве специфически христианской, тем более православной. В своей статье «О прелести» святитель Игнатий пишет: «Прелесть есть состояние всех человеков без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною. Истина есть Господь наш Иисус Христос» [I, 230].

Вот несколько иллюстраций пре́лестных состояний из мира нехристианского.

Так, Будда своим последователям внушает: «Не ищите опоры ни в чем, кроме как в самих себе: сами светите себе, не опираясь ни на что, кроме как на самих себя»[3]. И так говорит о самом себе: «Я всезнающ, у меня нет учителя, никто не равен мне; в мире людей и богов никакое существо не похоже на меня. Я священный в этом мире, я учитель, я один — абсолютный сам — Будда. Я добился покоя и получил нирвану»[4].

Знаменитый проповедник веданты, самой популярной современной системы индуизма, суоми (учитель) Вивекананда († 1902) рекомендует такую духовную установку своим последователям: «Напоминание о наших слабостях не поможет; нам не нужно лечение...» Вместо того, чтобы говорить людям, что они грешники, веданта учит обратному: «Вы чисты и совершенны, и все... что вы называете грехом, не ваше... Никогда не говорите: «У меня нет», никогда не говорите: «Я не могу». Этого не может быть, так как вы бесконечны... Вы можете делать все, вы всемогущи»[5].

«Лучший человек тот,— продолжает он,— кто осмеливается говорить: «Я знаю о себе все»[6].

Или: «Слушайте день и ночь, что вы — Душа. Повторяйте это себе день и ночь, пока эта мысль не войдет в вашу кровь, пока не будет звучать при каждом биении вашего сердца... Пусть все ваше тело наполнит эта одна мысль: «Я нерожденная, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечно прекрасная Душа»... Усвойте эту мысль и проникнитесь сознанием своего могущества, величия и славы»[7].

«Чувствуйте, как Христос,— и вы будете Христом; чувствуйте, как Будда,— будете Буддой»[8].

«Вы — Бог и я тоже... и я скорее буду поклоняться вам, чем какому бы то ни было храму, образу или Библии... Веданта говорит, что нет Бога, кроме человека... Единственный Бог для поклонения — это человеческая душа или человеческое тело»[9].

Подобных иллюстраций из индуизма можно было бы привести сколь угодно много. Они не требуют комментариев: гордость, обожествление человека, культ «я» выявляются здесь с полной очевидностью, свидетельствуя о том, что древний обман *будете яко бози* (Быт. 3, 5) остается сущностью и целью жизни для многих до сего дня.

Не менее яркий пример духовных уклонений являет собой и римо-католическая аскеза. Это большая и специальная тема. Поэтому здесь ограничимся лишь самыми краткими иллюстрациями, говорящими сами за себя.

В жизнеописании отца католической мистики и одного из самых великих святых католицизма Франциска Ассизского (XIII в.) рассказывается, как однажды он долго молился. Во время этой молитвы Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса», Которого он тут же и увидел в образе шестикрылого серафима. После этого видения у Франциска появились болезненные кровоточащие раны-стигмы[10]. О другой своей молитве Франциск так рассказывал

своему ученику: «Во время этой молитвы... передо мной явились два больших света. Один, в котором я узнал Создателя, и другой, в котором я узнал самого себя»[11]. Под конец своей жизни он откровенно говорит: «Я не сознаю за собой никакого согрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием»[12]. Предсмертными словами Франциска были: «Я исполнил то, что должен был исполнить»[13].

Сравним это с предсмертным состоянием преподобного Сисоя Великого (V в.). «Окруженный в момент своей смерти братией, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: «Отче, скажи нам, с кем ты ведешь беседу?» — отвечал: «Это ангелы пришли взять меня, но я молю их, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы п о к а я т ь с я». Когда же братия, зная, что Сисой совершен в добродетели, возразили ему: «Тебе нет нужды в покаянии, отче», Сисой ответил так: «П о и с т и н е я н е з н а ю, с о т в о р и л л и я х о т ь н а ч а л о п о к а я н и я м о е г о»[14].

Замечательны в своем роде откровения католической святой блаженной Анжелы. Приведем некоторое из них. «Дух Святой начал говорить следующие слова...: «Вместись же в Меня и упокойся во Мне, после того как Я вместился в тебя и остановился в тебе. Был Я с апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты»[15].

«Христос» обращается к ней: «Дочь Моя, сладостная Мне много больше, чем Я тебе, храм возлюбленный Мой, у тебя кольцо любви Моей, получила ты венок от Меня...»[16]. «И сказали ангелы душе: «...приготовься приять Того, кто обручил тебя Себе кольцом Своей любви. И уже свершен брак. Поэтому по-новому хочет Он совершить брак и соединение»[17].

По поводу этих состояний блаженной Анжелы А. Ф. Лосев пишет в резкой форме: «Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Дух Святой является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: «Дочь Моя, сладостная Мне, дочь Моя храм Мой, дочь Моя услаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня». Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А Возлюбленный все является и является и все больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: «Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена» — эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его Тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и так далее и тому подобное? В довершение всего Христос обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: «Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда не могла я стоять на ногах, но лежала и отнимался у меня язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела»[18].

Тот же самый мистицизм видим и у великих католических святых — Катарины Сиенской (XIV в.) и Терезы Авильской (XVI в.), возведенных Папой Павлом VI († 1978) в высшее достоинство — учителей Церкви, и у многих других.

Весьма показателен опыт и еще одного из великих столпов католической мистики, родоначальника ордена иезуитов Игнатия Лойолы (XVI в.). Его книга «Духовные упражнения» прямо призывает к тому, что категорически запрещено вселенским опытом святых — к в о о б р а ж е н и ю распятого Христа, проникновению в мир Его чувств и страданий. В о о б р а ж е н и е медитирущим различных картин и сюжетов на основе библейской истории является сущностью всех упражнений, предлагаемых данным руководством.

Вот несколько иллюстраций из этого «руководства» в духовной жизни. Упражняющийся должен «...представить себе, как три Божественные Ипостаси взирали на мир, переполненный людьми, и как видя, что все идут в ад, постановили в Своей вечности, чтобы второе Лицо вочеловечилось для спасения человеческого рода».

Дальше: «...вообразить все огромное пространство земли... Далее в отдельности увидеть домик и комнатку Владычицы... в городке Назарете», и «...воззреть на Пре-

святую Деву и ангела, который ее приветствует, и размыслить, дабы извлечь какую-нибудь пользу от этого зрелища».

Далее: «Вслушаться в слова. Слушать, что говорят между собою люди: как клянутся и богохульствуют и так далее. Также послушать, что говорят Лица Пресвятой Троицы: «Сотворим искупление рода человеческого»; наконец, что говорят ангел и Пресвятая Дева. После чего я подумаю обо всех этих словах, чтобы извлечь из них для себя некий плод».

Или такое созерцание: «обозреть путь от Назарета до Вифлеема, представляя себе его длину, ширину, ровен ли он был или шел по горам и долинам. Точно так же обозреть место или пещеру Рождества, обширная она была или маленькая, низкая или высокая и как устроена... Видеть участвующие лица: Святую Деву, Иосифа служанку и Младенца Иисуса...».

При этом нужно «вкушать и обонять бесконечную благость и сладость Божества... Дотрагиваться мысленным прикосновением, например, обнимать и целовать те места, на которых эти лица пребывали, всегда стараясь получить от этого какой-нибудь духовный плод».

Или: «Размышление о двух знаменах, одно Иисуса Христа, наивысшего Вождя и Господа нашего, другое Люцифера — смертельного врага человеческого рода». «Вступление: представление места: тут видеть огромную поляну в окрестностях Иерусалима, где находится... Иисус Христос, и другое поле в окрестности Вавилона, где предводительствует врагам Люцифер». «Представить себе на этом огромном поле вавилонском начальника всех врагов, как бы сидящим на престоле из племени и дыма, и сам он страшного, отвратительного вида». «Заметить, как Христос, Господь наш, стоит на огромном поле в окрестностях Иерусалима, на ровном месте, красивый и благостный»[19].

Все это принципиально противоречит основам духовного подвига, каким он явлен в опыте жизни святых Вселенской Церкви, и рассматривается ею как тяжелейшая, в силу ее неизлечимости, духовная болезнь. Однако самое серьезное, о чем свидетельствует этот опыт, даже не очевидное заблуждение названных подвижников, а тот глубоко прискорбный факт, что все они причтены Католической Церковью к лику святых. Здесь, следовательно, мы сталкиваемся уже не с ошибкой отдельных лиц, что возможно и в Православии, и где угодно, а с заблуждением всей Римской Церкви в главнейшем вопросе — спасении и духовном совершенстве человека. Не случайно поэтому наши подвижники-святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, преподобный Амвросий Оптинский и многие другие столь решительно заявляли о ложности вообще Римско-Католической Церкви, прелести ее святых. Святитель Игнатий писал, например: «Бóльшая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мною способом... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощренно, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию,— даруются неожиданно, весьма редко...» [1, 244].

Интересно, что святитель Игнатий, изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках, указывает и конкретные временные координаты отступления новых католических подвижников от опыта святых единой Вселенской Церкви. Он пишет: «Преподобный Венедикт, святой Папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока; но уже Бернард отличается от них резкою чертою; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию» [IV, 498].

Прелесть, как видим, возникает у тех, которые живут не по святоотеческим законам, а по своим идеям, желаниям и пониманию, и ищут у Бога не спасения от греха, а душевных наслаждений, «благодатных откровений», даров. Их обычно

и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении под действием темных сил. Прелесть поэтому — не один из возможных и равноценных вариантов духовности, не особый, свой путь к Богу, но тяжелая болезнь. И если она не понята и не оценена представителями той или иной религии, последняя разлагается изнутри. И эта страшная болезнь угрожает гибелью, как видим, и христианству.

Оказывается неизбежным, что отход от Церкви — раскол, ересь, самочиние — непременно приводят к тому, что новая «церковь» перестает считаться и с принципами духовной жизни, как они даны в Священном Предании Церкви, в результате чего она в целом теряет представление об истинной святости, принимая за таковую и прославляя откровенные ее искажения, уводя тем самым своих членов на путь прямой гибели. К таким же гибельным последствиям приводит и каждого отдельного верующего отступление от «царского пути» духовной жизни, проложенного подвижническими стопами святых.

Особенно часты порывы к высотам у юных подвижников, не познавших еще своего *ветхого* человека, не освободившихся от страстей и уже ищущих состояний человека нового, совершенного. Недаром у отцов есть выражение: «Видишь юного, летящего на небо, стяние его за пяту на землю». Причина подобных воспарений — незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святитель Игнатий приводит следующие замечательные слова святого Исаака Сирина: «Если некоторые из отцов написали о том, что́ есть чистота души, что́ есть здание ее, что́ бесстрастие, что́ ви́дение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании: *Не приидет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение. Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это — не признак любви к Богу; это — недуг души». Святитель Игнатий заключает эту мысль такими словами: «Святые отцы Восточной Церкви, особливо пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обымало всю жизнь их, всю деятельность их, оно было последствием зрения греха своего» [II, 125—126].

В этом видении греха своего, рождающем истинное смирение и *покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 10), и заключается единственно надежная, непоколебимая основа всей духовной жизни христианина!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее в скобках первая цифра (римская) указывает том, вторая — страницу сочинений епископа Игнатия Брянчанинова. СПб., 1905.
[2] Цит. по: Архиепископ Сергий. Православное учение о спасении. СПб., 1900, с. 238.
[3] Кожевников В. А. Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1. Петроград, 1916, с. 175.
[4] Кочетов А. Н. Буддизм. М., 1968, с. 84.
[5] Свами Вивекананда. Джнана-йога. СПб., 1914, с. 275.
[6] Там же, с. 277.
[7] Там же.
[8] Там же, с. 283.
[9] Там же, с. 299.
[10] Лодыженский М. Свет Незримый. Петроград, 1915, с. 109.
[11] Там же, с. 109.
[12] Там же, с. 129.
[13] Там же, с. 112.
[14] Там же, с. 133.
[15] Откровения блаженной Анжелы / Пер. Л. П. Карсавина. Изд. Г. Лемана. М., 1918, с. 95—96.
[16] Там же, с. 95—96.
[17] Там же, с. 158.
[18] Лосев А. Ф. Очерки античного символизма. Т. 1. М., 1930, с. 867—868.
[19] Игнатий Лойола. Духовные упражнения / Пер. С. Лихаревой. Краков, 1933, с. 52—54.

Проф. А. ОСИПОВ

Митрополит Вениамин Федченков

На рубеже двух эпох

Две революции

С самого начала мне нужно признаться, что о революции вообще я мало знал: был еще молод, не интересовался этой стороной, да и, сверх того, революция и даже само слово это было для меня делом запрещенным, опасным, дурным, с чем не нужно даже косвенно соприкасаться. Поэтому дальнейшие записки мои, естественно, будут поверхностными в этой стороне, но уже объяснялось, что я пишу лишь о моих личных переживаниях и наблюдениях.

Итак, буду продолжать.

... Как писал раньше, казалось, все как-будто было мирно, спокойно. Никакой революции в окружающей мое детство и первую юность атмосфере я положительно не чувствовал. И мне кажется, она разразилась будто бы совсем неожиданно для народа. Но, разумеется, исторические события, да еще такого огромного масштаба, не делаются случайно: должны быть какие-то давние и глубокие подпочвенные условия, которые питали революцию и дали ей возможность развиваться бурей. Только я мало видел это.

Однако некоторые угрожающие признаки постепенно начал замечать потом и я в разных областях жизни. О них и запишу.

Начну с семьи. Она была консервативна, как я говорил. Но уже и в ней ходили какие-то неясные тревожные слухи о страшных социалистах. Конечно, все знали об убийстве царя Александра Второго революционерами, у крестьян была какая-то вера, что будет «черный» (то есть земельный) передел. О земле ходила пословица, что она «ничья» «Божия», а не частных собственников. Слышались жалобы, что земли мало, «куренка выпустить некуда». И другие пословицы говорили о нарастании в народном сознании мысли о тяжелой жизни бедняков и несправедливости, засилии сильных и богатых: «С сильным не борись, с богатым не судись», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Судился волк с кобылой, остался хвост да грива»; потому лучше уж — «Тише воды, ниже травы». Но была еще вера в правду царскую: «За Богом молитва, за царем служба не пропадет», но уже различался он от исполнителей: «Жалует царь, да не жалует псарь».

Однако все подобное было будто бы лишь на поверхности, а в массе души народной по-прежнему жили примиренность, терпение и покорность. Бродившие идеи недовольства были еще в сонном состоянии, их боялись сами говорившие: а вдруг да начальство прознает? И покатишься, «куда Макар телят не загоняет...» Лучше уж помалкивать: известно, что «хорошая речь серебро, а молчание — золото...» Конечно, народ думал больше, чем говорил.

Но уже кое-где стали вспыхивать искры. И они мне казались неожиданными и пугающими.

Как-то мне пришлось услышать от лакея Баратынских, бывшего бравого высокого солдата, такую ужасную речь против тех же самых господ, за спиною которых он стоял навытяжку во время обеда, такую озлобленную, что я подумал: этот человек может убить их... Да, не преувеличиваю. Такое лицемерие!

Но в этом же доме служили горничными две сироты — Сашенька (очень красивая, скоро по выходе замуж скончалась от чахотки) и Анюта. Они были

---

* Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 2, 3.

ангельски кротки, правда, жили без семьи, на всем готовом, а лакей каждый вечер уходил спать на село, за версту — полторы... Конечно, господа и не подозревали о такой ненависти к ним...

Вспоминаю еще умного крестьянина по имени Савелий, лицо его всегда было задумчиво и печально. Ясно было, что у него таятся какие-то опасные идеи, но приходится молчать. Разве кое-когда бросит мимоходом слово о трудности бедняцкой жизни и несправедливости богатых.

Обычно у него нанимал отец лошадей, когда нужно было возить детей в город или на станцию...

И эти настроения, незаметно и неожиданно для моего неопытного и постороннего взора (все же мы жили не непосредственно с мужиками, а в «дворне»), постепенно, но как бы и вдруг, стали вырываться наружу. На годичной «Казанской» ярмарке, о которой я так солнечно вспоминал раньше, вдруг поднялся какой-то скандал, возросший чуть не до погрома. Лавки быстро свернулись, площадь у церкви опустела. И больше уже ярмарок не стало: начальство городское закрыло это опасное скопление народных масс... А они существовали чуть не столетия. В день рухнули... Знаменательно...

Однажды еще «ужасное» было. Батюшка, очень умный и искренний человек, говорил «слово» по поводу общественных настроений. Богомольцы смиренно слушали, нагнув головы. И вдруг один из них, сотский, кажется, по имени Василий, грубоватый и даже глуповатый (умный-то сдержался бы!) человек, прерывает батюшку с места, а он стоял всегда впереди, и открыто говорит что-то против начальства... В церкви! Молчат другие, но, видно, с ним согласны. Священник останавливает его с сердцем и, грозя пальцем, говорит в ответ:

— Василий! Смотри, кабы тебе за это не попасть куда не следует... По головке не погладят за такие слова!

Василий нагнул голову, как бык, но, видимо, совсем не был испуган угрозами... А мне тогда стало очень неловко за нашего батюшку: вместо отеческого и доброго слова он только и нашелся, что пригрозить полицейскими карами... Не этого нужно было бы ждать от церковного служителя и евангельского проповедника.

Кстати сказать, этот священник — чуть ли не единственный пример на тысячи других братьев по служению, весьма дружил всей семьей с помещиками, они его любили и чтили, а потом ссужали средствами на лечение его в Крыму от туберкулеза. Обычно же другие священники никогда не были приняты в высшем классе, и, скорее, они жили гораздо ближе к серому крестьянству [классу] чем к богатым. Это потом спасло большинство их.

Семья же нашего священника была довольно большая: пять человек детей... Трудно ему было платить за них в губернском городе. Вот тут и вспомнишь, как же трудно было нашим бедным родителям! Священники имели и доход немалый, и 16,5 десятин земли... На каждый приходской храм, при учреждении его, «нарезалось по закону» 33 десятины для духовенства, по расчету: три части священнику, две дьякону и одна дьячку. Конечно, при том же еще и дом, и большой огород. Обычно духовенство не само работало, а нанимало рабочих или имело постоянного работника и свой земледельческий инвентарь, а иные сдавали «исполу» крестьянам, как и помещики.

...И вот наш батюшка на один год решил нанять для всей учащейся семьи сначала учительницу, весьма красивую девушку, а на следующий год студента Лобова. К тому времени,— это уже было в 1900—1902 годах — слово «студент» было подозрительным по революционности: где-то там, в столицах, эти самые «студенты» все бунтуют и «идут против царя и Бога».

На этот раз такая молва оказалась правой: репетитор в доме священника не посещал храма, а где-то в роще барской — прошли слухи — собирал тайные «сходки», там он раздавал революционную литературу и агитировал среди группы крестьян... Вероятно, посещал его и наш знакомый «умный» Савелий. Так дом священника неожиданно (конечно, вопреки его намерению) сделался рассадником революции. Через год Лобов убрался, должно быть, не без требования начальства. И дети снова вынуждены были учиться в городе... Между прочим, все они учились не в духовных училищах, а в светских гимназиях. Дух времени проник уже в семьи духовенства: детям их не хотелось идти

по «духовной дорожке», а учиться на «барина» — доктора, инженера, адвоката, но не [идти] в пастыри. А сюда уже шли по нужде или менее способные семинаристы, которым не было хода в университеты или институты... И этот утек кандидатов в духовенство все рос и рос...

Еще мне приходит на память «мужицкий выгон». За речкой, в изгибе ее, был длинный луг, и на нем каждый день торчало крестьянское стадо коров. Можно понять, что там было за пастбище! Сбитая кое-как трава... И я видел, как голодные коровы вечерами возвращались домой с худыми боками, полуголодные. На барских лугах, где была и наша корова, конечно, во много раз было богаче, и то наша Пеструшка по вечерам подбирала еще вокруг избы мураву.

И этот голодный выгон стоит в моей памяти как укор, как символ полуголодного существования мужиков... В великорусских деревнях я буквально не помню ни одного толстого крестьянина, на жирной Украине они еще встречались.

А когда голодает «живая скотина», невольно жалостливый хозяин и хозяйка задумаются над ней... Иной раз ее бывает более жалко, чем человека: «бессловесная», ведь она и мычит жалобно. Хорошо хоть, что солома своя всегда бывала, вот на ночь, а зимой и день, давали ее мы скотине: нарубим «сечками» (в особом станке длинный нож), свалим в колоду, посыпем немного «муки», а редко еще и соли, польем теплой водой — и ешь «на здоровье». Сено давалось редко, и то больше лошадям. Весной гоняли стадо по «парам», после снятия хлеба (ржи) по «жнитву». Так кое-как и жили, терпели. Но коровенка все же была почти в каждой семье, без нее, кормилицы, еще бы труднее было поднимать ребят или, как называли их тогда — «полоднищу», от слова наплодить, народить.

Вот и все мои немногие «революционные» воспоминания детства о селе. По-видимому, я все же мало знал жизнь эту...

Гораздо больше узнал я о революции в семинарии. Ни в уездном училище, ни в духовной четырехлетней школе ничего подобного даже и слышать не доводилось. Но в семинарии я был втянут в нее очень ловко с первого же класса. Это случилось так.

Со мной, еще безусым мальчиком, почему-то неожиданно для меня познакомился воспитанник предпоследнего пятого класса Яхонтов, а из четвертого — Кудрявцев.

Нам, первоклассникам, это очень льстило, что старшие здороваются с нами за ручку. Люди они были хорошие, добрые, и мы любили друг друга. Но знакомство их, как я потом понял, было неспроста. Они оба начали «развивать» меня: беседовали на «умные» темы, гуляли по саду или коридору, потом стали давать мне книги, каких не было в семинарской ученической, довольно богатой, библиотеке, в которой я был назначен одним из помощников библиотекаря. Первой такой книгой был «Фауст» Гёте, скучнейшая вещь, как мне показалось, но я все же прочитал ее ради тщеславия, чтобы не ударить лицом в грязь перед моими добровольными учителями. На основании этой книжки начались какие-то длиннейшие беседы их со мною, какова главная «идея»? Мне это слово нравилось, как и другие иностранные, вроде «психологически», «принципиально», потом французские «мерси» и «пардон», и даже русское «вообще»...

Что за характер у доктора Фауста? Все это было мне и неинтересно, да признаться — и непонятно в «Фаусте»... После Гёте мне предложили Л. Толстого «Войну и мир». Толстой у нас считался запрещенным для чтения, равно как и Достоевский, и все новейшие писатели. При этом читать запрещенные книги считалось почти революционным преступлением, а потому и гораздо более важным, чем драка, выпивка и тому подобное. И можно понять мой страх, когда ректор семинарии протоиерей С. увидел меня (уже после экзаменов) воротившимся из города в вышитой рубашке, а не в казенной черной тужурке со светлыми пуговицами и начал делать мне за это строгий выговор, а у меня в руках была тогда запрещенная книжка с невинными рассказами не то Ивановича, не то Станюковича. Как она жгла мне пальцы! Что там рубашка! Все это мучительное время думал я: у меня вот тут преступле-

ние куда страшнее! К счастью, начальство не заинтересовалось почему-то внутренним моим «безобразием», а успокоилось на выговоре за внешнее и послало меня «доложиться» инспектору, к которому я и явился, но предварительно упрятавши преступное «вещественное доказательство». Инспектор — хорошо вспоминаю о нем — М. А. Надеждин оказался милостивее ректора, скоро отпустил.

Бывало, я читал Толстого, пряча книгу под партой или в чайном столовом ящике. Мне ужасно скучными казались толстовские рассуждения о войне, о значении вождей и масс, о причинах неудачи Наполеона и прочее. Но в остальном книга понравилась, особенно Кутузов.

За Толстым, постепенно все углубляясь в революционный дух, пошли писатели-народники, показавшиеся мне «мелкими»; потом уж, конечно, Белинский, Писарев, Добролюбов (Чернышевского «Что делать?» так и не удалось прочитать!), «Биология» Тимирязева. Какие-то сборники политико-экономических статей из толстых журналов — «Русского богатства», «Русской мысли»[1]; конечно — Горький, Андреев и другие и, наконец, аттестат на политическую зрелость — «История цивилизации» Бокля[2] показалась мне написанной интересно. Ну, разумеется, «Происхождение видов» Дарвина... Кстати, о нем я слышал, но не читал, еще в духовном училище. Но меня ужасно раздражила его идея о родстве моем с обезьянами, в противоречие высокому библейскому учению об особом создании Богом человека по Своему образу и подобию. Разойдясь, таким образом, с дарвинизмом в сердце, я решил прикончить его и умом: на масленые каникулы оставшись в городе, я ходил в Тамбовскую публичную библиотеку (очень солидную) и там читал опровержение дарвинизму какого-то ученого Данилевского[3]... Есть ли такой? Но увы! Насколько мне самому прежде была совершенно очевидна абсурдность теории Дарвина, настолько при чтении его опровергателей мне все доказательства казались мелкими и неубедительными: отсутствие последующих между человеком и обезьяной видов, неандертальский череп, различие в размерах наклонения черепа у обезьян и людей, все это разочаровало меня — необстоятельно. Много после, когда я был уже профессорским стипендиатом в академии, узнал, что в мировой литературе существует целое учение, направленное против дарвинской теории. Я даже сестре своей, курсистке Лизе, которую смущали и раздражали на курсах профессора «дарвинисты» и «нигилисты»-безбожники, дал огромный печатный список в десяток страниц антидарвинистической литературы, она взяла его, положила, как противоядие для себя, на книжную этажерку и... успокоилась.

До Маркса и Энгельса я не успел дойти, но фотографии их у товарища смотрел без особого волнения. Что же оказалось?

Постепенно, после двухлетней обработки меня добровольцами, мне доверчивые воспитатели торжественно объявили: «У нас есть подпольная библиотека!» И в нее набираются только надежные члены... Боже, как мне захотелось удостоиться попасть туда... Странное желание: воспитанный в благочестивом консерватизме, я жаждал быть «подпольщиком». Такова сила сладости запрещенного плода, с дополнением тщеславного желания быть чем-то «особенным», не как другие, «удостоиться».

Оказывается, эта подпольная организация школ была не в одной семинарии, а и в гимназии, и притом была поставлена довольно толково: первые ученики каждого класса и отделений (в первом было их три) поступали в обработку старшим членам-подпольщикам, пока и их не вводили в это «святилище». Так поступили и со мной; туда же попал потом и мой приятель, первый ученик второго отделения Борис Добротворский, образцовейший юноша, сын прекрасного духовника семинарии отца Павла.

А мы, завербованные кандидаты, должны были, помимо собственного воспитания, доказать еще верность подпольщине распространением той же самой литературы среди своего класса. Это делал и я. Так получалась уже целая сеть пропаганды. Был и у меня смешной случай. Товарищи, зная, что у меня хранятся «запрещенные книги», сами обращались ко мне. Как-то подходит Семен Покровский, способный, но ленивый семинарист, и спрашивает, называя меня «полупочтительно» по отчеству:

— Афанасьич! Нет ли у тебя чего-нибудь такого?..

— Гм-м... Есть...— И я дал ему критику картины нравов при Екатерине Второй.— Только смотри, не попадись начальству, а то и тебе и мне — крышка!

— Ну-у! — и ушел на свою парту.

Через несколько дней возвращает книгу без особенного восторга.

— Читал?

— Чита-ал!

— Ну, как? Здорово прохватывается век Екатерины?

— Да-а-а! — лениво тянет Семен, как мы звали его.

— А знаешь, Семен, я тебя ведь обманул!

— Как?

— Да очень просто. Запрещенных книг тогда у меня не было, я и подсунул тебе комедию Фонвизина о Митрофанушке. А ее скоро у нас будут проходить по литературе в классе.

— Да ну?

— Правда.

— Ну, брат! И я тебя надул: я ее не читал. Начал, показалось скучно, сразу бросил.

Много мы оба хохотали.

В общем плоды этой пропаганды были невинные, завербовали мы мало. Но зато уж попадали такие образчики, что волосы могли дыбом встать... После двухлетней подготовки мне наконец торжественно объявили: я избран в члены... Какое торжество!.. И я, безусый, приглашаюсь уже как равноправный на очередное заседание всей библиотеки. Оно было не где-нибудь в подполье, а просто в одном из семинарских классов, после обеда. Вероятно, был дозор на случай начальства, но, кажется, мы собирались без особых подозрений, никогда инспекция не ходила по классам в это время.

Волнуюсь... «Собрание открыто»... Председатель, очень умный, 18—19-летний юноша, первый ученик пятого класса, Шацкий (чуть не Шатов у Достоевского[4]), открывает его своей пламенной речью против правительства... О ужас!!! Куда я, скромный сынок маменькин, попал?.. А речь все поднимается, сгущается... И вдруг Шацкий предлагает не менее не более, как совершить террористические акты, и в первую очередь — цареубийство...

Я замер... Сразу спало с меня все торжество, и мне захотелось убежать... Конечно, о доносе и в мысли ни у кого из нас не бывало, этот грех считался важнее отречения от Самого Бога! Но убежать, убежать бы! А бежать нельзя: не позволяет самолюбие. «Назвался груздем, полезай в кузов». Я сидел до конца, молча. Было ли какое решение, не помню. Только с той поры революционный пыл мой сразу упал до нуля. Бывали еще собрания на частных квартирах. Но там занимались более невинным делом: читали только что появившиеся рассказы Горького, разбирали его «Буревестника» и еще что-то...

Мне все хотелось уйти, душа не лежала к революции и к убийствам вообще. И однажды на подобном заседании у меня открылось кровохаркание. Я испугался. Заявил товарищам об этом и побежал на квартиру к семинарскому доктору. Тот велел мне прийти завтра в семинарскую больницу в обычное время. Сколько я ему ни старался доказать, что у меня «кровь течет», что я боюсь умереть, Василий Павлович остался неумолимым... На следующий день, выслушав, он заподозрил у меня туберкулез (от которого после я и лечился). На это кровотечение я посмотрел как на указание Перста, Промысла Божия и с той поры перестал ходить на «заседания» и вообще навсегда потерял к подпольщине интерес. Правда, книжки еще иногда читал и другим давал, но скоро и это надоело. Однако вражды ко мне у товарищей не было, да и я не обратил бы на нее внимания: уже сам довольно вырос... Так кончилась моя подпольщина...

Если не ошибаюсь (так подсказывает память), то закулисным главным организатором ее называли какого-то социалиста-революционера Чернова... Не теперешнего ли?

Но кое-что осталось-таки в массе. Например, тогда пошла мода на песнь Горького «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно»[5]... На переменах во всех классах распевали ее по коридорам обоих этажей голосистые дети отцов, дьяко-

нов и дьячков. Начальство забеспокоилось не на шутку и стало «запрещать»... Но кажется, нам нравилось больше само пение, а не содержание песни. Потом мода схлынула и забыли о ней. Но одному певцу, прекрасному солисту, тенору Херсонскому, потом припомнили ее, и при чистке после второго бунта уволили его из нашей семинарии; он поступил в астраханскую.

Наконец, еще вспоминается один случай... Уже шло предреволюционное брожение 1903—1905 гг. Готовились везде к забастовкам. К нам, и именно в мой шестой класс, пришла делегация забастовщиков из гимназистов и кого-то еще. Во главе ее была известная Маруся Спиридонова[6]. Мы, старшие семинаристы, смотрели на гимназистов, как на мальчиков. А уж учиться от барышни-гимназистки нам казалось ниже достоинства. Делегация не имела ни малейшего успеха: забастовки не приняли... После она убила вице-губернатора Богдановича за подавление восстаний.

Но все же и у нас дух стал уже неспокойный. Прежнее традиционное безмятежное житье кончилось... Семинария, как и все, тоже становилась на порог какой-то новой жизни.

Еще хочется сказать о вере семинаристов.

Иногда в обществе и литературе раздавались обвинения в широком безбожии среди нас. По своему опыту могу решительно утверждать, что это неверно. В нашем, например, классе, двое, М. и А., дерзнули как-то публично заявить об этом. Но это настолько было несерьезно, что едва не вызывало среди нас смех над ними. Говорили мне про других «атеистов», но я их не знаю. Иное дело, что у нас вообще не было горения духовного — это правда. Но не было и безбожия. В Духовной Академии в нашем классе считался таким один сибиряк, но товарищи и на него не обращали никакого внимания.

Осталось мне сказать об обществе. Здесь бесспорно революционное брожение жило уже почти столетие. Но эти группы мне были мало знакомы. В семинарии одно время мы выписывали тайно «Наш путь»[7], но он скоро был закрыт. Пришлось мне слышать рассказы о либеральных дворянах от человека, жившего в среде их. Там довольно давно было чтение и атеистическое, и революционное.

Отец одного из моих знакомых дворян давно предупреждал, что революция неизбежна, что отнимут имущество, а потому всех сыновей своих, еще в их молодости, научил ремеслам: моего знакомого — шить сапоги. И это ему пригодилось немного, он был совсем хорошим сапожником, но умер раньше времени от тифа. Припоминается одна дворянка-«народница» М. Н. О., отказавшаяся от веры и привилегий и ушедшая «в народ» акушеркою. А ее 12-летний мальчик Борис оказался «собственником» и верующим.

Мое наблюдение: эти отдельные типы не производили большого влияния на народные массы. Подобно тому как и в Ясной Поляне Л. Толстого крестьяне не обращали внимания на своего барина и вопреки ему ходили в церковь, так и по всей Руси безбожники и революционеры-дворяне не пользовались любовью и почетом масс. Есть данные, что многие из этих либералов, отчасти еще в 1905 году, а больше во время второй революции жестоко пострадали: народ не считал их своими и пошел потом за другими вождями.

Еще два-три слова о Церкви. Положение ее было весьма ложное. По сущности своей христианская Церковь скорее антиреволюционная. А положение духовенства среди народа, с одной стороны, а властей и господ — с другой, заставляло ее быть более сдержанной. Кроме того, мы (особенно епископы, городское духовенство, а отчасти и все вообще) все же были не бедняками, а буржуазным классом. Да если бы кто думал и иначе, он, чисто по пасторской педагогике, обязан был быть благоразумным: легко разжечь недобрые инстинкты в человеке, а как трудно потом их утишать! Даже самая чистая правда — истина — может оказаться иногда провокационным средством. Диавол большею частью провокатор, клеветник, обольститель. Например, скажи об истине «неправедной мамоны» (богатства; Лк. 16 гл.), вызовешь ненависть сильных, еще больше обозлишь убогих. По всем этим мотивам, не так уж плохим, наша Церковь вместе с народом больше молчала.

А если что и делала, то все же утешала народ, как могла, давала ему духовную силу терпения, многие священники были очень близки к народной душе, этого народ, даже в страшные часы грозы, не забыл... Пострадали многие, но большинство осталось, и потом сам народ даже защищал их от насилий.

Были и редкие исключения, как отец Гапон[8] и немногие иные, принявшие активное участие в политической борьбе за народ.

Было целое направление среди санкт-петербургского духовенства под именем «обновленчества» (группа «пятидесяти трех»), которые старались вовлечь Церковь в эту борьбу.

Потом у них выродилась так называемая «живая церковь» и «обновленцы» («синодальная церковь»)[9]. Но в массе духовенство оставалось как бы «вне политики», это была лучшая «политика» их...

Но зато должен сознаться, что влияние Церкви на народные массы все слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Причин много. Одна из них в нас самих: мы перестали быть «соленою солью» и поэтому не могли осолить и других. А привычки к прежним принципам послушания, подчинения еще более делали наше духовенство элементом малоактивным. И поэтому можно сказать, духовенство тоже стояло на пороге пересмотра, испытаний... И увы — это было нам не нужно!

Первая революция 1905 года началась для меня известным выступлением рабочих в Санкт-Петербурге 9 января. Под предводительством отца Гапона тысячи рабочих с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили. Я был в то время студентом академии. Народ шел с искренней верой в царя, защитника правды и обижаемых. Но царь не принял его, вместо этого был расстрел. Я не знаю закулисной истории этих событий и потому не вхожу в оценку их. Только, однако, несомнено, что тут была подстрелена (но еще не расстреляна) вера в царя. Я, человек монархических настроений, не только не радовался этой победе правительства, но почувствовал в сердце своем рану: отец народа не мог не принять детей своих, чтобы ни случилось потом... А тут еще шли с иконами и хоругвями... Нет, нет не так мне верилось, не так хотелось. И хотя я и после продолжал, конечно, быть лояльным к царю и монархическому строю, но очарование царем упало. Говорят: кумир поверженный — все же кумир. Нет, если он упал, то уже не кумир. Пала вера и в силу царя, и этого строя. Напрасно тогда генерал Трепов расклеивал по столице длинные афиши с приказами: «Патронов не жалеть!»[10] Это говорило о напуганности правительства, а еще больше — о разрыве его с народными массами, что несравненно страшнее.

В противовес революционному движению было выдвинуто — я уверен, что это выросло не самостоятельно — противоположное течение «Союз русского народа».

Какая-то богатая женщина, Полубояринова[11], давала средства на центральную организацию его; создали газету «Русское знамя». Главным вождем его был никому доселе не известный «доктор Дубровин»[12]. Началась обратная пропаганда. Она завербовала сотни людей по городам, но это были или наивные верующие прошлого, или же недостойные доверия темные личности. Например, в г. Симферополе закулисные вожди выставили фигуру какого-то портного, ну что он мог понимать и как руководить?! Получался лишь фанатический крик патриотически-монархического направления, но он скорее отталкивал людей. Газету читали лишь в городских низах. Даже я, правый человек, не прочел, как помню, ни одного номера. А между тем Дубровин, узнав от кого-то о моем настроении, прислал мне предложение стать секретарем его газеты... Секретарь — это основной столп дела. И мне представилась такая возможность действия во всероссийском масштабе. Я, ни минуты не колеблясь, решительно отказался впутываться в это темное предприятие. Как уже и раньше писалось, я никогда не любил политики и не занимался ею, никогда во всю жизнь не состоял ни в одной партии и не состою. Помимо чуждости этого дела моей душе, я не любил партийности и не люблю доселе еще и потому, что она своими предрешениями и программами связывает свободу человека. Во что бы то ни стало партийцам приходится исполнять и защищать тезисы своей группы, хотя бы они были и неверны, и противны душе... Я это вижу на партийных деятелях

доселе. На одном собрании в Нью-Йорке интеллигентный председатель после моей обоснованной речи о влиянии в жизни Польши духовных факторов разразился горячей марксистской репликой, что всем в жизни верховодят лишь экономические факторы. А между тем, к его конфузу, я в своем докладе обосновывался даже и на книге советского писателя. От такого рабства, левого или правого, всегда отвращалась душа моя. Отказал и Дубровину я.

Но приходит мысль: как же скудны были эти вожди в выборе сотрудников, если меня, политического безусого юношу, хотели поставить во главе своего издания! Чего бы я им там натворил!.. Тоже — «политик»... Люди над этими вопросами сидят годами, изучают литературу, вырабатывают огромный опыт, учатся тактике, а я ни одной книжки по политической экономии не читал, даже газет почти никогда не смотрел, не знал ничего о партиях, и вдруг становись на колокольню, звони!.. А бывали такие и после.

Например, один из революционеров рассказывал мне, как его поставили заведовать железнодорожным движением Северного Кавказа, а потом, или до этого, он скупал для столиц куриные яйца. Другой в Санкт-Петербурге был начальником какой-то связи между рабочими и правящей партией. Ну, он хоть ссылку в Сибири прошел, если уж не рабочее движение... Бывало, смотрю я на этих «героев нашего времени» и спрашиваю: да как же вы брались за такое незнакомое и ответственное дело? Один в ответ виновато улыбался (после он ушел в монахи), а другой довольно уверенно говорил мне без улыбки:

— А знаете, это все уж не так мудрено! Управлять людьми и делами, право, всякий может!

Значит, думаю, дело лишь в храбрости?

И вспоминается мне из записок знаменитого судебного деятеля Кони[13] его ответ советскому человеку:

— Как вы смотрите на наш советский строй и работу?

— С изумлением! — сказал им опытный государственный деятель.

Ему положительно непостижимо было, как эти новоиспеченные «деятели истории» брались за всякие управления очертя голову... Правда, у них стояли опытнейшие закаленные вожди, вроде Ленина и других, и эти двигали историей и маленькими сатрапами на местах... Правда и то, что у советской партии не хватало вначале квалифицированных работников, так как интеллигенция от нее ушла или отвечала саботажем. Но и при всем том действительно и мне «изумительно», как черноглазая 17-летняя гимназистка Спиридонова руководит забастовками в Тамбове, как матрос «Федор» ораторствует в Крыму и его еще при Керенском посылают всюду, где грозит рост большевистского движения, как малограмотный Коржиков, судивший потом меня в чрезвычайке, делается следователем[14], как мой товарищ по академии Володя Красницкий[15] становится одним из возглавителей целого религиозного движения под именем «живой церкви», как фельдшеры соглашаются управлять дредноутами (линейными кораблями.— *Ред.*)... Когда я впервые лично познакомился в Париже с А. Ф. Керенским[16], первое мое тайное впечатление было тоже «изумление». Как, сразу подумалось мне, этот небольшой человек дерзнул встать во главе огромнейшего государства, да еще в такой сложнейший момент?! А он был все же адвокатом, членом Думы, давним партийным работником. Скажу, он, как человек, показался мне и симпатичным, и нерядовым интеллигентом, и чутким собеседником. Такое доброе отношение к нему осталось у меня и доселе. При всем том он не смутился открыто заявить мне и другим о своей религиозности. К нему, между прочим, зашел впоследствии тот самый кавказский заведующий и скупатель яиц, тогда уже иеромонах, с разговорами о религии. Желая «ободрить» «неверующего интеллигента», какими мы считали их всех огулом, сей инок покровительственно говорит Александру Федоровичу:

— А вы не смущайтесь своим маловерием или даже неверием! Вот я и сам тоже был одно время неверующим...

— Батюшка! — скромно прервал его Керенский,— а я ведь никогда не был неверующим!

— Как?! — изумился непрошеный советник.

— Да, я всегда был верующим человеком.

— Не ожидал... Ну, слава Богу... Простите меня...

И разговор у них продолжался. Я слышал все это от батюшки. А когда я сам посетил Керенского, он и мне рассказал, что и в гимназии был верующим, и даже прислуживал батюшке в алтаре. Одним из оснований его веры был даже политическо-моральный пункт.

— Я, как социал-революционер, не могу принять милюковского позитивизма или ленинского материалистического коллективизма. В нашей программе основным пунктом является живая личность как абсолютная ценность. А личность может признаваться действительно ценной только при абсолютной основе ее: бессмертии и богоподобии. Без религии личность — ничто.

Чтобы кончить это случайно всплывшее воспоминание о нем, припомню еще и другую его мысль:

— Оказалось, Церковь имела гораздо большее значение и силу — в народе и государстве, чем это предполагали мы — эсеры и вообще интеллигенция. Конечно, моя роль в истории кончена. Но если нашей партии (значит, он в партию продолжал еще верить: то было около 1930—1931 гг.) суждено будет когда-нибудь стоять у кормила управления, то мы должны предоставить Церкви соответственно положение в государстве.

Больше не помню ничего из бесед того времени.

Подарил я ему живописную икону «Державной Божией Матери»[17]. Он просто и благоговейно принял ее и повесил в углу редакции своего журнала (позабыл его название)[18]. Все это приятно и хорошо. Однако то первое впечатление, что этот хороший человек надел на себя «тяжелую шапку Мономаха», взялся управлять государством, остается у меня, и я имею основания держаться его и по сей день...

Заодно припомню и впечатление от главного вождя социал-революционеров В. М. Чернова[19]. Я его видел в Нью-Йорке на собрании в «Горизонте». Крепкий еще старик, с совершенно белыми, высоко зачесанными волосами и острой бородкой (какой же он был бы «знаменитый Чернов» без «его» исконной этой бородки!), он после других спросил слова. Председательствовал Авксентьев[20]. А к этому времени срок речей уже был ограничен пятью минутами: охотников говорить было довольно. И запел Чернов... Свободно, с подъемом, с несокрушимой верой в абсолютную истинность своих слов, с попытками на остроумие, с уверенностью в свое превосходство, он пел и пел, как птичка... Уже прошли пять его минут. Авксентьев неловко виновато улыбается, не дерзая призвать к порядку «самого»! А он все поет, довольный собою... Пошли еще и другие и, вероятно, третьи, четвертые пять минут. Чернов все пел... Авксентьев осмелился-таки напомнить о сроке. Но для Чернова сроки? И он делал все, что хотел... Конечно, аплодисменты бывшему все же «кумиру». Он сел вполне удовлетворенный (сказал и душеньку облегчил) — так и говорило все его розовое личико... А я думал: «Какой он наивный душенька!» А потом: «И этот певец тоже вознесся в Учредительном собрании на самую верхушку! И он мечтал и еще, вероятно, мечтает и теперь о себе как о возможном вожде и правителе целой страны, а может быть, и... всего мира?!»

Право, и мне захотелось тогда сказать с Кони: «Если уж не «изумляюсь», то — в недоумении удивляюсь!» Но я не выступил: пусть допевают... их огни на сцене уже догорают... Кажется, занятие их довольно теперь безвредное, хотя они свысока критикуют своих бывших противников, современное советское правительство и порядки.

Я отступил от своего рассказа о революции, но эти картиночки не помешают, эти деятели были как раз тогда закулисными двигателями ее.

А после в «Белом дивизионе» и я встал на подобную же позицию, вообразив себя историческим лицом. Какие мы мечтатели... И неужели мы, такие, строим историю? Или и в самом деле, «немудрено управлять» миром? Или мы лишь маленькие цепочки, увлекаемые великим потоком других глубоких процессов? Или история слагается из разных элементов?

Тут встает важный и спорный давний вопрос: кто ведет историю, выдающиеся личности или массы? Никто не будет отрицать огромного значения вождей и гениев, но позволю себе думать, что еще большее значение принадлежит все же массам: они — почва и фундамент для творческой деятель-

ности отдельных личностей. Без этой массовой психологии и подготовки и самый гениальный человек не в силах осуществить свои идеи в полной мере. А если это так, тогда есть место в истории и нам, маленьким щепкам: все мы, в разной, конечно, степени, создаем силу масс. Пример тому — в этих двух моментах одной, в сущности, революции 1905 и 1917 годов. То, что невозможно было сделать в первую, осуществилось потом во второй, в первой почва в массах была еще не готова. А когда она созреет, тогда вожди организуют ее и дают еще более сильный толчок к дальнейшему развитию движения масс.

Так, и в 1905 году оказалось, революция была уже у порога русской истории. И удержать ее от взрыва было уже невозможно ни репрессиями, ни уступками. Стихийные исторические явления как весенние потоки обычно докатываются до своего конца. Начались забастовки, демонстрации... Неверующие студенты устраивают в Санкт-Петербурге перед Казанским собором какую-то «гражданскую панихиду» по жертвам революции. Бастуют почти все учебные заведения. Не отстают и курсистки. Мы, «академики», запоздали немного: народ больше тихий, благочестивый. Потом «одумались» и решили наверстать упущенное: студенты вынесли на «сходке» постановление — забастовать... Кто-то острил: и богословы «позавидовали курсисткам». Но у нас образовалось меньшинство — около четверти товарищей — против забастовки. В этой группе был и я. Сорвать лекции профессоров не удавалось, так как мы назначали по паре дежурных слушателей на все лекции (у нас вообще посещали лекции по три-пять человек, а учили их уже на экзаменах): хочешь не хочешь, а читай, профессор! Большинство встречало нас по своим убеждениям и по совести, не сдавались. Тогда нам бросили угрозу: будут обливать нас кислотой! И это бы ничего! Но меня начало мучить чувство товарищества: как я иду против большинства? А тут наше начальство во главе с ректором академии епископом Сергием (ныне Патриаршим Местоблюстителем) объявило, что если демонстрации не прекратятся, то забастовщиков уволят из академии и удалят по домам, а меньшинство будет заниматься. Тут мое чувство товарищества обострилось до последней степени, и я склонен был вместе со всеми «страдать». Начал уже подыскивать себе платное дело, отправился к известному церковному композитору и организатору нескольких хоров А. А. Архангельскому[21] с предложением своего тенора и даже помощи в регентстве. Регентом я был и в духовном училище, и в семинарии, и в академии. Попробовал меня маэстро и нашел мой голос неважным, отказал. Оставалось увольняться со всеми... Возвращаться к папеньке на хлеба? Теперь их не удивило бы мое возвращение, забастовки были везде. Но я мучился в совести и обратной мыслью: нравственно ли поддаваться непременно и всегда давлению большинства, если я с ним не согласен?.. А тут один из студентов, небольшой некрасивый товарищ Ефимов, подходит ко мне с вопросом:

— Что же, будете учиться на костях товарищей?

Больно задел меня этот упрек, и я уже склонен был уступить большинству. Как-то прознал про это епископ-ректор и, увидев меня в коридоре, шутливо пригрозил кулаком, с улыбкой сказав:

— Я тебе дам увольняться!

Тогда я направился к духовному руководителю своему, инспектору академии архиепископу Феофану[22], за советом. Он сказал мне целую лекцию о «коллизиях нравственных убеждений и чувств», посоветовал мне не смущаться. И я у него же в кабинете решил «учиться и на костях».

Заколебались и другие, никому не улыбалось возвращаться по домам. Наступил какой-то неопределенный момент. Епископ Сергий решил испробовать последнее средство: велел созвать общестуденческую сходку. На кафедру вышел избранный председателем студент, эсер, Иван Петрович Смирнов (после убили во второй революции). Входит уверенный, спокойный и внушительный ректор, высокий, плечистый, с длинной черной бородой, в клобуке. Подходит к кафедре, а там — Смирнов.

— Я избран председателем сходки,— заявил он уверенно ректору.

Но случилось совершенно неожиданное дело. Всегда необыкновенно ровный, любезный епископ Сергий на этот раз легко отстранил Смирнова с кафедры, тот сходит, а ректор, ударив по кафедре своим мощным кулаком, с гневом и властью закричал:

— Я, я здесь председатель!

Все мы мгновенно притихли. Власть проявила свою силу. Затем епископ Сергий сказал нам спокойную деловую речь, предлагая прекратить забастовку. Он ушел, и студенты почти единогласно постановили восстановить занятия. Никто не пострадал. Курсистки были посрамлены нашей несолидарностью с ними, хотя едва ли они знали о таком нашем мужестве перед ними.

Но не так мирно улаживалась жизнь кругом.

В Москве было целое восстание на Пресне с баррикадами. Губернатор Дубасов[23] подавил его войсками. По селам начались поджоги крестьянами и пожары помещичьих имений и усадеб. С легкой руки члена Думы Герценштейна[24] их называли «иллюминациями». Сожгли одну самую заднюю скирду ржи и у наших помещиков, но этим и ограничились. К милым нашим старушкам Баратынским народ относился все же мирно и, видно, пожалел их. Но по окрестностям эти «иллюминации» продолжались.

Однажды летом, после будничной вечерни, я вместе с самим отцом Николаем вышел из храма за ограду. Перед нами раскрывалась полукругом панорама на десяток верст. Вечер был прекрасный, тихий, ясный. И видим мы, как в разных местах за горизонтом поднимаются зловещие темно-багровые столбы дыма от пожарищ: это горели имения. Остановились мы на взгорье у храма молча. Смутно было на душе, надвигалось с этим страшным дымом на нашу страну что-то грозное... Я не знал, что ответить себе на свои невеселые думы. И вдруг пронеслись в голове слова Христовы: «Надлежит всему этому быть!»[25]

Надлежит... Неизбежно в путях истории человечества и Промысла Божия. И никто этого мирового процесса остановить не в силах, ибо — «надлежит». А если ранее предсказано «надлежит», то и не нужно чрезмерно удивляться и страшиться. И стало спокойно на душе, сейчас же затем пришли другие мысли, как бы произнесенные кем-то в сердце и уме:

— И что ты особенно этим терзаешься? Разве же ты управляешь миром? Есть Бог. Который всем правит, на Него и положись. И всякий делает свое дело. Довольно этого с тебя!

Я совсем умирился. И часто потом приходили мне эти мысли, открывшиеся на горе у церкви.

...Осенью царь дал конституцию и Думу. Полились революционные речи, народ понемногу стал уже читать газеты, разговоры велись везде.

Однако эксцессы революции были подавлены правительством: войска, казаки и полиция были еще на стороне «общественного порядка». А народные массы еще не выросли из своего прежнего мирного и примирительного настроения. Старое пока оказалось сильнее.

Но эта победа была непрочна, так чувствовали многие из нас. Вместо обычного смирения начинало расти в народной душе раздражение и молчаливый протест. Дума тоже ничего особенного не дала. Первые два ее состава были распущены. Революционные элементы ее уехали в Финляндию и там выпустили «Выборгское воззвание»[26]. Но, признаюсь, я даже его, кажется, и не читал. Не оставило оно следа и в массах.

Поднимался в Думе вопрос о земле, но тоже бесплодно. И как-то скоро образовалось неверие в эту «говорильню». Мне думается, что в народе существовало неясное чувство, что и Дума — барское дело, а не народное, компромиссно-буржуазное, а не радикально-рабочее. Я думаю, тут было много правды, поэтому и к «разгонам» ее массы относились совершенно равнодушно, выбирали лениво новых «думцев» и успокаивались. Не видно было ярких перемен в жизни.

Не было и сильных вождей ни с какой стороны.

Только один раз явился у трона многообещающий яркий человек — П. А. Столыпин[27]. Он бросил дерзновенно-крылатое слово революционной Думе: «Не запугаете!» Но это было сказано более смело, чем исторически прозорливо. Сам же он был убит в Киевском театре, где был и царь, провокатором Богровым[28], а революция продолжала тихо расти... Кстати, позволю высказать свое мнение неопытного «тоже политика». Ему приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого «хуторского» хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собствен-

нические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Не знаю: верно ли сформулировал его идею? Тогда я жил в селе и отчетливо видел, что народ — против нее. И причина была простая. Из существующей площади, даже если бы отнять все другие земли — удельные, помещичьи, церковные и монастырские — нельзя было наделить все миллионы крестьян восьмидесятинными хуторами, да и за них нужно было бы выплачивать. Значит, из более зажиточных мужиков выделилась бы маленькая группочка новых «владельцев», а массы остались бы по-прежнему малоземельными. В душах же народа лишь увеличилось бы чувство вражды к привилегиям новых «богачей». Да и вообще, спасать русский народ лишь буржуазным соблазном личной корысти было совсем неглубоко, недуховно, негосударственно. Православный великорусский народ привык к общинному укладу жизни. И хутора в народе «провалились». В нашей округе едва ли нашлось три-четыре семьи, выселившиеся на хутора. Дело замерло, оно было искусственное и ненормальное. А народ наш разумен и нравственно солидарен: если уж устраиваться, то всем, а если уж страдать — то тоже всем.

Поднимался, как я говорил раньше, вопрос о выкупе крестьянами вообще всей прочей земли, но его не приняли ни Дума, ни владельцы... Воз, таким образом, по-прежнему увяз в трясине. Нужно было ждать иных путей и других реформ. Когда они придут, никто не знал ясно, но спокойная ровная жизнь была уже утеряна целой страной. Революция была будто бы подавлена, все казалось тихо-мирно. Но это было лишь на поверхности. В массовых низах незаметно нарастало чувство неудовлетворенности.

Вот несколько характерных примеров из моей памяти.

Был 1913 год. Трехсотлетие династии Романовых. Всюду были отданы приказы устраивать торжества. Заготовлены особые романовские кругленькие медали на георгиевской треугольной ленточке. Но воодушевления у народа не было. А уж про интеллигентный класс и говорить нечего. Церковь тоже лишь официально принимала обычное участие в некоторых торжествах. По-видимому, торжество предназначалось к поднятию монархических чувств против будто бы убитой революции. Но это не удалось. И вся эта затея была тоже искусственной. Ведь не праздновал первого столетия династии такой могучий представитель ее, как Петр Великий, он был занят устройством и мощью страны, а не династией.

И через второе столетие, в 1813 году, Александр I тоже не устраивал торжества, потому что занят был устройством своей страны и всей Европы после победы над Наполеоном. А уж, кажется, не было для него и для династии лучшего времени для славы, как после только что прошедшего 1813 года.

Ясно, что идея 1913 года в подпочве своей имела робкое сознание ослабления царской идеологии не только среди интеллигенции, но и в массах. И понятно, что торжества были мало торжественны: отбывалась временная повинность. Это я особенно ярко увидел на губернском подобном торжестве в г. Симферополе, где я тогда был ректором семинарии.

В зале красивого «дворянского собрания» под председательством культурного и доброжелательного губернатора, графа Апраксина, было заседание (жена его, урожденная княжна Баратынская, была женщина замечательной духовной красоты, она, в пример мужу, не поносила потом большевиков, хотя ее некоторые ближайшие родные были даже убиты). Нас, из «общества», было человек 100—150... Граф говорил горячую (больше внешне) соответственную речь. В заключение громко предложил крикнуть за династию «ура».

Но что же вышло? Кроме его голоса да нескольких нас, собравшихся почти не поддержали. Стало очень конфузно...

А у меня опять промелькнула мысль: идея царя тут мертва... А народ и вовсе не праздновал никак.

Не знаю, как проходили торжества в других местах. Но если бы я был в то время на месте царя, то меня охватил бы страх: это было не торжество, а поминки. И следовательно, нужно было делать из них соответствующие государственные выводы. Но отпраздновали, раздали медали и опять «успокоились».

А вот факты из народной психологии. При моем ректорстве (1913—

1917 гг.) перестраивалась и расширялась в Тверской Семинарии домашняя церковь на 1000, а с прилежащими классами и на 1200 человек, вместо прежних 100—200. Сколько труда я положил туда! И с увлечением... После чудесно расписали ее в васнецовско-нестеровском стиле... Говорили, что будто потом в подвалах здания была «чека». А теперь после немцев, остались ли даже стены от этого желтого красивого огромного 4-этажного здания с прекрасным храмом внутри?

Подрядчиком, взявшим кирпичные и плотничьи работы, был крестьянин Жуков. А уж началась первая война с немцами. Я часто вертелся на любимой постройке. И вот однажды, нимало не стесняясь ни меня, ни своих каменщиков, земляков из его же деревни, Жуков с пренебрежением говорит:

— А нам, мужикам, что? Не все ли равно: Николай ли или Вильгельм? И теперь мы голытьба, и при Вильгельме не будет хуже.

Я удивился и промолчал. Молчали, видимо соглашаясь, и его рабочие. Правда, он был человек несимпатичный, даже грубый, но способный и смелый. И нужно полагать, что так думал уж не один он.

Но далеко продвинулись новые веяния новых времен. И мы уж не пугались, не дивились этому. Так реагировал простой народ.

А вот как откликалось среднее общество. После постройки храма мне захотелось украсить его святыней. В XVIII столетии ректором этой Семинарии был святитель Тихон (Соколов), впоследствии епископ Воронежский и Задонский[29]. Мне и пришло желание привезти частицу от его святых мощей в Тверскую Семинарию. За ней пришлось мне проезжать маленькой дорогой по нескольким центральным губерниям: Тверской, Московской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской. И чего только я не наслышался в вагонах второго класса, то есть среди «общества»... Критика царя среди «публики» шла совершенно открыто. В частности, в связи с именем Распутина[30]. Я поражался подобной вольностью. А когда воротился с мощами и их встречали на станции с крестным ходом, я сказал речь на тему:

— Братья! Страна наша стоит на пороховом погребе! — и расплакался.

После передавали мне, что один из преподавателей Священного Писания, острослов-толстячок, говорил иронически другим:

— Наш ректор-то расчувствовался как!

Он не верил в грядущую революцию, а я уже узрел ее лик своими глазами.

Во время другой поездки, уже близко перед второй революцией, я слышал еще более страшные вещи, уже о гибели династии... Возвратившись в Тверь, я даже поделился подобными разговорами с губернатором фон Бюнтингом[31] и вице-губернатором Г-м. Они не удивились.

Как бы пошла история дальше, не знаю. Но в это время разразилась война 1914 года.

Тут я могу сказать кое-что из моих личных воспоминаний о прогремевшем печальной известностью Григории Ефимовиче Распутине.

Мне пришлось знать его лично года три-четыре.

Через это знакомство мне немного приоткрылась придворная и аристократическая жизнь. Ему приписывается большое влияние на назначение государственных деятелей. Его появление характерно и с точки зрения церковно-религиозной. Его имя несомненно дало материал и для революции. Но, конечно, я запишу лишь немногое.

Тяжело это воспоминание. И обычно я не люблю рассказывать о нем. Просил меня один писатель дать ему материал о Распутине, я тоже отказался. И теперь пишу лишь для целости исторического материала, и то далеко не все.

Мне о нем довольно достаточно известно, потому что я знал его с первых дней появления в Санкт-Петербурге, в течение нескольких лет. Кроме того, в моих руках оказалась его краткая автобиография, записанная с его слов для государыни, а так как там было много просторечивых выражений и вульгаризма, то, по поручению царицы, я должен был в той же желтой сафьяновой тетради изложить все литературно. Но до конца не довелось мне довести этой работы: времена переменились...

Григорий Ефимович Распутин (другая, добавочная фамилия его была — Новых)

пришел из сибирского с. Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии.

Если верить его рассказам и записям в сафьяновой тетради, то он сначала вел жизнь греховную. Но потом пришел в раскаяние и решил перемениться. Для этого он, между прочим, выкопал где-то там пещеру и стал молиться, поститься, бить поклоны, спасаться. В таких подвигах он дошел будто бы до того, что получил дар даже чудотворения. Его жена, которую я тоже видел в Санкт-Петербурге вместе с ним, простая, но умная женщина, не верила в святость мужа. Тогда он предложил ей доказательство: сели в лодку на местной реке, и она будто бы поплыла сама вверх без весел. После этого Григорий Ефимович (так обычно звали его) решил «ходить по святым местам», как это широко практиковалось обычно среди богомольных крестьян, паломников, странников. Между другими святынями он особенно часто посещал Верхотурский монастырь[32] Пермской губернии, как ближайший к Сибири. А там, в скиту, жил подвижник — монах отец Макарий. Я его лично видел в Санкт-Петербурге вместе с настоятелем монастыря архимандритом Н., их привозил Распутин, чтобы показать, какие у него есть хорошие, благочестивые друзья. Тогда уже пошла борьба против него. Действительно, оба эти инока были очень хорошие люди, а отец Макарий и доселе остался у меня в памяти как святой человек, только очень уж доверчивый, как дитя. Святые люди нередко бывали такими: живя сами свято, они и на других смотрели так же, по изречению Григория Богослова[33]: «Кто сам верен, тот всех доверчивее».

А может быть, святые ради спасения грешников намеренно обращались с ними ласково, я такие примеры видел в жизни святого старца Гефсиманского скита[34], около Сергиевой Лавры, отца Исидора.

Так в своих паломничествах Григорий Ефимович добрался до Казани. Там он познакомился с монахами-профессорами и студентами Духовной Академии и произвел на них сильное впечатление. Они порекомендовали ему отправиться в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, где тогда ректором был епископ Сергий, а инспектором — известный по своей подвижнической жизни и учености архимандрит Феофан. Оба эти человека были безукоризненно чистые люди, глубоко религиозные монахи, пользовавшиеся заслуженным авторитетом в церковных кругах, а отец Феофан — уже и в некоторых великосветских — как духовник и богослов. К ним в Казанской Академии дали сопроводительное письмо Распутину. На первом знакомстве в квартире ректора Академии, кроме отца Феофана и трех-четырех приглашенных студентов, был и я. Распутин сразу произвел на меня сильное впечатление как необычайной напряженностью своей личности (он был точно натянутый лук или пружина), так и острым пониманием души: например, мне он тут же строго задал вопрос: «Что же? Чиновник или монах будешь?» Об этом моем тайном намерении знал только один отец Феофан, никто другой. При таком «прозорливом» вопросе гостя он так и засиял. Отец Феофан всегда искал «Божиих людей» в натуре, были и другие примеры в его жизни до и после Распутина. Другим студентам Распутин не сказал ничего особого... Знаю я другие факты его глубокого зрения. И конечно, он этим производил большое впечатление на людей. Епископ Сергий, однако, не сделался его почитателем. И кажется, Распутин никогда больше не посещал его. Будущий Патриарший Местоблюститель был человеком трезвого духа, ровного настроения и спокойно-критического ума. Но зато отец Феофан всецело увлекся пришельцем, увидев в нем конкретный образ «раба Божия, святого человека». И Распутин расположился к нему особенно. Начались частые свидания их. Я, как один из близких почитателей отца Феофана, тоже уверовал в святость «старца» и был постоянным слушателем бесед его с моим инспектором. А говорил он всегда очень остроумно. Вообще, Распутин был человек совершенно незаурядный и по острому уму, и по религиозной направленности. Нужно было видеть его, как он молился в храме: стоит точно натянутая струна, лицом обращен к высоте, потом начнет быстро-быстро креститься и кланяться.

И думаю, что именно в этой исключительной энергии его религиозности и заключалось главное условие влияния на верующих людей. Как я уже говорил не раз раньше, духовная жизнь и религиозное горение к тому времени начали падать и слабеть. Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва — холодным обрядом по привычке. Огня не было в нас и в окружающих. Пример отца

Иоанна Кронштадтского был исключением, но он увлекал преимущественно простой народ. А «высшие» круги — придворные, аристократы, архиереи, духовенство, богословы, интеллигенты — не знали и не видели религиозного воодушевления. Как-то все у нас «опреснилось», или, по выражению Спасителя, соль в нас потеряла свою силу, мы перестали быть «солью земли и светом мира». Нисколько не удивляло меня ни тогда, ни теперь, что мы никого не увлекали за собою: как мы могли зажигать души, когда не горели сами?! Один святой архиерей, епископ Иннокентий, бывший Благовещенский[35], живший потом на покое в монастыре возле Севастополя, говорил мне:

— Вот жалуются, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать-то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твердой пищи.

Верно! Было общее охлаждение в нас. И приходится еще дивиться, как верующие держались в храмах и с нами? Но они были просты душою, но требовательны к нам, а еще важнее, они сами носили в себе живой дух веры и религиозной жизни и им жили, хотя вокруг все уже стыло, деревенело. А интеллигентных людей и высшие круги мы уже не могли не только увлечь, но и удержать в храмах, в вере, в духовном интересе.

И вдруг появляется горящий факел.

Какого он духа, качества, мы не хотели, да и не умели разбираться, не имея для этого собственного опыта. А блеск новой кометы, естественно, привлек внимание.

Из Духовной Академии этот пламень перебросился дальше. Благочестивые люди, особенно женщины, стали восхищаться необыкновенным человеком, круг знакомства стал расширяться все больше... «Светов, святой» — распространялась о нем слава. И, голодный духовно, высший круг потянулся на «свет». Оказывалось, вера совсем уж не такое скучное дело, не все же там мертвецы, а есть и горящие...

Такова, по моему мнению, первая причина шумной рекламы Распутина, люди всегда жаждали сильных ощущений, в чем бы они ни проявлялись. А это в основе правильно: человеческая душа создана не для буднического прозябания, а для высокой, мощной жизни. Человек всегда искал захватывающих переживаний, даже хотя бы и нездоровых. «А ты, мятежный, ищешь бури, как будто в бурях есть покой!»... Да, в них нет покоя, но не хочет и не может человек, это «высокое имя», найти покой в безжизненности, во внешней будничной теплохладности.

Однако в этой совершенно законной, по существу, и идеальной заданности, в стремлении человека всегда лежал соблазн подмеси и преждевременности.

Адам и Ева поторопились быть «яко бози» и лишились того, что имели. Человечество во все века хотело слишком скоро и слишком механически овладеть высотами, «украсть» и совлечь — как Прометей — огонь с неба на землю: получилась ошибка, самообман, «прелесть». Вместо огня оказывался призрачный мираж, вместо горения — коптение, вместо света — мрак. Таково происхождение всех лжеучений, ересей, сект. Еще не созревшие до совершенства, эти люди хватались за верхушки его и падали.

Особенным соблазном у человечества всегда было желание соединить небесное с земным, духовное с телесным. И этот соблазн сильнее был в высших кругах: богатство давало там возможность удовлетворять все пожелания, а они были по преимуществу плотские, духовное давно исслабело, изжилось. Есть немало оснований думать, что в этих высших кругах столицы и больших центров жизнь давно спустилась весьма низко... Литература Толстого, Тургенева, Достоевского, Гончарова говорила нам давно, что общество там становилось, по выражению Библии о предпотопном времени, «плотью». В нигилистических кругах интеллигенции возобладал другой, но в сущности подобный дух безбожного материализма: жить только этой земной жизнью — вот ясная цель. В некоторых случаях эти два течения выражались в вульгарных формах, мы помнили еще кружки интеллигентной молодежи — орловские «огарки». Припомню одну картину и из своей памяти.

В одном селе, в интеллигентной семье, было две сестры. Они были всегда точно ангельчики: чистенькие, красиво одетые, безукоризненно скромные, глазки их всегда опущенные; конечно — чистые, верующие. Я, как юноша, не смел бы

и подумать о них что-нибудь вольное. Мне казалось, им место на возвышенном пьедестале и непременно под стеклянным колпаком, чтобы на них и пылинка сесть не могла. А мы, простые смертные, могли бы лишь ходить вокруг них и радостно любоваться. Никто никогда за ними не ухаживал. Но вот пришли новые времена. Они обе — курсистки в Санкт-Петербурге. Их мать, прекрасная, очаровательная, нежная женщина, послала со мною на святках гостинцы дочкам. Нашел я их адрес на Сенной, взобрался на пятый этаж, отворяю дверь. И что же вижу? До мрака накуренная комната полна студентов и курсисток, шум, хохот, крики... И вдруг я слышу: «наших ангелов» зовут по-уличному «Анютка!» «Клавдюшка!»... Боже мой! Какое кощунство! Отдал я гостинцы и в большом горе, разочарованный сбежал вниз... Больше я потом нигде не видел их...

Но дело не в простом лишь грехе, а в общечеловеческом стремлении соединить дух и плоть. Всегда существовали не только философии, но и религии, в которых люди хотели сочетать это. В сущности, все языческие религии, включая потом и магометанство, а также — в глубине — и еврейская религия, были двойственными в своей мистике и морали. И этот соблазн лежит в каждом человеке, потерявшем святую цельность после грехопадения. А в России, в предреволюционное время, создалось даже целое религиозно-философское направление, так называемое «неохристианство».

Новость этого учения заключалась именно в стремлении объединить «святость» с «плотью» (в целом и широком смысле последнего слова). «Святая плоть» — вот их мечтательный идеал...

Конечно, грех знаком каждому человеку. Но так и нужно называть его грехом. А этого мало человеку, хочется, чтобы все было свято. И в случае с Распутиным не нужно думать, чтобы окружающие его люди были сплошь дурные. Разные были и там. Были — я знал их лично — и прекрасные души. Были и дельцы, которые искали через него выгод. Но были и такие, которых прельщало в нем сочетание «святости» с «плотью», и они сами увлекались этим.

Как же сам он встал на эту линию? Очень просто. В каждом человеке есть эта двойственность, была и оставалась она и в Распутине, как в общей его природе, так и после прежней греховной жизни. Если допустить (а я допускаю) и факт прошедшего перелома в его сибирской жизни, нельзя все же забывать того, что изжить греховность свою — дело наитруднейшее. Самое трудное из всего в мире! И будь он в силе, находись он под хорошим руководством опытного духовника, так в молитвах и покаянии он достиг бы не только спасения, а возможно, и особых Божиих даров. Но он подвизался без руководства, самостоятельно и преждевременно вышел в мир руководить другими. А тут еще он попал в такое общество, где не очень любили подлинную святость, где грех господствовал широко и глубоко. Ко всему этому — невероятная слава, которая могла увлечь и подлинного святого человека. И соблазны прельстили Григория Ефимовича: грех оказался силен.

Впоследствии, когда государю стали известны соблазнительные факты его жизни, он будто бы ответил ему:

— С вами тут и ангел упадет! — но тут же добавил: — И царь Давид пал, да покаялся.

Я думаю, что возможно без погрешности сказать: не случайно в высшем обществе увлекались Распутиным, там была соответствующая почва для этого. А потому не в нем одном, даже скажу, не столько в нем, сколько в общей той атмосфере лежали причины увлечения им. И это характерно для предреволюционного безвременья.

Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее возобладало над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая душевная трагедия личная. А вторая трагедия была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскудения силы и в духовных кругах до распущенности в богатых.

Придворные же и чиновничьи круги большей частью искали через него самых простых и житейских выгод: лучших мест, высших назначений, денежных афер. Но и там были искренно увлекающиеся им как «рабом Божиим». Я это подлинно знаю. Не буду называть имен — а многих я и доселе вспоминаю с любовью,— но укажу лишь на саму царицу, она чтила его именно как святого. Над этим

можно улыбаться, иной скептик не поверит, но я утверждаю, что это было так! Здесь произошла тоже трагедия... К ней я возвращусь после моих пространных отвлечений...

В некоторых кругах думали, будто архимандрит Феофан сам провел Распутина в царский дворец. Это неверно. Он познакомил его, разумеется, как человека Божия, с одной великокняжеской семьей[36], ему близко знакомой духовно. А оттуда его уже познакомили со двором царя. Чем объясняется непомерное увлечение им там, особенно у царицы? Нет ни малейшего сомнения, что там были высокие мотивы, а никак не низменно греховные! Духовная история знает аналогичные примеры подобных увлечений, но не буду пускаться сейчас в эти экскурсы, лучше пойду проще и конкретнее прямо к царской семье.

Люди ошибочно привыкли считать, что в царских домах живет счастье. Думаю, едва ли не самая тяжелая жизнь в чертогах! Особенно в предреволюционное время, когда дворцам отовсюду грозили беды, покушения, взрывы, бунты, вражда, ненависть. Нет, «тяжела шапка Мономаха». И как легко понять, что этим людям в такую трудную годину хотелось иметь в ком-нибудь опору, утешение. Мы духовные — причин немало, и не в одних нас были они — не сумели дать этого требуемого утешения: не горели мы. А кто и горел, как отец Иоанн Кронштадтский, тот не был в фаворе, потому что давно, уже второе столетие, с Петра Великого, духовенство вообще было не в почете. Церковь вообще была сдвинута тем государем с ее места Учительницы и Утешительницы. Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозным внутренне, а с того же Петра; секуляризация, отделение их, и юридическое, а тут еще более психологически жизненное, произошло более двухсот лет тому назад. И хотя цари не были безбожниками, а иные были даже и весьма религиозными, связь с духовенством у них была надорвана. Например, нельзя было представить себе, чтобы царь или царица запросто, с любовью и сердечным почтением могли пригласить даже Санкт-Петербургского митрополита к себе в гости, для задушевной беседы или даже для государственного совета. Никому и в голову не могло прийти такое дружественное отношение! А как бы были рады духовные. Или уж нас и в самом деле не стоило звать туда, как бесплодных!.. Нет, думаю, что тут сказался двухвековой отрыв государственной власти от Церкви. Встречи были лишь официальные: на коронациях, на царских молебнах (и то не сами цари на них бывали в соборах), на погребении усопших, на святочных и пасхальных поздравлениях. Вот и все почти. Даже в прямых церковно-государственных делах Церковь не могла сноситься с царем-правителем непосредственно, а было поставлено средостение в виде «ока государева», светского министра царева, обер-прокурора Синода.

Господство государства над Церковью в психологии царских и высших кругов действительно было, к общему горю. А царь Павел даже провозгласил себя «главою Церкви»[37]. Конечно, никто и никогда из верующих, начиная с митрополитов и кончая простым селяком, не только не признавал на деле, но даже и в уме не верил этому «главенству», как веруют, например, католики в своего Папу. А мы в селах даже никогда не слыхали об этой дикой вещи: если же бы и услышали, то нам она показалась бы нелепой и пустой: мирянин, без рясы, хоть бы и сам царь, да какой же он «глава» в Христовой Церкви?! Смешно! И напрасно католики обвиняют нашу Церковь в цезарепапизме, будто главой ее был цезарь, царь, и что без царя Церковь и жить не сможет! Никогда мы, Церковь, этому не верили! Я в детстве и юности даже не слышал об этом. А когда узнал из книжек, то не обратил ни малейшего внимания, как на негодную и мертвую попытку вмешаться не в свое дело, а мужики и совсем не слыхали. Пришла революция, ушли цари, а Церковь живет по-прежнему, к недоумению обвинителей-католиков.

Но в высших кругах действительно была утеряна связь с духовенством; там крепко жила идея, что государство выше всего, а в частности и Церкви. А за придворными кругами шли аристократические по подражанию и ради выгод.

Вместо же влияния духовенства в придворную сферу проникало увлечение какими-нибудь светскими авантюристами, «спиритами» или имел силу обер-прокурор. А душа все же искала религиозной пищи и утешения. Приходилось читать, что до Распутина был при дворе какой-то проходимец француз «Филипп» (или «Филипе» — все равно).

И вот является теперь не привычный и далекий архиерей, незначительный и скромный батюшка, а особенный, мирской, «святой человек». Можно было заинтересоваться таким! А Григорий Ефимович мог производить впечатление своей силой утешения.

Он не был никаким гипнотезером или шарлатаном, а просто своей силой действовал на людей. Нельзя же забывать, что ученый монах и богослов отец Феофан чтил его как святого и всегда (в начале) был в радости от общения с ним. Чему же удивляться, если в царском доме и у великих князей увлекались им! А царица несомненно была религиозною женщиной. И вдруг такой наставник и утешитель! Да еще в труднейшую эпоху: после неудачной войны с Японией, во время первой революции, а потом и во время первой войны с немцами.

Всякому верующему человеку при таких условиях захотелось бы услышать голос «человека Божия»... Легко сказать: святому Бог открыл то и то... А царица считала его за святого.

А что он происходил из мужиков, так это придавало ему особенную привлекательность — «сам народ» в лице Григория Ефимовича говорит непосредственно с царем народа!

Немалое, но никак уж не главное, не первостепенное значение в увлечении им была болезнь наследника (слабость кровеносных сосудов). Этому обычно придают чуть не важнейшую роль в вере царицы Распутину, который будто бы облегчал эту болезнь. Если это и верно, нужно думать, что-то было тут истинного, то вера матери в исцеление ее сына лишь увеличивала почитание ею старца-чудотворца...

Как относился к нему сам государь, я не имею окончательного мнения. Некоторые думают, что он терпел все лишь ради царицы и сына и не мог поступить против более сильной воли царицы. А есть основание предполагать, что и он любил Григория. Ведь и он был человек, нуждавшийся в утешениях, и советах, и он был верующим в Бога и Божиих людей. Вероятнее всего, у него сочетались обе причины: личная нужда в советнике и влияние царицы.

А когда Распутин получил силу «у царей», как он тогда выражался, тогда очень многие люди среди придворных и высших кругов начали искать с ним знакомства, чтобы через него добиться чего-либо «у царей». И добивались: при вере их они, конечно, шли навстречу рекомендациям его. Несомненно, и сами они советовались с ним при назначениях разных лиц на государственные должности. Тут же начала разыгрываться такая вакханалия вокруг Распутина, что иногда кажется почти сказкой: кого только не бывало в приемной у этого сибирского крестьянина, друга царей! Понятно, такая роль его постепенно начала еще больше подрывать и расшатывать трон, который без того уже шатался.

А дальше пошли слухи о его личной жизни... Доходили они и до нас с отцом Феофаном, но он долго не верил им, а я уже начал сомневаться. Прежнее очарование от Григория стало слабеть и у нас. В это время мне пришлось увидеться с царицей. Дело было так. Я давно мечтал об этом. Еще бы! Увидеть царя и царицу, говорить даже с ними! При моем воспитании — какое это счастье, и я через Григория Ефимовича попросил царицу назначить мне свидание. Оно должно было состояться у преданной царскому дому фрейлины В. Но с нашим поездом в Царское Село случилось маленькое крушение, и я опоздал на час или два. Поэтому был принят уже во дворце. Царица вышла в серо-сиреневом платье. После приветствия она начала разговор, поразивший меня крайним пессимизмом ее.

— Ах, как трудно, как трудно жить! Так трудно, что и умереть хочется!

Боже мой! А я-то ждал солнечного очарования от царицы... Вместо же этого она еще сама жалуется мне на невыносимое горе. Конечно, это только делало честь ее скромности и доверию ко мне, маленькому человеку... Но больше отозвалось жалостью в сердце моем.

— Как, умереть? Вы же царица, вы — супруга царя, мать наследника, как же умереть?

— Ах, я знаю, я все это знаю! Но так трудно, так трудно, что умереть легче!

Не знаю до сих пор, как я в тот момент не бросился от жалости в ноги ее. Почему я не плакал? Ведь мне и обычное горе людское перенести труд-

но, а тут — царица, и почти в отчаянии! Слишком неожиданно было все это.

Потом она начала говорить о Григории Ефимовиче: какой он замечательный, какой святой, какой благодатный! Вот тут я собственными ушами услышал и с очевидностью убедился, как возвышенно смотрела на него царица. Меня удивило только то, что она выше меры отзывалась о нем! Я попытался было несколько смягчить и ослабить такой восторг ее, но это было совершенно бесполезно.

Потом от Григория Ефимовича она перешла к русскому народу вообще и стала отзываться о нем с любовью, какой он хороший в душе и верующий.

— На Западе уж нет ничего такого подобного!

...Уезжал от нее я с непонятной мне тоской...

Потом постепенно начали вскрываться некоторые стороны против Распутина. Епископ Феофан (он тогда уже был ректором академии) и я увещевали его изменить образ жизни, но это было уже поздно, он шел по своему пути. Епископ Феофан был у царя и царицы, убеждая уже их быть осторожными в отношении Г. Е., но ответом было раздражение царицы, очень чувствительно отразившееся на здоровии ее. Потом выявились совершенно точные, документальные факты, епископ Феофан порвал с Распутиным. По его поручению я дал сведения для двора через князя О., ездил к другим, но нас мало слушали, он был сильнее.

Тогда царь затребовал документы; часть их была передана еп. Феофаном мне на хранение. И я, сняв с них копии, отвез в Санкт-Петербург митрополиту Антонию для передачи царю. Ничто не изменило дела. Пытался воздействовать Санкт-Петербургский митрополит Владимир[38], но без успеха; был за то (как говорили) переведен в Киев, где его в 1918 году убили большевики. На место его был назначен митрополит Питирим[39], удаленный при революции. Обращались к царю члены Государственного Совета — напрасно. Впал в немилость за то же и новый обер-прокурор Синода А. Д. Самарин[40], очень чистый человек. Отстранен был и Л. А. Тихомиров[41], бывший революционер-народоволец, а потом защитник идеи самодержавия и друг царя. Собралась однажды группа интеллигентов написать «открытое письмо» царю, но Тихомиров убедил их не делать этого: «Все бесполезно! Господь закрыл очи царя, и никто не может изменить этого. Революция все равно неизбежно придет, но я,— говорил он,— дал клятву Богу не принимать больше никакого участия в ней. Революция — от дьявола. А вы своим письмом не остановите, а лишь ускорите ее. Моей подписи не будет под письмом».

Группа согласилась с ним, и письмо не было выпущено.

Возмущение против влияния Распутина все росло, а вместе с тем росли и нападки на царский дом. Тогда решено было устранить его. Произошло известное событие в доме князя Ю.[42] Но царица осталась верной себе: она и по смерти Распутина ездила на его могилу.

После революции могила и прах его были уничтожены.

Так трагически кончилась эта печальная страница.

Один из выдающихся архиереев на интимный вопрос верующего дворянина из выдающейся старой родовитой семьи Б. ответил ему в том смысле, что так-де и нужно. Но Б. еще более смутился от такого потому, что подобное убийство казалось ему очень грозным признаком, который этим не останавливал революцию, а несравненно сильнее толкал ее вперед. Скоро разразилась и она...

Писали, что Распутин был против войны с немцами. Возможно. Я — после 1908 года — был уже совершенно в стороне от всего этого.

Когда была объявлена война, то по всей России пронеслось патриотическое движение. Народ в Санкт-Петербурге коленопреклоненно (так мне помнится) стоял на площади перед Зимним дворцом, когда царь вышел на крыльцо. Но мое впечатление сейчас осталось такое, что в мирских сельских крестьянских массах (рабочих я мало знал) воодушевления не было, а просто шли на смерть исполнять долг по защите Родины.

Ничего особенного за эти три года войны, что я мог бы внести в свои записки, не помню. Разве лишь могу вспомнить известную дурную речь члена

Думы Милюкова[43], брошенную им в лицо царице с разными обвинениями: «Глупость это или измена?!» Что угодно, но я решительно отвергаю в душе своей мысль об измене царицы в пользу немцев! Этого не было и быть не могло! Фактов таких и доселе не знает история, хотя она стала против царей. И самый характер царицы не допускает такого лицемерия.

А подобные речи думцев лишь разжигали революцию и ослабляли энергию сопротивления немцам. Впоследствии таким ораторам самим пришлось испить чашу изгнания, а некоторым — отдать и жизнь.

Помню лазареты с тысячами раненых. Были они и в здании нашей Тверской Семинарии. Солдаты были мирные, терпеливые, тихие люди, ничего революционного я не видел тогда в них... Правда, не замечал я и геройского желания скорее возвращаться на фронт, но не было и протестов против войны: воевать нужно! Размышлять не о чем. Посещали более крепкие раненые богослужения в семинарском храме; не слышно было о безбожниках из них, но не было и особенного усердия к молитвам. Духовенство и интеллигенты устраивали им всякие «чтения», нас слушали спокойно. Не помню ни одного случая какого-нибудь выпада со стороны солдат.

Царь, до своего командования армией, объезжал один или с царицей лазареты. Приезжал и в Тверь. Не было ни воодушевления, ни протестов, все прошло как-то очень просто. Запомнился мне лишь один комический случай. На одной из площадей Твери, перед «присутственными» губернскими учреждениями, царь вышел из лазарета и сел на свой автомобиль, за ним усаживались другие — свита. Вижу, один генерал-адъютант, князь Н., необыкновенной толщины человек, с трудом втиснулся в автомобиль и один занял все место. Стоявший возле меня мужичок увидел эту картину, беззлобно, с улыбкой, произнес медленно:

— Э-эх, дя-я-инька!

Никакой революции в этом я не заметил. Семинаристы ждали царскую семью в наших лазаретах, но не дождались. Тогда они (не все) отправились на вокзал видеть царя. По просьбе архиепископа нашего Серафима[44] он вышел на площадку вагона с улыбкой. Мы прокричали ему «ура» и этим утолили огорчение наше.

Казалось, будто все мирно внутри страны. Война стала затяжной, позиционной: армии «окопались» и не могли уничтожать одна другую. Сила наших союзников нарастала. Можно было ждать победы.

И вдруг разразилась катастрофа.

Хотя многие из нас и ожидали ее прихода, но все же самый этот момент оказался неожиданным. Мне на всю жизнь врезался тогда доклад о пчелах. Кажется, в Санкт-Петербурге уже началась революция в конце февраля, а мы в Твери еще ничего не знали о том. И в одном интеллигентском кружке преподаватель гимназии Н. Ф. Платонов, родом из духовной семьи, читал мирнейший доклад на симпатичную тему: жизнь пчел. С той поры я узнал и запомнил, что шестигранные ячейки с острым срезом их концов являются единственной наилучшей математической формой... в которой удобнее всего и больше всего можно было поместить меда, а ячейки сделать наиболее сопротивляемыми для давления со стороны. Действительно, поразительный, математически непостижимый инстинкт у мудрых пчел!

Но когда мы тихо и мирно слушали этот доклад симпатичного и умного преподавателя, не думая ни о какой революции, в Санкт-Петербурге шли уже разгромы.

На другой день слухи дошли и до нас: началась революция! Сразу образовался какой-то «комитет общественной безопасности», преимущественно из членов кадетской партии и из земцев. Из этого комитета запомнился мне адвокат Червен-Водали и тот самый милый автор доклада о пчелах, Н. Ф. Платонов,— на его обязанность возложено было попечение о церковно-государственных делах в губернии.

Этот Комитет взял власть в свои руки и предложил губернатору Н. Г. фон Бюнтингу сдать им дела, а самому куда-нибудь с семьей заблаговременно скрыться от смертной опасности. Все это потом рассказывал наш правитель дел канцелярии губернатора, Казанский, бывший семинарист, на его ответственность и возлагается достоверность сообщений...

Губернатор действительно отправил своих детей и жену (урожденную баронес-

су Мандген, я после видел ее во Франции) куда-то за город, а сам остался, отказался признать комитет, но уж ничего не в силах был сделать против него и послал царю телеграмму: он исполнил свой долг до конца, лишь бы жила Россия и благоденствовал царь! Но эта телеграмма не дошла куда нужно, так как его самого не впустили уже в Санкт-Петербург, а задержали на какой-то не известной никому псковской станции «Дно»... Какое странное совпадение исторических событий и имен: придумать нельзя!..

Всю ночь, рассказывал спокойно правитель дел, губернатор не спал, а приводил в порядок какие-то дела.

Вспоминаю карикатуру в американской печати: «генерал сдает» офицеру или солдату пачку бумаг и говорит важно: приведите все в алфавитный порядок и... сожгите!..

Во всем должна быть дисциплина! Вероятно, Казанский не так ясно передал нам?.. Но дальше...

А потом, отрываясь от дел, губернатор (хотя его фамилия была явно немецкая, но он был хорошим православным) часто подходил к иконе Божией Матери, стоявшей в его кабинете, и на коленях молился. Несомненно, он ожидал смерти, готовился исполнить свой долг присяги царю до конца... Что и говорить, это достойно уважения и симпатии во все времена и при всяких образах правления!

Вице-губернатор Г. уехал заблаговременно на фронт и поступил в действующую армию.

Вечером того же дня, вероятно, первого марта, во всяком случае накануне взрыва в Твери, прибежал ко мне отец диакон. Его сын, чудный юноша Миша Покровский, первый ученик четвертого класса, ушел добровольцем на войну и в это время был уже офицером резервных войск, стоявших за Тверью. Упавшим мне в ноги, этот смиренный раб Божий в слезах обратился ко мне, очевидно по поручению сына, с мольбою:

— Завтра будет здесь революция! Что же делать Мише?

Очевидно, совесть и отца, и сына мучилась над этим вопросом... Я ему ответил:

— Ничего уже невозможно сделать! Революция неизбежна: Мише не остановить ее. Лишь сам погибнет. Пусть представит все ходу событий.

Отец ушел. Что было с Мишей, не знаю. Вероятно, принял мой совет...

Неспокойно спал и я. Что-то будет завтра? И я решил встать рано и пойти в кафедральный собор к «ранней» обедне в шесть часов утра — помолиться. Уже было светло. Зима еще стояла, и по земле вилась мелкая вьюга, неся сухой и злой снежок... Было пусто... Город точно вымер: или еще не началась дневная жизнь? Или же люди прятались от грозных событий?

В соборе, кажется, никого не было, кроме священника и рядового диакона да сторожа. Звонко отдавались в высоком пятиглавом храме молитвы... Было жутко и тут... Отстояв службу, я решил пойти к своему духовнику, хорошему иеромонаху архиерейского дома. На всякий случай нужно исповедаться, думал я, мало ли что может случиться ныне и со мною?! Духовник принял меня ласково, после исповеди угощал чаем с вареньем. Мы озабоченно разговаривали о событиях дня.

А в эти часы вот что происходило в городе и за городом. Запасные войска, их было, как говорят, до 20 тысяч, пошли в город беспорядочной массой. К ним пристали рабочие с загородной фабрики «Морозовская мануфактура». И эти тысячи направились, конечно, к центру власти — губернаторскому дому. А некоторые из солдат, заночевавшие в городе, успели уже учинить убийство... Пишу по циркулировавшим тогда слухам... Один из них не отдал чести встретившемуся молодому офицеру. Тот сделал ему выговор... Этого было довольно... Офицера оскорбили как-то еще. А он тоже не сдержался, и толпа хотела учинить над ним насилие. Он побежал, толпа за ним. Он спрятался на чердаке церковного дома. Но его там нашли и выбросили через слуховое окно с третьего этажа на землю... Очень дурное предзнаменование.

А губернатору полиция по телефону сообщила обо всем. Видя неизбежный конец, он захотел тоже исповедаться перед смертью, но было уже поздно. Его личный духовник, прекрасный старец протоиерей Лесоклинский не мог быть осведомлен: времени осталось мало. Тогда губернатор звонит викарному еписко-

пу Арсению[45] и просит его исповедать по телефону... Это был, вероятно, единственный в истории случай такой исповеди и разрешения грехов... Епархиальный архиерей Серафим был тогда в Санкт-Петербурге.

В это время толпа ворвалась уже в губернаторский дворец (кажется, он был построен еще во времена Александра I для своей сестры-княжны, бывшей тогда замужем за губернатором). Учинила, конечно, разгром. Губернатора схватили, но не убили. По чьему-то совету, не знаю, повели его в тот самый «комитет», который уговаривал его уехать из города.

Вот я, грешный, с духовником был свидетелем следующей картины.

Я ее опишу подробней, ведь так начиналась «бескровная» революция... Сначала по улице шли мимо архиерейского дома еще редкие солдаты, рабочие и женщины. Потом толпа все сгущалась. Наконец, видим идет губернатор в черной форменной шинели с красными отворотами и подкладкой. Высокий, плотный, прямой, уже с проседью в волосах и небольшой бородой. Впереди него было еще свободное пространство, но сзади и с боков была многотысячная сплошная масса взбунтовавшегося народа. Он шел точно жертва, не смотря ни на кого. А на него — как сейчас помню — заглядывали с боков солдаты и рабочие с недобрыми взорами. Один солдат нес в правой руке (а не на плече) винтовку и тоже враждебно смотрел на губернатора... Комитет находился в Городской Думе, квартала за два-три от собора и дворца.

Я предложил духовнику подняться на второй этаж, где жила часть соборного духовенства: старый, умный, образованный кафедральный протоиерей отец Соколов и другие. Что может статься с духовенством теперь? Лучше уж встретить смерть всем вместе... И мы были свидетелями дальнейших событий. Толпа, вероятно, требовала от комитета убийства губернатора, но он не соглашался и предложил посадить его под арест на гауптвахту. Это одноэтажное небольшое помещение было между собором и дворцом. Рядом с ней стояла традиционная часовая будка, расписанная черными полосами. Толпа повела губернатора по той же улице обратно. Но кольцо ее уже зловеще замкнулось вокруг него. Сверху мы молча смотрели на все это. Толпа повернула направо за угол реального училища к гауптвахте. Губернатор скрылся из нашего наблюдения. Рассказывали, что масса не позволяла его арестовать, а требовала убить тут же. Напрасны были уговоры. Вышел на угол — это уже в нашем поле зрения — Червен-Водали, влез на какой-то столбик и начал говорить речь, очевидно, против насилия. Но один солдат прикладом ружья разбил ему в кровь лицо, и того повели в комитет. На его место встал полковник Полковников, уже революционно избранный начальник, и тоже говорил. Но прикладом ружья и он был сбит на землю.

А мы, духовные?.. Я думал: вот теперь пойти и тоже сказать — не убивайте! Может быть, бесполезно? А может быть, и нет? Но если и мне пришлось бы получить приклад, все же я исполнил бы свой нравственный долг... Увы, ни я, ни кто другой не сделали этого... И с той поры я всегда чувствовал, что мы, духовенство, оказались не на высоте своей... Несущественно было, к какой политической группировке относился человек. Спаситель похвалил и самарянина, милосердно перевязавшего израненного разбойниками иудея, врага по вере... Думаю, в этот момент мы, представители благостного Евангелия, экзамена не выдержали, ни старый протоиерей, ни молодые монахи... И потому должны были потом страдать.

Толпа требовала смерти. Губернатор, говорили, спросил:

— Я что сделал вам дурного?

— А что ты нам сделал хорошего? — передразнила его женщина.

Рассказывали еще и о некоторых жестокостях над ним, но, кажется, это неверно. И тут кто-то, будто бы желая даже прекратить эти мучения, выстрелил из револьвера губернатору в голову. Однако толпа — как всегда бывает в революции — не удовлетворилась этим. Кровь — заразная вещь. Его труп извлекли на главную улицу, к памятнику прежде убитому губернатору Слепцову[46]. Это мы опять видели. Шинель сняли с него и бросили на круглую верхушку небольшого деревца около дороги, красной подкладкой вверх. А губернатора толпа стала топтать ногами... Мы смотрели сверху и опять молчали... Наконец, это было уже, верно, к полудню или позже, все опустело. Лишь на середине улицы лежало растерзанное тело. Никто не смел подойти к нему. Оставив соборный дом,

я прошел мимо него в свою семинарию, удрученный всем виденным... Не пойди я на раннюю службу и исповедь, ничего бы того не видел. В чем тут Промысл Божий?..

Темным вечером тайно прибыл викарий епископ Арсений, исповедовавший убитого утром, вместе с духовником отцом Лесоклинским взяли на возок тело и где-то тайно похоронили[47]...

Червен-Водали после был министром при адмирале Колчаке в Сибири и был тоже убит. Полковник же Полковников был (если не ошибаюсь) потом комендантом или начальником революционного гарнизона в Санкт-Петербурге. Где Платонов — не знаю. Епископ Арсений при советской власти был в Ростове-на-Дону.

Так открылся первый день революции в нашей Твери... Семинаристов мы распустили лишь за два-три дня перед этим за недостатком средств на содержание.

Дальше припоминаю два собрания педагогов и духовенства.

Не помню, дня через три или четыре после полного переворота в зале мужской гимназии собрались педагоги всех учебных заведений, включая низшие, чего прежде никогда не бывало. Было около двухсот-трехсот человек. Какой-то комитет, не известно мне, кем избранный, предложил резолюцию: приветствовать новое революционное правительство, возглавлявшееся тогда князем Львовым[48]. Заранее была заготовлена и резолюция. Прочитали ее нам. Должно быть, употребили и слово «бескровный»... А у нас только убили и истоптали губернатора... Но если в Твери это слово и опустили, то повторяли его по всей России, суть одна. Председательствовавший преподаватель гимназии Андреев, тоже из семьи духовенства, спрашивает:

— Все ли согласны?

Несколько человек отвечают, что согласны.

— Несогласных нет?

— Я не согласен,— говорю с места.

Молчание и замешательство. Рядом со мной сидел директор коммерческого училища, он же соборный староста, из давнего рода тверских купцов Коняевых. Изящный, тонкий, благовоспитанный, деликатный, он, вставши, нежно и почтительно обратился ко мне с вопросом:

— Ваше высокопреподобие, отец архимандрит! В такой исключительный час вы разошлись с большинством. Не соблаговолите ли поделиться с нами мотивами, какие побудили вас к такому решению?

— Я не только ректор семинарии, но еще и представитель Церкви. Вы теперь торжествуете. Но неизвестно еще, что будет дальше. Церковь же в такие моменты должна быть особенно осторожна.

Я сел. Никто, конечно, ко мне не присоединился. Через несколько дней я был в Петрограде: нужно мне было посоветоваться с митрополитом теперешним Сергием. В здании Синода меня встречает бывший мой слушатель по духовной академии протоиерей О-кий и, улыбаясь дружественно, спрашивает меня:

— Вы отказались послать с педагогами приветствие Временному правительству?

— Да, а вы почему знаете?

— Известно уже Синоду. В телеграмме педагогов так и сказано: «все, кроме ректора семинарии архимандрита Вениамина» и прочее.

Очевидно, правительство послало тверскую телеграмму на распоряжение Синода. Но богомудрые отцы Синода сдали ее, вероятно, в архив. Мне же не сделали и замечания. История после показала, что я был прав. А интеллигенты впоследствии стали на путь саботажа и пострадали. Церковь же устояла.

Другое собрание сделано было духовенством Твери, потому что рабочие будто подозрительно смотрели на молчание Церкви.

Отцы собрались в женском епархиальном училище. Председательствовал викарий епископ Арсений. Один из протоиереев, член Государственной Думы, Т., произнес горячую речь, что вот-де теперь они стали свободны, что не нужно лицемерить, называя царя «благочестивейшим» и проч., и проч.

Попросил слова и я. В противовес отцу Т. я сказал, что лучше нам молчать. Если мы «лицемерили» до сих пор (но я, говорю, нелицемерно признавал царя и молился за него), то кто нам поверит, что мы не лицемерим теперь, приветствуя правительство? И т. д. В заключение я предложил воздержаться от приветствий —

это будет достойней. К моей радости, собрание согласилось со мной, а не с отцом Т.

В тот же день я уехал в Москву, повидаться с друзьями. Через два дня возвращаюсь обратно. И еще на вокзале встречают меня друзья тверские и говорят, что духовенство вторично собралось там же для нового обсуждения телеграммы. Я с вокзала — прямо в женское училище, увы, опоздал! Уже приняли решение о посылке приветствия и теперь начинали вырабатывать текст его. Я встречаю епископа Арсения с недоумением. Он отводит меня в сторону и просительно говорит:

— Отец ректор, оставьте их! Мы с вами монахи, а у них же жены, дети. Поймите их!

Но я, неразумный, все же упросил включить и меня в комиссию по выработке телеграммы и постарался смягчить ее настолько, что наше тверское духовенство (как припоминаю) не получило даже благодарственного ответа.

Так реагировал на вторую революцию народ, общество и духовенство в городе; а что было в селе, я узнал на Пасху уже в последующий год, когда мужики собрались делить господские и купеческие земли. Пригласили и наших родителей, чего раньше не делали с нами, как людьми из другой деревни. На этот раз им было интересно залучить отца с матерью, у которых дети «ученые». Хотелось робким людям, еще не привыкшим к революции (и «как бы еще чего там не случилось далее»), заручиться и косвенным согласием «ученых». Я на сходку не пошел. Воротились мать с отцом. Вижу — в недоумении. Спрашиваю: «Что? — «Да делили землю, луга». Молчу. Обращаются ко мне, но нерешительно:

— А что? Не взять ли и нам десятинку? А?

— Нет, мама, не нужно.

И не взяли. А после у них отобрали и последнее: ее лисью шубу, данную ей в приданое сорок лет назад, мебель из домика нашего, четыре меры запасенного пшена и т. д. Тяжело было, но вытерпели.

Известно, как разбирали поместья крестьяне, но я сам не видел этого, жил в городах и потому описать не могу.

Когда воротился из Санкт-Петербурга Тверской архиепископ Серафим, человек ярких правых убеждений, епархиальный съезд проголосовал об удалении его и избрал викарного архиерея Арсения. Архиепископ Серафим долго боролся против такого неканонического самочинства, однако внужден был все же уйти. Впоследствии он был митрополитом в Петрограде. Советская власть не тронула его[49]. Я выразил открытое сочувствие архиепископу Серафиму.

Как я сказал, после Февральской революции я уехал в Москву. На вокзале нет извозчика. Пошел до Кремля пешком. Иду между соборами. Пусто, безлюдно. Лишь встречается случайная монашенка и, лукаво-насмешливо смотря на меня в клобуке, язвительно спрашивает:

— Что? Присягнули, товарищ, правительству-то новому?

Я ничего не ответил. А нужно сказать, я действительно никому после революции не присягал, как-то прошло мимо.

Среди знакомых я посетил Л. А. Тихомирова. Он был хмур. Между прочим, я спрашивал его:

— Как вы думаете, долго ли продержится эта бескровная революция? Некоторые (один, например, бывший министр К., говорил, что две недели) думают, скоро все придет в порядок!

— Еще никогда в мире не было ни одной бескровной революции. А о двух неделях... Хм? — он саркастически улыбнулся.— Дай Бог, если б через десять лет кончилась она!

...Посетил нескольких духовных лиц. Митрополит Московский бывший архиерей Тобольский Макарий[50], старец благочестивейшей жизни и миссионер Сибири, должен был уйти со своего поста как человек, которому ставили в вину сопротивление Распутину. На место его потом избрали Тихона[51], впоследствии Патриарха.

В Петрограде был немедленно удален (и кажется, его везли Невскому на троне, с позором) митрополит Питирим[52]. При избрании на его место было три кандидата: теперешний митрополит Сергий, тогда Финляндский, Андрей, епископ бывший Уфимский, из рода князей Ухтомских (считавшийся либеральным)[53] и викар-

ный епископ Вениамин[54]. К удивлению, Собор остановился на последнем. Встретив своего товарища по академии Володю Красницкого, я спросил: «Почему так получилось?»

— Да, видишь, времена трудные, политика сложная. Мы и решили, чтобы не впутывать нашу епархию в темные дела, лучше выберем молитвенника Вениамина.

Это был истинный святитель Божий. О нем после упомяну еще.

Бывший обер-прокурор после Победоносцева Саблер, переменивший свою фамилию на Десятовского, жил беспрепятственно в Твери. С ним встречалась старушка княгиня Гейдеи. Когда ослабел от старости, она водила его под руки в собор на службы. А когда ее выпустили за границу, она вывезла его дневник в Париж. Я читал его и даже докладывал в Богословском институте студентам: Саблер смиренно принял новую советскую власть и подкреплял это ссылками на Писание и своими размышлениями.

Потом я заболел кровохарканием и на Страстной неделе уехал для лечения в Крым. Возвращался после подавления июльского восстания большевиков. Чувствовалось, что надвигается буря: второй революции грозит опасность, но уже не справа, а слева, от социал-демократов, «большевиков». Эту революцию я считал третьей по счету (1905 г., 1917 — февраль, 1917 — октябрь). И две первые отнесу к общему определению как революции буржуазно-либеральные, интеллигентские, не народные еще, потому и поместил их в одну главу, как сродные. А о третьей буду говорить особо.

В заключение же этой части вспомню, как отразилась эта революция на мне и на одном мужике.

Когда получили известие об отречении царя от власти, о передаче власти Михаилу Александровичу[55], я обязан был сказать по этому случаю соответствующее поучение. Но у меня тогда не было никаких сил торжествовать.

— Это не восшествие на престол, а поминки,— высказал свое впечатление о моем слове личный секретарь архиерея, хороший и честный человек, Преображенский.

Верно! Скажу больше. С удалением царя и у меня получилось такое впечатление, будто бы из-под ног моих вынули пол и мне не на что было опереться. Еще я ясно узрел, что дальше грозят ужасные последствия. И наконец, я почувствовал, что теперь поражение нашей армии неизбежно. И не стоит даже напрасно молиться о победе... Да и о ком, о чем молиться, если уже нет царя?.. Теперь все погибло...

Но постепенно эти острые переживания сгладились.

А в Москве я услышал иной голос народа. Еще в пути из Твери, в вагоне второго класса, я ночью слышал, как надо мною на полке для вещей ворочается солдат с фронта, зевает и, по-видимому, рот крестя, шепчет:

— О-о! Господи, помилуй!

Проходя мимо храма Христа Спасителя, я увидел толпу народа. Статуя Александра III была уже разбита на части, которые валялись тут же[56]. Впереди толпы — стол с председателем. Митинг. Я, в клобуке, вмешался в толпу солдат и рабочего люда. Слушаю. Взбирается какой-то студент в прекрасной шинели темно-зеленого сукна. Темой его речи была мысль, что революция совершилась, но ее нужно углублять и углублять. А опасностей много. Одной из них является возвращение с фронта солдат по домам. А там семьи, жены — и пропадет революция.

Слушаю я и думаю: не знаешь ты народа, если так говоришь. Да ведь это и неверно и обидно русскому мужику, чтобы он подчинялся своей бабе. Думаю, провалился оратор. И в самом деле в ответ на его речь раздалось два-три хлопка... Огорчились мужики...

Поднимается какой-то крестьянин без шапки. На голове копна темных волос, борода — лопата. Начинает раскланиваться на три стороны... Ему кричат: «Довольно, говори!»

— Нет, ты таперича погоди! — и снова кланяется.

— Ну, в чем дело?

Он медленно, с трудом ворочая слова, как камни, начинает говорить:

— Кто я такой?

— Да почем тебя знать?! Говори!

— Нет, а кто я такой?!

У людей теряется терпение.

— Ну, кто?! Говори, кто?

— Я второй кучер у купцов...

(Фамилию я позабыл!).

— Ну, так что, что ты кучер? К чему ведешь?

— Так как же? Гляди-ка-сь: вот я кучер, а таперича говорю! Вот оно что значит — свобода-то!

Народ понял и дружными хлопками одобрил этого «оратора», впервые дерзнувшего заговорить.

А мне припоминается случай из истории французской революции 1789 года. В дом какой-то графини пришел знакомый маляр оклеивать комнату. Между делом завел разговор:

— А что, графиня, пожалуй, теперь из моего сынишки Пьера может и генерал выйти?

Графиня промолчала, а потом со смешком рассказала знакомой подруге о такой наивности маляра.

— Напрасно ты смеешься,— ответила та.— Вот из-за того, что из Пьера может выйти генерал, они доведут революцию до конца!

К концу речи кучера я спрашиваю соседа:

— А мне можно сказать?

— Отчего же нет? Теперь всем можно. Спросись у председателя. Я подошел и получил разрешение. Взбираюсь на стул, в рясе, в клобуке, и начинаю приблизительно так:

— Углублять-то теперь уж будете несомненно. За это не приходится опасаться. Только вот и Бога не забывайте: без Бога ни до порога!

И так далее. Вспомнил и солдата ночного, крестившего рот с молитвой, и прошлую историю земли Русской, и народный дух православный... Вижу, внимательно слушают.

А когда я кончил, мне раздались оглушительные аплодисменты и возгласы:

— Правильно, отец!.. Верно, товарищ.

Я ушел с митинга довольный: не погибнет вера в народе. Он революцию хочет делать, но и от веры не желает отрекаться... И стало мне легче.

Вспоминаются мне еще два, по-видимому, смешных, но на самом деле загадочных случая. Над обоими я тогда задумался, и сейчас они стоят передо мною неразгаданными.

Один из них касался вопроса о социализме и собственности, а другой — о сочетании революции и религии.

Сначала расскажу о втором случае, он был раньше.

Когда я проезжал Харьков и задержался там, то был очевидцем следующей сцены. На центральной городской площади, где помещались и кафедральный собор, и против него «присутственные места», а справа — университет, собралась огромная толпа народа, которая стояла к собору задом, а к губернскому правлению лицом и смотрела вверх на крышу этого здания. Я обратился туда же. Вижу, что по железной крыше карабкается солдат в шинели. Куда он?.. Потом взбирается осторожно на самую вершину треугольного карниза, лицом к собору. Смотрю: у него в руках дубина. Под карнизом же был вылеплен огромный двуглавый орел с коронами и четырехсаженными распростертыми крыльями. Это — символ собственно России, смотрящей на два континента — Европу и Азию, где ее владения. Но обычно его считали символом царя и его самодержавной власти. Разумеется, революционному сердцу данного горячего момента было непереносимо видеть «остатки царизма». И решено было их уничтожить, насколько возможно. Кто-де будет препятствовать?.. Теперь — свобода и угар. Но дело было опасное: вояке легко было слететь с трехэтажного здания и разбиться насмерть. Однако дело серьезное, государственное — революция, есть за что рисковать и жизнью...

Приловчившись, солдатик встает во весь рост и на виду у всего честного народа, не спеша, снимает военную фуражку, истово кладет на себя три креста, покрывает голову, берет обеими руками дубину и двумя-тремя ударами сбивает и корону, и головы орла. Внизу же над входными дверьми был плоский стеклянный навес, куски разбитого гипса упали на него и со звоном вдребезги раз-

били стекло... Были ли аплодисменты и ура, не помню... Как не быть?! Солдат с торжеством исполненной большой задачи сполз в слуховое окно крыши и дальше.

А я смотрел и думал: что же за загадка — этот русский украинский человек? И царя свергает, и Богу молится... Не по-старому это. А у него как-то мирится. Видно, он революцию инстинктивно считает тоже хорошим и нужным делом. Или и здесь было лишь угарное озорство революционного момента или простая традиция? Что ответить? И казалось мне, как и в Москве на митинге у храма Христа Спасителя, русский народ как-то объединит и то и другое... Отчаиваться нам, верующим, еще не нужно за него.

При этом размышлении вспоминаются мне подобные же слова главы Церкви Митрополита Сергия, сказанные им много лет спустя американским корреспондентам, задавшим ему вопрос о пропаганде безбожия и атеизме народа:

— Мы еще не теряем надежды на возвращение нашего народа к отеческой вере.

И я, делая эти записи, все еще жду, что будет с теми многими миллионами, которые за эти двадцать пять лет растеряли или разбили веру отцов? И как это будет? Воля Божия.

А другой разговор был в вагоне, после Харькова.

В поезде были украинцы. Народ они — «себе на уме»! Не сразу поймешь, что думают эти «хохлюки». Молчаливая публика... Посасывают себе трубочки с тютюном (табаком.— *Ред.*) и все думают, думают... Около одной группы вертится юный солдат, хорошо одетый... Как помню великоросс по языку. Едет с фронта или на фронт куда-то «по делам». Оказывается, военный фельдшер, стало быть, вроде уж как ученый. И вот он на моих глазах горячо и долго разъясняет дядькам-украинцам, что такое социализм. Как теперь все будет замечательно! Работать придется совсем мало, а всего будет вдоволь. А главное все и всем — даром: денег никаких не платить, да и вообще деньги не нужны будут при социализме...

Слушают мужики и не спорят... Только что вот как-то загадочно молчат, будто бы глупые. Но оратор, довольный собой и своим умом, не замечает этого...

И неожиданно один из слушателей, выколачивая пепел из трубки своей, сказал медленно (он говорил по-украински, конечно), смотря вниз на трубку:

— Да, оно... конечно, без денег-то лучше... Зачем тогда деньги?.. Вот разве маленько на табачишко?!

В самом ли деле он думал, что уж табака, как вещи несерьезной и ненеобходимой, серьезное начальство давать не будет? Или он этой шутливой иронией выразил свое сомнение, что при социализме будет все даровое? Не знаю. Только, по-видимому, этот украинец хотел сказать, что даже при коммунизме должна остаться какая-то индивидуальная свобода, пусть хоть во второстепенном. А где граница этого? В табачишке ли только?

Не поверили лишь они одному, что мало придется работать. Это вековечному труженику и непонятно, и даже неприятно...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Русское богатство»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Основан в Москве в 1876 году. После 1905 года журнал занимал промежуточное положение между ориентациями эсеров и кадетов.

«Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал. Выходил в Москве с 1880 по 1918 год. После 1905 года — орган партии кадетов.

[2] *Бокль Генри Томас* (1821—1862) — английский историк и социолог, представитель географической школы в социологии.

[3] Речь идет о книге русского публициста, социолога и естествоиспытателя Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» (т. 1, 2. СПб., 1885—1889).

[4] Персонаж романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

[5] Текст песни приведен в пьесе М. Горького «На дне».

[6] *Спиридонова Мария Александровна* (1884—1941) — одна из организаторов и лидеров партии левых эсеров. После октября 1917 года выступала за сотрудничество с большевиками, была членом Президиума ВЦИК, участницей II, IV, V Всероссийских съездов Советов. Выступала против заключения Брестского мира и в июле 1918 года приняла участие в московском восстании левых эсеров, за что была осуждена (условно) Ревтрибуналом на 1 год лишения свободы. Отошла от политической деятельности. Впоследствии неоднократно подвергалась арестам, много лет провела в тюрьмах, лагерях и ссылках. Казнена осенью 1941 года.

[7] *«Наш путь»* — двухнедельное издание. СПб., 1910—1911. Примерно в это же время выходил журнал «Наш путь» под редакцией В. М. Пуришкевича.

[8] *Гапон Георгий Александрович* (1870—1906) — священник. Начиная с 1904 года все более и более сближался с левыми кругами. В январе 1905 года выступил инициатором стачки, в которую было вовлечено 150 тысяч рабочих столицы. После трагедии 9 января скрылся за рубеж. Находился в Швейцарии в окружении Ленина и других профессиональных революционеров. Осенью 1905 года возвратился в Петербург и попытался пойти на контакт с графом С. Ю. Витте и департаментом полиции, но был убит эсером Рутенбергом в Озерках. Гапона обвинили в сотрудничестве с полицией и в провокационной деятельности.

[9] Группой «пятидесяти трех» Владыка Вениамин ошибочно называет группу «тридцати двух», на основе которой возник «Союз церковного возрождения», выступавший за реформы в Церкви. После революции многие участники группы стали видными деятелями обновленческого раскола.

[10] *Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906) — в 1896—1905 годах занимал пост московского обер-полицмейстера, а с января 1905 года был генерал-губернатором Санкт-Петербурга. Впоследствии — товарищ министра внутренних дел. Фраза «холостых залпов не давать и патронов не жалеть» относится по времени к октябрю 1905 года.

[11] *Полубояринова* — вдова миллионера, финансировала издание «Союз русского народа».

[12] *Дубровин Александр Иванович* (1855—1918) — врач, один из организаторов «Союза русского народа». Возглавлял часть Союза после раскола СРН в 1910 году. Расстрелян большевиками в 1918 году.

[13] *Кони Анатолий Федорович* (1844—1927) — юрист, общественный деятель, академик. Получил известность, когда в 1878 году добился оправдательного приговора по делу В. Засулича. Автор воспоминаний «На жизненном пути».

[14] О нем — в гл. «Белое движение».

[15] «Володя» Красницкий возглавлял «живую церковь» — одно из самых радикальных течений в обновленчестве, призывал к закрытию монастырей, выступал с обличениями «церковной контрреволюции». Лицемерно приносил покаяние Патриарху Тихону и вновь возвращался в обновленческий раскол.

[16] *Керенский Александр Федорович* (1881—1970) — эсер, юрист по образованию, выпускник Санкт-Петербургского университета. В IV Государственной Думе был председателем фракции трудовиков. С 1917 года — эсер. Во время Февральской революции — член Временного комитета Государственной Думы, зам. председателя Петроградского Совета. Во Временном правительстве занимал посты министра юстиции, военного и морского министра, министра-председателя и одновременно был верховным главнокомандующим. Во время Октябрьской революции бежал из Петрограда. С 1918 года — эмигрант.

[17] Державная икона Божией Матери явилась в подмосковном селе Коломенском (бывшей царской вотчине) в день отречения от престола императора Николая II — 2 марта 1917 года.

[18] В эмиграции А. Ф. Керенский выпускал газету «Дни», которая выходила сначала в Берлине, а затем в Париже. Ее издание было прекращено в 1932 году.

[19] *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1953) — политический деятель, один из организаторов партии социалистов-революционеров, член ее ЦК, главный теоретик партии. С 1899 года — эмигрант, возглавлял заграничную организацию эсеров. После февраля 1917 года вернулся в Россию и занял пост министра земледелия Временного правительства. В январе 1918 года был председателем разогнанного большевиками Учредительного собрания. С 1920 года — эмигрант, жил во Франции. Участник движения Сопротивления. Последние годы провел в США.

[20] *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878—1943) — член ЦК партии эсеров, представитель ее правого крыла. Во Временном правительстве — министр внутренних дел. В 1918 году Авксентьев — один из руководителей «Союза возрождения России». В ноябре 1918 года арестован колчаковцами и выслан за границу.

[21] *Архангельский Александр Андреевич* (1846—1924) — русский духовный композитор, создатель замечательного хора, знакомившего русское общество с лучшими образцами отечественной и зарубежной хоровой музыки.

[22] *Владыка Феофан (Быстров)*, занимавший тогда должность инспектора, впоследствии ставший архиепископом, в описываемое время был архимандритом.

[23] *Дубасов Федор Васильевич* (1845—1912) — адмирал, в 1897—1899 годах командовал Тихоокеанской эскадрой. В 1905—1906 годах — московский генерал-губернатор.

[24] *Герценштейн Михаил Яковлевич* (1859—1906) — экономист, теоретик кадетской партии по аграрному вопросу, земской деятель. Был депутатом I Государственной Думы, членом думской аграрной комиссии. Убит в июле 1906 года в Финляндии.

[25] Мф. 24, 6.

[26] «Выборгское воззвание» — обращение группы депутатов I Государственной Думы (июль 1907 г.) с призывом отказаться от уплаты налогов и от прохождения воинской службы в знак протеста против роспуска Думы.

[27] *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911) — русский государственный деятель, министр внутренних дел, с 1906 года — председатель Совета Министров, инициатор аграрной реформы, направленной на ликвидацию малоземелья. Убит в Киеве в 1911 году. Кроме недюжинного ума и таланта государственного деятеля, обладал большим личным мужеством.

[28] *Богров Мордка* — убийца П. А. Столыпина.

[29] *Святитель Тихон Задонский (в миру Тимофей Соколов)* († 1783), архимандрит Желтикова и Отроча монастырей, ректор Тверской Семинарии. В 1761 году был хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии. По болезни рано ушел на покой и проживал с 1769 года в Задонском монастыре Воронежской епархии (его последней архиерейской кафедрой была Воронежская и Задонская, где он был правящим архиереем). Живя на покое в монастыре, святитель Тихон предавался подвигам поста и молитвы, изнурял себя тяжелыми работами, много заботился о просвещении и занимался широкой благотворительностью. Известен также как духовный писатель. Основной труд — «Сокровище духовное, от мира собираемое». Ф. М. Достоевский считал, что без знания творений святителя Тихона невозможно понять душу русского человека.

[30] *Распутин Григорий Ефимович* (1872—1916) — из крестьян Тобольской губернии. В светских

салонах Петербурга был принят как «старец», «святой человек» из народа. С помощью своих покровителей из «высшего света» проник в царский дворец и приобрел почти неограниченное влияние и фантастическую власть. Убит в декабре 1916 года в результате заговора, во главе которого стоял великий князь Дмитрий Павлович.

[31] *Фон Бюнтинг Николай Георгиевич* (1861—1917) — гофмейстер императорского Двора, тверской губернатор.

[32] Верхотурский Покровский монастырь основан в 1621 году первым тобольским епископом Киприаном, долгое время был единственным во всей Сибири женским монастырем. В 1782 году монастырь был упразднен, но община инокинь сохранилась. В 1897 году решением Святейшего Синода монастырь был возрожден.

[33] *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский* († 389) — один из выдающихся отцов Церкви, вселенских учителей, выдающийся проповедник.

[34] Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры, основанный митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), находился в 2 верстах от Сергиева Посада. Владыка Вениамин, тогда еще молодой человек, посещал здесь старца Исидора — насельника Гефсиманского скита, который предсказал ему архиерейство.

[35] *Епископ Иннокентий (в миру Иван Васильевич Солодчик, в схиме — Иоанн)* (1842—1919) — проживал на покое в одном из монастырей Таврической епархии, где в то время проходил свое служение Владыка Вениамин.

[36] Речь идет о семье великого князя Петра Николаевича.

[37] Эта идея Павла I, противоречащая вероисповедным основам Церкви и священным канонам, не получила практического развития. Она опиралась, по-видимому, на определение Петром I императора как Верховного Предстоятеля в Святейшем Правительствующем Синоде и как «Крайнего Судии» в делах Церкви.

[38] *Митрополит Владимир (в миру Василий Богоявленский)* (1848—1918) — окончил духовное училище и семинарию в Тамбове и Киевскую Духовную Академию. Доктор богословия. После окончания Академии преподавал в духовных и светских учебных заведениях. В 1882 году рукоположен во священника. Потерял жену и ребенка, в 1886-м принял иноческий постриг и был хиротонисан во епископа. Был викарием Новгородской епархии, возглавлял Саратовскую епархию. С 1892 по 1898-й — экзарх Грузии. 15 лет в сане митрополита управлял Московской епархией. В 1915 году митрополит Владимир (не без влияния Распутина) был переведен на Киевскую кафедру. В январе 1918 года был убит матросами возле Киево-Печерской Лавры.

[39] *Митрополит Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов)* (1858—1919) — выпускник Киевской Духовной Академии, в 1883 году принял монашество. С 1887 по 1891 год в сане архимандрита трудился на педагогическом поприще. В 1894 году хиротонисан во епископа Новгородского и Северского. В 1894—1914 годах занимал различные архиерейские кафедры, а в 1915 году архиепископ (с 1909 г.) Питирим был возведен в сан митрополита и назначен на Петроградскую кафедру. В марте 1917 года постановлением Синода уволен на покой. Скончался в Новочеркасске.

[40] *Самарин Александр Дмитриевич* (1869—1932) — окончил историко-филологический факультет Московского университета. Состоял членом Государственного Совета, в 1908 году был избран московским губернским предводителем дворянства. В 1915 году назначен обер-прокурором Святейшего Синода. До революции выступал как противник восстановления патриаршества, а во время Поместного Собора был выдвинут кандидатом в патриархи.

[41] *Тихомиров Лев Александрович* (1850—1923) — публицист, редактор газеты «Московские ведомости». В 70—80-е годы XIX века — народник, член партии «Земля и воля», соредактор ее печатного органа. С 1879 года был членом Исполнительного комитета партии «Народная воля». В 1883 году эмигрировал, за границей возглавлял «Вестник народной воли». За рубежом выпустил брошюру (1888) «Почему я перестал быть революционером?» В 1889 году направил царю личное послание и вскоре возвратился в Россию, где, кроме «Московских ведомостей», начал сотрудничать в «Новом времени» и «Русском обозрении».

[42] Убийство Распутина в доме князя Ф. Ф. Юсупова в Петербурге.

[43] *Милюков Павел Николаевич* (1859—1943) — историк по образованию, один из организаторов партии кадетов, член ее ЦК, редактор партийного органа газеты «Речь». Депутат III и IV Государственных Дум. Во время гражданской войны входил в «Донской гражданский совет» и в «Национальный сектор». С 1920 года эмигрант, издавал за границей популярную среди эмигрантов газету «Последние новости».

[44] *Архиепископ Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов)* (1856—1937) был в то время тверским правящим архиереем.

[45] *Епископ (впоследствии архиепископ) Арсений (Смоленец)* (1873—1937) — поляк, вырос в интеллигентной семье, окончил юридический факультет Варшавского университета. Принял Православие и в 1902 году окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Принял монашество и преподавал в духовных учебных заведениях. В 1910 году состоялась его хиротония во епископа Пятигорского, викария Владикавказской епархии. С 1912 года Владыка Арсений проходил свое служение в Твери, был викарным архиереем. В 1918—1919 годах находился на Юге России, управлял Ростовской епархией, с 1919 года был епископом Приазовским и Таганрогским. Участвовал в Ставропольском Соборе (1919); был связан с ВВЦУ. В 20—30-е годы управлял рядом епархий. Неоднократно подвергался арестам. Архиепископ Арсений был человеком высокой культуры и глубоких познаний, в совершенстве владел французским, немецким, английским и итальянским языками.

[46] Тверской губернатор Слепцов Павел Александрович, камергер Высочайшего Двора, действительный статский советник. Погиб в Твери от бомбы террориста 25 марта 1906 года.

[47] Тело фон Бюнтинга впоследствии было погребено в пещерах Псково-Печерского монастыря и находится буквально в сотне метров от места захоронения Владыки Вениамина, погребенного там же, в пещерах, в 1961 году.

[48] *Львов Георгий Евгеньевич* (1861—1925) — князь, депутат I Государственной Думы, председатель Всероссийского земского союза, в годы первой мировой войны — один из руководителей Земгора, глава Временного правительства в марте — июле 1917 года. Эмигрант.

[49] *Владыка Серафим (Чичагов)*, уже упоминавшийся в комментарии, был расстрелян в 1937 году. Митрополит Вениамин этого не знал.

[50] *Митрополит Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский)* (1835—1926) — «Апостол Алтая», много лет трудился на Алтае миссионером, будучи еще мирянином. После пострига и рукоположения начал служить литургию на языках народов Сибири. В 1883 году архимандрит Макарий был назначен начальником Алтайской миссии, а в 1884 году состоялась его хиротония во епископа Бийского. Владыка Макарий боролся с расколом, обращал в Православие туземцев, обличал в проповедях сосланных в Сибирь бунтовщиков, которые, как известно, и в ссылках продолжали свою разрушительную антигосударственную деятельность. Последние мстили епископу Макарию: подожгли архиерейский дом (сгорела библиотека и архив) и хотели убить самого Владыку. С 1895 по 1912 год Владыка Макарий управлял Томской епархией (с 1906 — в сане архиепископа). В 1912 году возведен в сан митрополита и назначен на московскую кафедру, которую занимал до марта 1917 года, когда был «по просьбе духовенства» уволен на покой. Ему вменялась в вину зависимость от Распутина. Подлинная или мнимая — судить трудно. Впоследствии проживал в Николо-Угрешском монастыре. Прожил 90 лет, служил 71 год, был архиереем 42 года.

[51] *Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России (в миру Василий Иванович Беллавин)* (1865—1925). Причислен к лику святых в 1989 году.

[52] Митрополита Питирима в полном святительском облачении посадили в разбитый автомобиль и с гиганьем и криками целый день возили по городу.

[53] *Епископ Андрей (в миру князь Александр Ухтомский)* (1872—1944) — выпускник Московской Духовной Академии, кандидат богословия. Принял постриг и рукоположение в декабре 1895 года. В 1911 году был хиротонисан во епископа Сухумского, с 1913 года занимал Уфимскую кафедру. Не склонный к компромиссам Владыка Андрей в 1918 году отлучил от причастия «грабителей чужих имений». В 1921 году святителем Тихоном назначен на Томскую кафедру, но епархией не управлял. Епископ Андрей был знатоком церковного устава и церковной старины. В 1925 году уклонился в старообрядческий раскол, но не торопился объявлять о своем присоединении к старообрядцам, хотя и был изобличен и запрещен в служении митрополитом Крутицким Петром (Полянским), Местоблюстителем Патриаршего Престола. С 1922 по 1928 год совершал тайные архиерейские хиротонии. С его именем связан так называемый «андреевский раскол».

Епископ Андрей неоднократно подвергался репрессиям со стороны советских карательных органов.

[54] *Епископ Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский)* (1874—1922) — сын священника, принял постриг в 1895 году. В августе 1918 года Святейшим Патриархом Тихоном возведен в сан митрополита с титулом «Петроградский и Гдовский». Арестован, предан суду по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей и создании контрреволюционной организации. 3 июля 1922 года Владыка Вениамин принял мученическую кончину. Причислен к лику святых в 1992 году.

[55] *Михаил Александрович* (1878—1918) — великий князь, брат Николая II. С 1898 по 1917 год находился на военной службе. Командовал кавалерийской дивизией, корпусом, был генерал-инспектором кавалерии. Отречение Николая II от престола (2 марта 1917 года) было сделано в пользу великого князя Михаила, но он так и не решился взять власть и также отрекся 3 марта 1917 года. Расстрелян летом 1918 года на Урале.

[56] Памятник императору Александру III возле храма Христа Спасителя (именно при Александре III, в 1883 году, было совершено торжественное освящение собора) был открыт весной 1912 года. Авторами монумента были профессор архитектуры Померанцев и скульптор Опекушин.

(Продолжение следует)

Гоголь и монашество

Духом схимник сокрушенный...

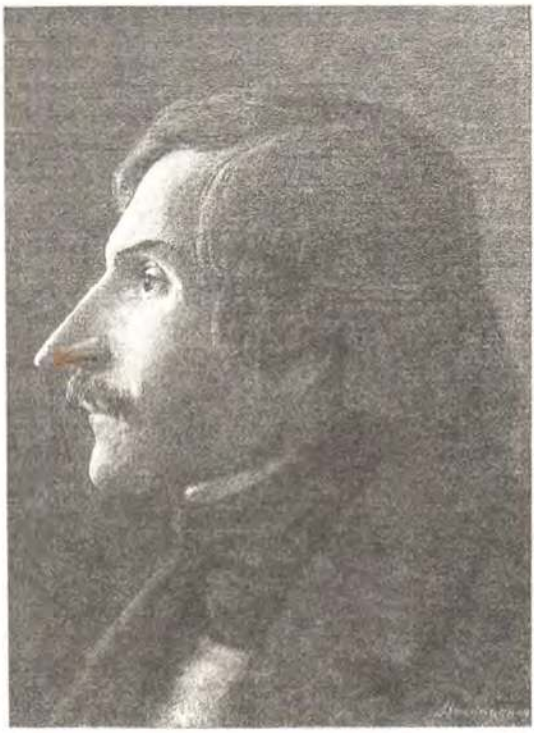
П. А. Вяземский

Н. В. Гоголь — один из выдающихся духовных писателей России. Вся его жизнь, подобно жизни инока, была непрерывным подвигом и восхождением к высотам духа; но знали об этой стороне его личности только ближайшие к нему духовные лица и некоторые из друзей. В сознании большинства современников Гоголь представлял собой классический тип писателя-сатирика, обличителя пороков общественных и человеческих, блестящего юмориста.

Другого Гоголя, продолжателя святоотеческой традиции в русской литературе, религиозного мыслителя и публициста, автора молитв, современники так и не узнали. За исключением «Выбранных мест из переписки с друзьями», изданных к тому же со значительными цензурными изъятиями и большинством читателей неверно воспринятых, духовная проза Гоголя при жизни его оставалась неопубликованной. Правда, последующие поколения уже смогли познакомиться с ней, и к началу XX столетия целостный облик Гоголя был в какой-то степени восстановлен. Но здесь возникла другая крайность: религиозно-мистическая «неохристианская» критика рубежа веков (и более всего известная книга Дмитрия Мережковского «Гоголь. Творчество, жизнь и религия») выстраивала духовный путь Гоголя по своей мерке, изображая его едва ли не болезненным фанатиком, мистиком со средневековым сознанием, одиноким борцом с нечистой силой, а главное — полностью оторванным от Православной Церкви и даже противопоставленным ей — отчего образ писателя представал в ярком, но совершенно искаженном виде.

В дальнейшем вопросами духовной биографии Гоголя занималось почти исключительно русское зарубежье, отчасти выравнявшее уклоны модернистского подхода,— мы имеем в виду книги Константина Мочульского «Духовный путь Гоголя» и протоиерея профессора Василия Зеньковского «Н. В. Гоголь». Но тема «Гоголь и монашество» в них практически не затронута. Это в особенности касается биографических моментов.

Гений Гоголя до сих пор остается неизвестным в полной мере не только широкому читателю, но и литературоведам, которые при нынешнем состоянии отечественной науки едва ли способны осмыслить судьбу писателя и его зрелую прозу. Это может сделать

Н. В. Гоголь. Худ. А. Мосаленко. (Публикуется впервые)

только глубокий знаток как творчества Гоголя, так и святоотеческой литературы,— и непременно находящийся в лоне Православной Церкви. Дерзнем утверждать, что такого исследователя у нас пока нет. Не беремся за эту задачу и мы: настоящая статья — лишь попытка наметить вехи духовного пути Гоголя, особенно в его связях с русским монашеством.

* * *

Подобно тому как вся жизнь святых, начиная с зачатия и рождения, подчинена их высокому предназначению,— жизнь Николая Гоголя с первого ее момента была устремлена к Богу. Мать его, Мария Ивановна, вспоминала: «Четырнадцати лет меня выдали за моего доброго мужа, в семи верстах живущего от моих родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во сне являясь ему. Он

меня тогда увидал, не имеющую году, а узнал, когда нечаянно увидел меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства». Мать Гоголя дала обет перед чудотворным образом Святителя Николая, называемого Диканьским, если будет у нее сын, наречь его Николаем,— и просила местного священника молиться до тех пор, пока его не известят о рождении дитяти и попросят отслужить благодарственный молебен. Испрошенный молитвой, новорожденный Николай был и встречен в этом мире молитвой благодарения Богу. По словам сестры писателя, Ольги Васильевны Гоголь-Головни, брат ее любил вспоминать, почему назвали его Николаем. Крещен младенец был в Спасо-Преображенской церкви местечка Сорочинцы (где и родился).

Мария Ивановна была женщиной набожной, даже отчасти экзальтированной, усердной паломницей. Любимым занятием в семье Гоголей было хождение по монастырям и святым местам, вплоть до Киева. Отголоски этой любви к странствиям слышны в ранней прозе Гоголя: «Что ж, господа, когда мы съездим в Киев? Грешу я, право, перед Богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже под старость совсем пора туда: мы с вами, Фома Григорьевич, затворимся в келью, и вы также, Тарас Иванович!» («Страшная месть», 1832).

Среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником; дед закончил Киевскую Духовную Академию, а отец — Полтавскую Семинарию. Впоследствии Гоголь посещал Крестовоздвиженский монастырь в Полтаве, где помещалась Семинария. Таким образом, бурсацкий быт, описанный в «Тарасе Бульбе» и «Вие», был известен Гоголю по семейным рассказам.

Понятие о Боге запало в душу Гоголя с детства. В письме к матери 1833 года он вспоминал: «Я просил вас рассказать мне о Страшном Суде, и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

Семейное предание сохранило рассказ о том, как друг семьи, известный литератор Василий Капнист, застал пятилетнего Николая пишущим стихи и уговорил его прочесть их. «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина»,— сказал Капнист домашним.

Первым сильным потрясением в жизни юного Николая — ему только что исполнилось 16 лет — была смерть отца, последовавшая 31 марта 1825 года. Он пишет матери письмо, в котором предельное отчаяние («Хотел даже посягнуть на жизнь свою») сменяется глубокой покорностью воле Божией: «Я сей удар перенес с твердостию истинного христианина... Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести!.. Прибегните так, как я прибегнул, к Всемогущему».

В Нежинской гимназии Гоголь, очевидно, пережил характерный для юношества того времени период вольнодумства, выразившегося в том, что он неуважительно отзывался о духовенстве, порицал несоответствующее сану поведение, не крестился в церкви и т. д. Высказывания, граничащие с кощунством, можно встретить и в его письмах петербургского периода.

После переезда в столицу Гоголь погружается в литературную жизнь, в свои собственные неудачи (сожжение поэмы «Ганц Кюхельгартен») и успехи («Вечера на хуторе близ Диканьки»). Но несмотря на внешнюю занятость в нем проглядывает постоянное недовольство суетой, желание иной, собранной и трезвенной жизни. В этом смысле очень показательны раздумья о посте в «Петербургских записках 1836 года»: «Спокоен и грозен Великий пост. Кажется, слышен голос: «Стой, христианин; оглянись на жизнь свою». На улицах пусто. Карет нет. В лице прохожего видно размышление. Я люблю тебя, время думы и молитвы. Свободнее, обдуманнее потекут мои мысли...— К чему так быстро летит ничем не заменимое наше время? Кто его кличет к себе? Великий пост, какой спокойный, какой уединенный его отрывок!»

Все раннее творчество Гоголя, если взглянуть на него с духовной точки зрения, предстает с неожиданной для привычного обыденного восприятия стороны: это не только собрание веселых рассказов в народном духе, но и обширное религиозно-назидательное поучение, в котором происходит борьба добра со злом, и добро неизменно побеждает, а грешники наказываются. Сатана связан и предан посмеянию («Ночь перед Рождеством»), бесы посрамлены («Сорочинская ярмарка»), нечистая сила обезврежена, и порок наказан («Вий»). Эта же борьба — но уже в более утонченной форме, иногда со злом невидимым,— явлена и в «Петербургских повестях»; как прямая защита Православия предстает она в «Тарасе Бульбе». Известно, что «Ревизор» — самое классическое комедийное произведение Гоголя — имеет глубокий морально-дидактический смысл, раскрытый автором в «Развязке «Ревизора» (1846): «Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе! Все до единого согласны, что этакого города нет во всей России... Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас?.. Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот — наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя».

Такой же глубинный подтекст имеет и замысел главного творения Гоголя — поэмы «Мертвые души»: представляя собой на внешнем уровне вереницу сатирических и бытовых характеров и ситуаций, поэма в окончательном виде, по словам автора, должна была показать путь к возрождению души падшего человека.

Однако несмотря на этот назидательный в целом характер раннего творчества, в нем отчетливо прослеживается заигрывание, часто кощунственное, с нечистой силой. Герои постоянно поминают нечистую силу и прибегают к ее помощи. Высмеивая отдельные стороны человеческой натуры и общественных отношений, Гоголь зачастую как бы покушается и на сам образ Божий — душу христианскую.

Осознание страшной ответственности художника за слово и за все им написанное пришло к Гоголю очень рано, но со всей определенностью выражено было в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку». Строже всего Гоголь спрашивал с себя: «Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...»

Если брать нравоучительную сторону раннего творчества Гоголя, то в нем есть одна характерная черта: он хочет возвести людей к Богу путем исправления их недостатков и общественных пороков — то есть путем внешним. Вторая половина жизни и творчества Гоголя ознаменована направленностью его к искоренению недостатков *в себе самом* — и таким образом, он идет путем внутренним. «Говорить и писать о высших чувствах и движеньях человека нельзя по воображенью,— утверждал Гоголь в «Авторской исповеди» (1847),— нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого,— словом, нужно сделаться лучшим».

* * *

Условно жизнь и творчество Гоголя можно разделить на два периода — рубежом будет 1840 год. В конце 1830-х годов он пережил некое душевное потрясение, о котором мы почти ничего не знаем, кроме глухих намеков в письмах самого Гоголя. Возможно, оно связано с пребыванием его на вилле княгини Зинаиды Волконской в Риме. Весной 1838 года он знакомится здесь с двумя молодыми польскими монахами, которые пытались обратить его в католичество. В дневнике одного из них, Иеронима Кайсевича, есть такая запись: «Познакомились с Гоголем, малороссом, даровитым великорусским писателем, который сразу выказал большую склонность к католицизму и к Польше... потом в угоду правительству вошел в общество схизматической пропаганды, основанное в Петербурге».

О «католическом эпизоде» в жизни Гоголя написано немало как дореволюционными, так и современными биографами, однако он по-прежнему остается непроясненным. По версии В. Вересаева, «скрытный и очень практичный в житейских делах Гоголь просто водил за нос охотившихся за ним польских монахов. Единственная его цель была — угодить богатой и знатной княгине Волконской, фанатической католичке». Но едва ли дело обстояло так просто. Во-первых, общее сильное влияние католицизма на Украине не могло не подействовать на Гоголя с юности хотя бы косвенно — эстетическое отражение его встречается во многих произведениях вплоть до сожженной редакции второго тома «Мертвых душ», в котором, по свидетельству духовного отца Гоголя протоиерея Матфея Константиновского, был священник с «католическими оттенками». Во-вторых, перелом в духовной жизни Гоголя действительно совпадает со временем его пребывания в Риме. По воспоминаниям И. Ф. Золотарева, жившего тогда вместе с Гоголем, «он был крайне религиозен, часто посещал церкви и любил видеть проявление религиозности в других». В-третьих, слухи о католических симпатиях Гоголя были очень упорными и доходили даже до его матери. Сам он впоследствии был вынужден оправдываться: «...что же касается до католичества, то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем» (письмо к Степану Петровичу Шевыреву в феврале 1847 года). Некоторые его признания того времени звучат определенно еретически: так, на опасения матери, что он переменит веру, Гоголь отвечает решительным отрицанием, ибо «как религия наша, так и католическая, совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую» (письмо в декабре 1837 года).

Не вдаваясь здесь в обсуждение этого вопроса, заметим, что каковы бы ни были католические уклонения Гоголя в молодости, его мысль и творчество в зрелые годы лежат в русле строгого Православия. Приведем только два свидетельства. Православный священник в Германии отец Иоанн Базаров вспоминал, что в 1847 году в Висбадене Гоголь обратил его внимание на то, что немцы строят русские православные храмы на горе, сказав при этом: «Как будто самый Промысл указывает на то, что Православная Церковь должна стоять выше всех других. И подождите (прибавил он) недолго, и она загорится звездою первой величины на горизонте христианства».

Второе свидетельство — апология Православия из уст самого Гоголя: «Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских и в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах раз-

решить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословье, званье и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России изумить весь мир согласной стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала,— и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь!» («Выбранные места из переписки с друзьями»).

Летом 1840 года Гоголь за границей пережил род болезни, но скорее не телесной, а душевной. Испытывая тяжелые приступы «нервического расстройства» и «болезненной тоски» и не надеясь на выздоровление, он даже написал духовное завещание. По словам Сергея Тимофеевича Аксакова, Гоголю были «видения», о которых он рассказывал ухаживавшему за ним в ту пору Николаю Боткину (брату критика Василия Боткина). Затем последовало «воскресение», «чудное исцеление», и Гоголь уверовал, что жизнь его «нужна и не будет бесполезна». Ему открылся новый путь. «Отсюда,— пишет Аксаков,— начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления, достигшего впоследствии, по моему мнению, такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесною оболочкою человека».

О переломе в воззрениях Гоголя свидетельствует в своих воспоминаниях Павел Васильевич Анненков: «Великую ошибку сделает тот, кто смешает Гоголя последнего периода с тем, который начинал тогда жизнь в Петербурге, и вздумает прилагать к молодому Гоголю нравственные черты, выработанные гораздо позднее, уже тогда, когда свершился важный переворот в его существовании». Начало «последнего периода» Гоголя Анненков относит к тому времени, когда они вместе жили в Риме: «Летом 1841 года, когда я встретил Гоголя, он стоял на рубеже нового направления, принадлежа двум различным мирам».

Суждение Анненкова о резкости совершившегося перелома едва ли справедливо: в 1840-е годы духовная устремленность Гоголя только обозначилась яснее и приобрела конкретные жизненные формы. Сам Гоголь всегда подчеркивал цельность и неизменность своего пути и внутреннего мира. В «Авторской исповеди» он писал, отвечая на упреки критиков, утверждавших, что в «Переписке с друзьями» он изменил своему назначению и вторгся в чуждые ему пределы: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою...— и я пришел к Тому, Кто есть источник жизни». В статье «Несколько слов о биографии Гоголя» Аксаков авторитетно свидетельствует: «Да не подумают, что Гоголь менялся в своих убеждениях; напротив, с юношеских лет он оставался им верен. Но Гоголь шел постоянно вперед, его христианство становилось чище, строже; высокое значение цели писателя яснее и суд над самим собой суровее».

Косвенное отражение духовной жизни Гоголя начала 1840-х годов можно найти во второй редакции повести «Портрет». Художник, создавший портрет ростовщика, решает уйти от мира и становится монахом. Очистившись подвижнической жизнью отшельника, он возвращается к творчеству и пишет картину, которая поражает зрителей святостью изображенного. В конце повести монах-художник наставляет сына: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится». Вторая редакция «Портрета», появившаяся в 1842 году, незадолго до выхода «Мертвых душ», осталась незамеченной критикой, если не считать неодобрительного отзыва Белинского. Но Шевырев, прочитавший переделанный Гоголем «Портрет», писал ему: «Ты в нем так раскрыл связь искусства с религией, как еще нигде она не была раскрыта».

У Гоголя постепенно вырабатываются аскетические устремления. Еще в апреле 1840 года он писал Н. Д. Белозерскому: «Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской». А в феврале 1842 года признается поэту Николаю Языкову: «Мне нужно уединение, решительное уединение... Я не рожден для треволнений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха». В то же время Гоголь объявляет о своем давнем замысле — поездке в Иерусалим; но осуществить его ему удалось только шесть лет спустя.

В начале июня 1842 года Гоголь уезжает за границу — и там в его жизни религиозное настроение начинает преобладать. Г. П. Галаган, живший с ним в Риме, вспоминал: «...Гоголь показался мне уже тогда очень набожным. Один раз собирались в русскую церковь все русские на всенощную. Я видел, что и Гоголь вошел, но потом потерял его из виду и думал, что он удалился. Немного прежде конца службы я вышел в переднюю, потому что в церкви было слишком душно, и там в полумраке заметил Гоголя, стоящего в углу за стулом на коленях и с поникнутой головой. При известных молитвах он бил поклоны».

Гоголь активно принимается за чтение книг духовного содержания, уделяя преимущественное внимание святоотеческой литературе.

...Еще в Нежинской гимназии законоучитель протоиерей отец Павел Волынский читал своеобразный курс нравственного богословия, знакомя воспитанников с творениями святых отцов и учителей Церкви — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского... Письма Гоголя 1840-х годов наполнены просьбами о присылке книг по богословию, истории Церкви, русским древностям. Друзья и знакомые шлют ему творения святых отцов, издаваемые Московской Духовной Академией, сочинения

святителя Тихона Задонского, святителя Димитрия Ростовского, епископа Иннокентия (Борисова), известного проповедника и духовного писателя, номера журнала «Христианское чтение». Присланное Языковым «Добротолюбие» стало для Гоголя одной из самых насущных книг. Не обходит он и западного богословия, читая Боссюэ, Фому Аквинского, книгу «О подражании Иисусу Христу», традиционно приписываемую Фоме Кемпийскому.

Зимой 1843/44 года Гоголь делает выписки в особую тетрадь из творений отцов и учителей Церкви, пользуясь в основном журналом «Христианское чтение» за 1842 год. Помимо святоотеческих текстов, в этом сборнике содержатся также отрывки из сочинений духовных писателей, современников Гоголя: митрополита Московского Филарета, Задонского Затворника Георгия, преосвященного Михаила (Десницкого), протоиерея Стефана Сабинина.

В это время Гоголь живет в Ницце у Виельгорских. Здесь он пишет для своих друзей ряд духовно-нравственных наставлений, или «правил», которыми они должны были руководствоваться в повседневной жизни. Эту попытку проповеди можно представить себе как подступ к «Выбранным местам из переписки с друзьями» — в этих «правилах» содержатся многие идеи будущей книги. Гоголь как бы нащупывает новый для себя жанр, приближаясь к традиции святоотеческой литературы.

Постоянная сосредоточенность, деятельное стремление к нравственному совершенствованию замедляют работу. Продолжение «Мертвых душ» Гоголь не мыслит без предварительного очищения своей души. «Сочиненья мои так связаны тесно с духовным образованием меня самого и такое мне нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитание душевное, глубокое воспитание, что нельзя и надеяться на скорое появление моих новых сочинений»,— писал он Петру Александровичу Плетневу в октябре 1843 года.

Одним из самых трудных в жизни Гоголя был год 1845-й. Его письма этой поры полны жалоб на ухудшающееся здоровье. Болезненность его усугублялась тем, что он «хотел насильно заставить писать себя», тогда как душа его «была не готова» к этому. «Я мучил себя,— признавался он в начале апреля этого года Александре Осиповне Смирновой,— насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз даже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладевали мною от этой причины».

В январе-феврале 1845 года Гоголь — в Париже у графа Александра Петровича Толстого. Об этом времени он писал Языкову: «Жил внутренно, как в монастыре, и в прибавку к тому не пропустил почти ни одной обедни в нашей церкви». Такому образу жизни соответствует и характер его занятий: он изучает чинопоследования Литургии святого Иоанна Златоуста и Литургии святого Василия Великого на греческом языке, пользуясь библиотекой настоятеля русской посольской церкви протоиерея отца Димитрия Вершинского, бывшего профессора Петербургской Духовной Академии, который был знатоком святоотеческой письменности. В ту пору он работал над своим главным сочинением — «Месяцесловом Православно-Кафолической Восточной Церкви». Гоголь собирался с отцом Димитрием в Иерусалим, но эта поездка не состоялась.

Почти ежедневные посещения церковных служб создавали у Гоголя высокое духовное настроение. В связи с этим он писал в конце февраля 1845 года Смирновой, что «был сподоблен Богом и среди глупейших минут душевного состояния вкусить небесные и сладкие минуты». В Париже Гоголь работает над книгой о Божественной Литургии, оставшейся незавершенной и увидевшей свет только после его смерти. (Впервые она была издана П. А. Кулишом с цензурными исправлениями в 1857 году под названием «Размышления о Божественной Литургии».) Цель этого духовно-просветительского труда, как ее определил сам Гоголь,— «показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением». По воспоминаниям современников, Гоголь «хотел сделать это сочинение народным, пустить в продажу по дешевой цене и без своего имени, единственно ради научения и пользы всех сословий» и даже «придумал для него формат книги: маленький, в осьмушку, который очень любил». В этом плане «Размышления...» стоят в одном ряду с многочисленными популярными изданиями объяснений Литургии, выходившими в России в XIX веке.

В работе над книгой Гоголь использовал многочисленные труды по литургике древних и современных авторов, но все они служили ему лишь в качестве пособий. «Размышления о Божественной Литургии», в которых органично сочетаются богословская и художественная стороны, представляют собой совершенно оригинальное произведение и один из лучших образцов русской духовной прозы XIX века. В книге воплощен и личный опыт Гоголя, его стремление к постижению литургического слова. «Для всякого, кто только хочет идти вперед и становиться лучше,— писал он в «Заключении»,— необходимо частое, сколько можно, посещенье Божественной Литургии и внимательное слушанье: она нечувствительно строит и создает человека. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышат полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургия, напоминающая человеку о святой, небесной любви к брату». Глубина

проникновения в Таинство Евхаристии в «Размышлениях...» заставляет предполагать в их авторе человека, собирающегося принять либо священство, либо монашество.

К весне 1845 года болезнь Гоголя усиливается. О его тяжком физическом и душевном состоянии свидетельствует отец Иоанн Базаров, в ту пору настоятель вновь учрежденной русской домовой церкви в Висбадене. В начале апреля он получил от Гоголя, жившего тогда во Франкфурте, записку: «Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю». Отец Иоанн застал его на ногах. На вопрос, почему он считает свое положение столь опасным, Гоголь протянул руки и сказал: «Посмотрите, совсем холодные». Однако священник убедил его, что он вовсе не в таком состоянии, чтобы причащаться на дому, и уговорил приехать в Висбаден говеть, что тот и исполнил. Будучи в доме Базарова, в кабинете хозяина, Гоголь по своей всегдашней привычке рассматривал его библиотеку. Увидев свои книги, он воскликнул чуть ли не с испугом: «Как! И эти несчастные попали в вашу библиотеку!» «Это было именно то время,— поясняет отец Иоанн,— когда он раскаивался во всем, что им было написано».

В конце июня — начале июля разразился кризис. Как бы предчувствуя смерть, Гоголь пишет новое духовное завещание, впоследствии включенное в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», и сжигает рукопись второго тома. О самом сожжении мы почти не имеем других сведений, кроме сообщенных Гоголем в последнем из «Четырех писем к разным лицам по поводу «Мертвых душ», напечатанных в той же книге. «Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу». В несомненной связи с сожжением второго тома и написанием «Завещания» находится и попытка Гоголя в конце июня — начале июля 1845 года оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Об этом рассказывает в своих «Записках» Марфа Степановна Сабинина — дочь веймарского православного священника Степана Карповича Сабинина.

«17 (29) июня ⟨1845 года⟩... Узнали, что приехали и были у отца Николай Васильевич Гоголь и граф Александр Петрович Толстой. На другой день они пришли к отцу, и я в первый и последний раз видела знаменитого писателя. Он был небольшого роста и очень худощав; его узкая голова имела своеобразную форму — френолог бы сказал, что выдаются религиозность и упрямство. Светлые волосы висели прямыми прядями вокруг головы. Лоб его, как будто подавшийся назад, всего больше выступал над глазами, которые были длинноватые и зорко смотрели; нос сгорбленный, очень длинный и худой, а тонкие губы имели сатирическую улыбку. Гоголь был очень нервный, движения его были живые и угловатые, и он не сидел долго на одном месте: встанет, скажет что-нибудь, пройдется несколько раз по комнате и опять сядет. Он приехал в Веймар, чтобы поговорить с моим отцом о своем желании поступить в монастырь. Видя его болезненное состояние, следствием которого было ипохондрическое настроение духа, отец отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения. Вообще Гоголь мало говорил, оживлялся только когда говорил, а то все сидел в раздумье. Он попросил меня сыграть ему Шопена; помню только, что я играла ему. Моей матери он подарил хромолитографию — вид Брюлевской террасы*, она наклеила этот вид в свой альбом и попросила Гоголя подписаться под ним. Он долго ходил по комнате, наконец сел к столу и написал: «Совсем забыл свою фамилию; кажется, был когда-то Гоголем». Он исповедовался вечером накануне своего отъезда, и исповедь его длилась очень долго. После Святого Причастия он и его спутник сейчас же отправились в дальнейший путь в Россию, пробыв в Веймаре пять дней».

Отец Стефан Сабинин, к которому обратился Гоголь, был личностью незаурядной: выдающийся богослов, историк, филолог, составитель первого в России библейского лексикона. Его дом в Веймаре был своеобразным центром русской культуры. В семье Сабининых, состоявшей из одиннадцати детей, выделялась дочь Марфа, которая впоследствии была одной из основательниц Общества Красного Креста в России. Став монахиней, она возглавляла общину сестер милосердия Святого Благовещения в Крыму.

Хотя Марфе во время встречи с Гоголем было только 14 лет, мы можем отнестись к ее воспоминаниям с полным доверием. Запись в альбом матери — «...Кажется, был когда-то Гоголем»,— заставляет вспомнить осуждение писателем своих сочинений в библиотеке отца Иоанна Базарова: Гоголь как бы видит себя уже монахом.

Отзвук поездки в Веймар можно найти в письме Гоголя «Нужно проездиться по России», вошедшем в «Переписку с друзьями» и адресованном графу Толстому, чьи устремления также были направлены к монашеству: «Нет выше званья, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышленье мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать. Чтобы приобресть право удалиться от мира, нужно уметь распроститься с миром... Нет, для вас так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь ваш — Россия!»

По словам Василия Андреевича Жуковского, настоящим призванием Гоголя было монашество. «Я уверен,— писал Жуковский Плетневу в марте 1852 года из Бадена, получив известие о смерти Гоголя,— что если бы он не

* Парк на набережной Дрездена.

начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы был монахом, и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно».

Последнее десятилетие жизни Гоголя проходит под знаком все усиливающейся тяги к иночеству. Не давая монашеских обетов нестяжания, целомудрия и послушания, он был монахом в миру. Гоголь не имел своего дома и жил у друзей — сегодня у одного, завтра у другого. Свою долю имения он отказал в пользу матери и остался нищим — помогая при этом бедным студентам из средств, полученных за издание своих сочинений. После смерти Гоголя все личное имущество его состояло из нескольких десятков рублей серебром, книг и старых вещей — а между тем созданный им фонд «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукою и искусством», составлял более двух с половиной тысяч рублей. Современники не оставили никаких свидетельств о близких отношениях Гоголя с какой-либо женщиной. О силе его послушания говорит тот поразительный факт, что он по указанию своего духовного отца сжег главы незаконченного труда и фактически отказался от художественного творчества. О том, насколько труден этот шаг был для Гоголя, можно судить по его признанию в «Авторской исповеди»: «Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я все прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего».

Однако подлинный трагизм ситуации заключался в том, что монашеский склад был только одной и, вероятно, не главной стороной гоголевской натуры. Художническое начало побеждало в нем; кризис Гоголя — следствие глубочайшего внутреннего конфликта между духовными устремлениями и писательским даром.

Напряженная внутренняя жизнь этих лет отразилась и на внешнем облике Гоголя. Анненков, встретивший его в 1846 году в Париже, вспоминает: «Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа».

Итогом кризиса 1845 года стали «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшие в самом конце 1846 года. Основная идея книги, ее зерно, зародилась еще в 1844 году — в «Правиле жития в мире», которое глубиной мысли и лаконизмом формы напоминает апостольские послания: «Начало, корень и утвержденье всему есть любовь к Богу. Но у нас это начало в конце, и мы все, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога».

Перелом в умонастроении Гоголя, явственно отразившийся в «Переписке с друзьями», был для многих полной неожиданностью. Книга была враждебно встречена критикой и большинством читающей публики. Гоголь как бы нарушил законы жанра и в светском произведении заговорил о таких вопросах, которые исконно считались привилегией духовной прозы. Князь Вяземский не без остроумия писал Шевыреву в марте 1847 года: «...Наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи».

В «Переписке» видели отказ Гоголя от художественного творчества и самонадеянные попытки проповедничества. Распространилось даже убеждение, что Гоголь помешался, и оно держалось до последних дней жизни писателя. Иван Тургенев, посетивший его в октябре 1851 года вместе с актером Михаилом Щепкиным, вспоминал, что они «ехали к нему, как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... Вся Москва была о нем такого мнения». В который раз подтвердились слова апостола Павла: *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно* (1 Кор. 2, 14).

Вокруг Гоголя сложилась атмосфера трагического непонимания. Он сделал вывод из резкой критики: «Не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье». Он возвращается к «Мертвым душам» с убеждением: «здесь мое поприще» — и работает над ними вплоть до самой смерти. Но сомнения и тяга к иноческой жизни остаются.

* * *

После Веймара Гоголь еще по меньшей мере дважды пытался если не уйти в монахи, то хотя бы приблизиться к монастырю,— в конце жизни он собирался на Афон и несколько раз ездил в Оптину Пустынь. Одним из ключевых моментов его духовного развития стало паломничество в Иерусалим в 1848 году.

Истоки этой поездки уходят в детство Гоголя. В своем доме он, несомненно, слышал многочисленные рассказы близких и странников о Святой Земле и читал книжки об Иерусалиме, в изобилии выпускавшиеся для народа. Это отразилось потом в ранних произведениях писателя: «Читали ли вы... книгу «Путешествие Коробейникова по Святым Местам»? Истинное услаждение души и сердца!..Истинно удивительно, государь мой, как подумаешь, что простой мещанин прошел

все места эти... Подлинно его Сам Господь сподобил побывать в Палестине и Иерусалиме» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка», 1832).

В рецензии на книгу «Путешествие к Святым Местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконом Троицкой Лавры» (предназначавшейся для пушкинского «Современника») Гоголь писал: «Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе... Почти такое производит на них впечатление путешествие в Цареград, как будто невольная признательная черта, сохранившаяся в русском племени, за тот свет, который некогда истекал оттуда. Нередко русский мещанин, промышленник сколько-нибудь ученый, бросив дела, отправлялся сам в Иерусалим и Цареград...»

Неизвестно в точности, когда замысел поездки в Святую Землю возник у самого Гоголя, но уже в начале 1842 года он получил благословение на это от преосвященного Иннокентия, в ту пору епископа Харьковского. Аксаков так рассказывает об этом: «Вдруг входит Гоголь с образом Спасителя в руках и сияющим, просветленным лицом. Такого выражения в глазах у него я никогда не видывал. Гоголь сказал: «Я все ждал, что кто-нибудь благословит меня образом, и никто не сделал этого; наконец, Иннокентий благословил меня. Теперь я могу объявить, куда я еду: ко Гробу Господню». И когда жена Аксакова, Ольга Семеновна, сказала, что ожидает теперь от него описания Палестины, Гоголь ответил: «Да, я опишу вам ее, но для того мне надобно очиститься и быть достойным».

Во время встречи с Владыкой Иннокентием Гоголь, по-видимому, условился увидеться с ним в Иерусалиме. В мае 1842 года, накануне своего отъезда за границу, он послал ему экземпляр только что вышедших «Мертвых душ» вместе с письмом, в котором выражал надежду на встречу у Гроба Господня: «Всемогущая сила над нами. Ничто не совершается без нее в мире. И наша встреча была назначена свыше. Она залог полной встречи у Гроба Господа... Ваш образ, которым вы благословили меня, всегда будет со мною!» С этим образом Гоголь не расставался, а после смерти он хранился у Анны Васильевны Гоголь, сестры писателя.

Паломничество в Иерусалим состоялось только в 1848 году, хотя стремление в Святую Землю Гоголь хранил все эти годы,— пытаясь поехать и в 1845, и в 1847 годах.

О своем намерении совершить путешествие в Иерусалим Гоголь публично объявил в предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями», прося при этом прощения у своих соотечественников, испрашивая молитв у всех в России — «начиная от святителей» и кончая теми, «которые не веруют вовсе в молитву», и в свою очередь, обещая молиться о всех у Гроба Господня.

В 1847 году в Иерусалиме в связи с большим числом паломников из России была основана Русская Духовная миссия. Начальником ее был назначен архимандрит Порфирий (Успенский), впоследствии епископ Чигиринский, крупнейший знаток культуры христианского Востока; в составе миссии находились также иеромонах Феофан (Говоров), будущий епископ Тамбовский, Владимирский и Суздальский, знаменитый Затворник Вышинский, и только что окончивший Петербургскую Семинарию молодой священник отец Петр Соловьев. Последний оставил воспоминания о встрече с Гоголем в январе 1848 года на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии — в Бейрут, откуда миссия должна была отправиться в Иерусалим. Архимандрит Порфирий отрекомендовал Гоголю отца Петра как художника. Гоголь показал тому маленький образ Святителя Николая и спросил его мнения о работе. «По всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею как святынею»,— вспоминал отец Петр.

Из Бейрута Гоголь и его спутник, отставной генерал М. И. Крутов, в сопровождении нежинского однокашника Гоголя, русского генерального консула в Сирии и Палестине Константина Базили, отправились в Иерусалим. Примерно в середине февраля 1848 года в записной книжке Гоголя появляется запись: «Николай Гоголь — в Св. Граде».

Пребывание Гоголя в Святой Земле — довольно неясный эпизод его духовной биографии: по свидетельству современников, сам он не любил вспоминать о нем. Гоголь осуществляет все то, что полагается паломнику: проходит по местам земной жизни Спасителя, говеет и приобщается Святых Таин у Гроба Господня, молится за всю Россию — подобно своему далекому предшественнику, древнерусскому паломнику игумену Даниилу, который в XII веке молился здесь за себя и еще больше за Русскую землю.

Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и теплого чувства: «Я стоял в нем (алтаре.— *В. В.*) один; передо мною только священник, совершавший Литургию. Диакон, призывавший народ к молению, уже был позади меня, за стенами Гроба. Его голос уже мне слышался в отдалении. Голос же народа и хора, ему ответствовавшего, был еще отдаленнее. Соединенное пение русских паломников, возглашавших «Господи, помилуй» и прочие гимны церковные, едва доходило до ушей, как бы исходившее из какой-нибудь другой области. Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моленья и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моленья не в силах были угнаться за нею. Я не успел почти опомниться, как очутился перед Чашей, вынесенной священником из вертепа для приобщенья меня,

недостойного...» (из письма Жуковскому в апреле 1848 года).

Однако в целом паломничество, видимо, не дало тех плодов, на которые Гоголь надеялся,— некоего духовного просветления. «Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем,— писал он тому же Жуковскому в феврале 1850 года,— чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика *черствость* моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Таин, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное».

Позднее Гоголь не раз еще собирался в Иерусалим. Однажды Н. Н. Сорен, урожденная Смирнова, дочь Александры Осиповны, тогда еще маленькая девочка, спросила его: «А меня возьмете в Иерусалим?» Гоголь ответил задумчиво: «Я не скоро поеду; мне нужно прежде кончить дело».

В Иерусалиме Гоголю побывать больше не удалось — как не удалось ему и съездить на Святой Афон, куда он также стремился. Летом 1850 года Иван Аксаков извещал родных о письме Смирновой, которая сообщала, что «Гоголь, вероятно, поселится на Афонской Горе и там будет кончать «Мертвые души». А осенью Смирнова сама писала Гоголю о поездке на Святой Афон как о деле, уже для него решенном.

Святой Афон в судьбе Гоголя, в частности, был связан с именем тамошнего инока и известного духовного писателя Святогорца (Семена Авдиевича Веснина). Он был человеком трагической и высокой судьбы. Оставшись круглым сиротой в 13 лет, с детства имел мечту о паломничестве по святым местам, но смог осуществить ее, только пройдя через тяжелое горе — смерть жены и дочери. Уже вдовым священником он побывал в Соловецком монастыре и у святынь Москвы и Киева. В 1839 году в Вятке постригся с именем Серафим, а через четыре года вступил в братию Афонского Пантелеимонова монастыря (Руссика), где еще через год принял схиму с именем Сергия (ему было всего 30 лет). В середине 1840-х годов он побывал в Иерусалиме. В 1850 году вышли «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской». Для издания этой книги отец Сергий ездил в Москву; после возвращения на Афон в 1851 году он поселился в специально построенной для него Космо-Дамиановской келлии, где подвизался вместе со старцем Геронтием.

С Гоголем Святогорец познакомился, вероятнее всего, в бытность свою в Москве. Он вспоминал об одном литературном вечере весной 1850 года: «...тут же мой лучший друг, прекрасный по сердцу и чувствам Николай Васильевич Гоголь, один из лучших литераторов... Я в особенно близких отношениях здесь с графом Толстым, у которого принят, как домашний... Граф Толстой прекрасного сердца и очень прост. По знакомству он выслал экземпляр моих писем одному из городских священников Тверской губернии, и тот читал мои сочинения в церкви вместо поучений на первой неделе Великого поста, о чем извещал графа». Священник этот, вне сомнения, протоиерей Матфей Константиновский, духовный отец Гоголя и графа Толстого.

Зиму 1850/51 года Гоголь провел в Одессе и встречался там со Святогорцем. Узнав о кончине Гоголя, тот писал уже с Афона в апреле 1852 года: «Смерть Гоголя — торжество моего духа. Покойный много потерпел и похворал, надобно и пора ему на отдых в райских обителях. Жаль только, что он не побывал у нас. Я очень любил его; в Одессе мы с ним видались несколько раз, и наше расставание было условное — видеться здесь. Судьбы Божии непостижимы! В последнее время его считали помешанным — за то, что он остепенился и сделался христианином. Вот ведь мирская-то мудрость! Толкуйте с миром!»

* * *

Вместо Афона Гоголь оказался в Оптиной Пустыни.

Козельская Введенская Оптина Пустынь стала в середине XIX века центром духовной жизни России — благодаря старчеству, процветавшему в ее Иоанно-Предтеченском скиту. С основания скита в 1821 году учениками и последователями великого старца преподобного Паисия Величковского, переводчика на церковнославянский язык «Добротолюбия», и начинается расцвет Оптиной. Старцы привлекали в монастырь всю верующую Россию — от простого народа до государственных деятелей, искавших ответа на мучившие их вопросы. Приезжали туда и крупнейшие русские писатели — Достоевский, Лев Толстой, Константин Леонтьев. Первым в этом ряду был Гоголь.

В Оптиной Пустыни Гоголь был по крайней мере трижды: в июне 1850 года и в июне и сентябре 1851 года. Когда у него созрел замысел первой поездки — в точности неизвестно. Первое свидетельство об интересе Гоголя к Оптиной относится к 1846 году. В. А. Муханов писал в августе этого года сестрам из Остенде: «Здесь мы нашли Гоголя, с которым познакомились. Он очень замечателен, в особенности по набожному чувству, христианской любви... Недавно читал он нам два прекрасных письма молодого Жерве, писанные из Оптиной Пустыни». (Речь идет о Петре Александровиче Жерве, отставном поручике, ставшем в 1844 году оптинским иноком.)

Согласно преданию, пересказанному оптинским старцем Варсонофием, мысль о посещении обители подал Гоголю М. П. Погодин. Он будто бы сказал ему: «Надо ехать в монастырь... он называется Оптина Пустынь

и находится в Калужской губернии... В Оптиной есть один старец, иеросхимонах Макарий, вот с ним-то и поговорите. Это и есть тот человек, которого ищете».

По другой версии, изложенной в рукописном житии старца Макария (хранящемся ныне в библиотеке монастыря), Гоголя послал в Оптину Иван Киреевский. Последнее представляется более вероятным. Еще в январе 1845 года Киреевский справлялся у Жуковского о Гоголе: «Особенно хотелось бы мне слышать от вас о том сильном религиозном направлении, которое, кажется, теперь овладело им. Откуда оно развилось, куда идет и докуда дошло. Страшно, чтобы в Париже не подольстились к нему иезуиты. Изучал ли он особенно нашу Церковь?» Киреевский, ставший незадолго до этого духовным чадом отца Макария, как никто другой, понимал значение старчества. «Существеннее всяких книг и всякого мышления,— писал он А. И. Кошелеву,— найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты мог бы сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов». Вероятно, нечто подобное Киреевский высказывал и Гоголю. Во всяком случае, в июне 1850 года Гоголь вместе с Михаилом Максимовичем, проездом на юг, в Малороссию, заезжает в Оптину.

13 июня друзья выехали из Москвы на долгих. Первую ночь они провели в Подольске, где встретили супругов Хомяковых, с которыми коротали вечер в дружеской беседе. 15 июня Гоголь и его спутник ночевали в Малом Ярославце, утром отстояли молебен в тамошнем Николаевском монастыре, настоятель которого отец Антоний напоил их чаем и благословил каждого финифтяным образком Святителя Николая Чудотворца.

Игумен Антоний (в миру Александр) был одним из трех братьев Путиловых, известных подвижников христианского благочестия. В течение 14 лет был начальником Иоанно-Предтеченского скита, последующие 14 лет управлял Малоярославецким Николаевским монастырем, а последние 12 лет проживал на покое в Оптиной Пустыни. Его брат, архимандрит Моисей (до пострижения Тимофей), был настоятелем Оптиной почти 40 лет; за эти годы монастырь совершенно преобразился и обустроился, развернулась его издательская деятельность, расцвело старчество. Третий брат Путилов, отец Исаия (в миру Иона), был игуменом Саровской обители. Со всеми тремя братьями Гоголь был знаком.

16 июня Гоголь и Максимович провели в Калуге, днем обедали у Смирновой, калужской губернаторши, старой приятельницы Гоголя. Здесь, в присутствии графа Алексея Константиновича Толстого, Николай Васильевич говорил о своем намерении «проездиться по России». Первый биограф писателя П. А. Кулиш рассказывает со слов Максимовича: «Между прочим, путешествие на долгих было для него (Гоголя.— *В. В.*) уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, ездя по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частию были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того, чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того, чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, «чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился».

Из Калуги Гоголь и его спутник отправились в Оптину Пустынь. Последние две версты до монастыря они прошли пешком, как и полагается паломникам. По дороге встретили девочку с мисочкой земляники и хотели купить у нее ягоды. Но та, видя, что они люди дорожные, не захотела взять с них денег и отдала землянику даром, отговариваясь тем, что «как можно брать с странных людей».

«Пустынь эта распространяет благочестие в народе,— сказал Гоголь, умиленный этим явлением.— И я не раз замечал подобное влияние таких обителей».

В Оптиной Гоголь, по воспоминаниям иноков, присутствовал на всенощном бдении, во время которого «молился весьма усердно и с сердечным умилением», затем посетил старцев. Было это, по всей видимости, 17 июня (этот день в 1850 году приходился на субботу, когда совершается под воскресенье всенощное бдение). 19 июня путешественники уехали в имение Киреевского Долбино, находившееся в сорока верстах от монастыря.

Отсюда Гоголь на следующий день написал письмо оптинскому иеромонаху Филарету: «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо...» Гоголь понял, что оптинский дух стал для него жизненно необходимым: «Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыни».

Именно в первый свой приезд Гоголь познакомился со столпами оптинского монашества — игуменом Моисеем и старцем Макарием. Есть предание, что отец Макарий, обладавший даром прозорливости, предчувствовал приход Гоголя. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Говорят,

он был в то время в своей келлии (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: «Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то». В то время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь».

В упоминавшемся уже житии старца Макария говорится: «В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожила, бывшего настоятеля Оптиной обители, архимандрита Досифея, прожил на монастырской гостинице недели три. Во все это время он ежедневно посещал старца и подолгу с ним беседовал». Здесь явно допущена неточность. Гоголь пробыл в Оптиной в свой первый приезд не три недели, а три дня (с 17 по 19 июня). «Также до товерно известно,— продолжает автор жития,— что батюшка о. Макарий, с христианской точки зрения, не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям Евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария... После того Гоголь еще раза два приезжал в Оптину к батюшке о. Макарию и во время своего пребывания на монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту».

Почти несомненно, что в беседе со старцем речь зашла и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В библиотеке Оптиной Пустыни хранился экземпляр книги с вложенным в нее отзывом святителя Игнатия (Брянчанинова), переписанным рукой старца Макария. Преосвященный Игнатий всю жизнь сохранял особую близость к Оптиной: в юности, будучи духовным сыном старца Леонида, он проходил там послушание и на склоне лет намеревался поселиться в Иоанно-Предтеченском скиту. В описываемую пору он был архимандритом, настоятелем Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга. К книге Гоголя святитель Игнатий отнесся довольно критически: «...Она издает из себя свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение; тут между многими правильными мыслями много неправильных. Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу Истины, где начало всех духовных благ». В заключение святитель советовал своим друзьям читать святых отцов, «стяжавших очищение и просвещение по подобию Апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновение Святаго Духа».

Неизвестно, каким путем отзыв преосвященного Игнатия попал в Оптину; возможно, его привез сам Гоголь, узнавший мнение святителя сразу по выходе книги, еще в 1847 году. Тогда Плетнев, издатель «Переписки», отправил книгу друзьям Гоголя Балабиным; Мария Балабина, бывшая ученица Гоголя, передала ее для прочтения святителю Игнатию, и тот возвратил книгу со своим отзывом, а Мария через Плетнева переслала его Гоголю.

Поблагодарив Плетнева за присланный отзыв, Гоголь в письме из Неаполя в мае 1847 года признал справедливость упреков, но утверждал, что для произнесения полного суда над книгой «нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случая сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...»

Последнее замечание Гоголя о святителе Игнатии едва ли справедливо. Мир ему был хорошо известен — до монашества он служил военным инженером, вращался в высших кругах Петербурга и среди литераторов и, таким образом, мог изучить человеческие страсти. С юности стремившийся к подлинной духовно-нравственной жизни и явивший в себе высокий образец такой жизни, святитель в этом смысле был, разумеется, неизмеримо опытнее Гоголя. Весьма показательно, например, его отношение к популярной в России книге «О подражании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского. Эта книга, которую многие современники Гоголя, и в частности Пушкин, ставили рядом с Евангелием и которой увлекался сам Гоголь — он рекомендовал ее для чтения своим друзьям,— оказала определенное влияние на «Выбранные места из переписки с друзьями». Насколько Гоголь высоко оценивал книгу Фомы Кемпийского, настолько святитель Игнатий резко ее порицал: «Книга эта написана из «мнения»,— считал он,— и «ведет читателей своих прямо к общению с Богом без предочищения покаянием: почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жительству учением святых отцов Православной Церкви».

В один из приездов в Оптину (возможно, и в первый) Гоголь прочитал рукописную книгу — на церковнославянском языке — святого Исаака Сирина (с которой в 1854 году старцем Макарием было сделано печатное издание), ставшую для него откровением. В монастырской библиотеке хранился экземпляр первого издания «Мертвых душ» с пометами Гоголя. На полях 11-й главы, против того места, где речь идет о «прирожденных страстях», он набросал карандашом: «Это я писал в «прелести», это вздор — прирожденные страсти — зло, и все усилия

разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их... Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников». Эти заметки — как бы продолжение мысленного разговора со святителем Игнатием и своеобразный ответ ему.

Посещение Оптиной произвело на Гоголя глубокое впечатление. Спустя три недели он писал графу Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное... Вы постарайтесь побывать в этой обители...»

В первый приезд Гоголя в Оптину произошло его знакомство с человеком удивительной судьбы, Петром Александровичем Григоровым, к тому времени рясофорным послушником. В миру он был гвардейским офицером; из прошлой его жизни широко известен забавный эпизод. Однажды на батарею к Григорову приехал некий молодой человек; когда в нем был узнан Пушкин, пылкий артиллерист, поклонник великого поэта, немедленно произвел пушечный салют в его честь, за что и был посажен на гауптвахту. Иноческую жизнь Петр Григоров начал келейником у знаменитого Задонского Затворника Георгия, духовную близость к которому он сохранил и перейдя в Оптину Пустынь. Им были изданы «Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского Богородицкого монастыря, Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных» (ч. 1—3; 1-е изд. 1839, 2-е 1844, 3-е 1845). Проживая в Иоанно-Предтеченском скиту, Петр Григоров положил начало изданию оптинских книг.

По приезде Гоголя игумен Моисей поручил послушнику Петру показать гостю все примечательные места в обители. Несмотря на краткость знакомства и беседы, Гоголь очень полюбил Григорова и впоследствии говорил о нем: «Он славный человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев: он всегда весел, всегда снисходителен. Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин».

Темы разговоров Гоголя и Григорова были разнообразны. В частности, в Оптиной сохранилось следующее предание, пересказанное преподобным Амвросием: «С IV века и доныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника Божия св. Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение 15 веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной Пустыни, передавал издателю жития и писем Затворника Задонского Георгия (о. Порфирию Григорову), что он сам видел мощи св. Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы была прорезана и тело набальзамировано; потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай».

По отъезде из Оптиной, уже из Васильевки, Гоголь написал Григорову письмо, прося показать обитель и его племяннику, Николаю Трушковскому. О посещении монастыря Гоголь вспоминал с сердечной теплотой: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье». В заключение Гоголь просит молитв, «в особенности отца игумена», и передает деньги на молебен о благополучном путешествии. Трушковский приехал в Оптину в очень неподходящий момент: Петр Григоров только что был пострижен в мантию с именем Порфирия и неисходно находился пять дней в храме. Но он поручил другому человеку показать юноше монастырь и дал ему рекомендальные письма к влиятельным лицам в Калуге. Переписка Гоголя с отцом Порфирием продолжалась и зимой 1850/51 года, причем письма инока выдают определенный литературный дар и глубокое преклонение перед Гоголем: «Признательное отечество не забудет вас!.. Пишите, пишите и пишите для пользы соотечественников, для славы России...»

Очевидно, еще летом у Гоголя с Григоровым шел разговор о книгах Затворника Георгия. Его письма Гоголь читал и раньше: выдержки из них есть в упоминавшемся сборнике из творений святых отцов и учителей Церкви. Тогда Гоголь пользовался изданием 1839 года. Теперь отец Порфирий посылает ему одно из последующих изданий (1844 или 1845 года), дополненное новыми письмами и «Кратким известием о жизни Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия», составленное Петром Григоровым. В конце января 1851 года отец Порфирий писал Гоголю: «Препровождаю к вам обещанные мною книги Затворника Задонского Георгия... Вы увидите, что и он был поэт, и душа его стремилась к небу... Я надеюсь, что и жизнь его прочтете с удовольствием».

Гоголь отвечал ему из Одессы в начале марта 1851 года: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий

Пост!.. Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами».

Это письмо отец Порфирий мог уже и не прочитать: он почил о Господе 15 марта 1851 года, приобщившись за несколько минут до кончины Святых Таин. Свою смерть отец Порфирий предсказал за неделю. Внешне она произошла как следствие сильной простуды, перешедшей в тифозную горячку. 90-летний старец отец Иларион Троекуровский, живший в Лебедянском уезде за 300 верст от Оптиной и не знавший ничего о болезни отца Порфирия, прислал ему рубашку (в которой он и умер), пузырек масла и кусок ржаного хлеба, выразив, однако, сомнение, что посланное застанет отца Порфирия в живых. Скончался он во время чтения отходной.

Во второй раз Гоголь был в Оптиной Пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851 года. Об этом посещении, выпавшем из поля зрения биографов Гоголя, известно из записи в дневнике оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) от 2 июня 1851 года: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту Литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия».

В этот приезд Гоголь узнал об обстоятельствах смерти отца Порфирия и беседовал со старцами. По возвращении в Москву он пишет письма архимандриту Моисею и старцу Макарию (последнее не сохранилось), в которых благодарит за гостеприимство, просит молитв и посылает деньги на обитель. Старцы, в свою очередь, благодарят Гоголя, а отец Макарий, кроме того, исполняет его просьбу — благословляет на написание книги по географии России для юношества. Замысел этого труда возник у Гоголя давно, и именно с ним связаны предполагаемые поездки по монастырям. В набросках официального письма (июль 1850 года), испрашивая материальной помощи на три года, он излагает свои соображения по этому поводу: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом...»

Старец Макарий преподал искомое благословение, но предупредил сочинителя, чтобы тот ждал препятствий в благом деле: «...По желанию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению... Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения». Замысел этот остался неосуществленным.

Третий, и последний, раз Гоголь посетил святую обитель в сентябре 1851 года. 22 сентября он выехал из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры, намереваясь оттуда проехать в Крым и остаться там на зиму. Однако, доехав до Калуги, он отправился в Оптину, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Поездка породила разнообразные толки среди знакомых Гоголя. Действительно, в этом эпизоде много загадочного. Достоверно известно следующее.

24 сентября Гоголь был у старца Макария в скиту, а на другой день обменялся с ним записками, из которых видно, что Гоголь пребывал в нерешительности — ехать или не ехать ему на родину. Он обратился к старцу за советом. Тот, видя подспудное желание Гоголя возвратиться, и посоветовал ему это. Но Гоголь продолжал сомневаться. Тогда отец Макарий предложил все-таки поехать в Васильевку. Очевидно, мысль о дальнем путешествии испугала Гоголя, и старец, в полном недоумении, оставил решение на него самого, благословив его образком Преподобного Сергия Радонежского (память которого совершалась в тот день). Очевидно, между Гоголем и отцом Макарием состоялся какой-то разговор, содержание которого осталось нам неизвестным. Возможно, Гоголь имел намерение остаться в монастыре. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям: «Есть предание, что незадолго до смерти он (Гоголь.— *В. В.*) говорил своему близкому другу: «Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит!»

Владимир ВОРОПАЕВ

(Окончание следует)

● 12 марта в Российском фонде культуры состоялась презентация золотой и серебряной медалей, посвященных 600-летию преставления Преподобного Сергия Радонежского. Медали учреждены обществом «Радонеж».

Первая золотая медаль вручена Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Серебряная медаль — епископу Истринскому Арсению (Епифанову).

После вручения медали в ответном слове Святейший Патриарх, в частности, сказал:

Сегодняшняя встреча является как бы продолжением пережитых нами дней, связанных с 600-летием преставления Преподобного Сергия. В наше непростое время мы постоянно чувствуем молитвенное предстательство, помощь этого великого подвижника земли Русской. Прошлый год был действительно годом Преподобного Сергия Радонежского: по всей Руси прошли богослужения, встречи, конференции, семинары, чтения, посвященные его жизненному подвигу. Промыслительно, что мы отмечаем юбилей великого подвижника, который, как и мы, жил в непростое для Руси время — время удельных распрей. Преподобный Сергий служил жизнью своей преодолению розни мира сего. Это его служение должно и нас всех побудить следовать его примеру.

Все мы пережили семьдесят лет гонений за веру, разрушения культурных национальных ценностей, поругания святынь. Мы сполна заплатили за эти годы духовного вавилонского пленения: сколько жизней россиян было отдано, сколько святынь разрушено! И сегодня россияне хотят возродить не только свои национальные духовные и исторические памятники, но и человеческие души.

Нелегко осуществить это возрождение. Слишком много разрушено. Сможем ли мы восстановить сегодня храмы в их былом благолепии? Энтузиазм, с которым православные общины возрождают свои приходские храмы, а монастыри с немногочисленными насельниками или насельницами — поруганные и осквернённые обители, вселяет оптимизм. В церквах часто еще нет крыши над головой, но уже совершаются богослужения, осуществляется духовное и нравственное возрождение людей, которые приходят к этим руинам, чтобы вернуться к корням. Нам действительно необходимо вернуться к своей истории, вспомнить ее. Празднование 1000-летия Крещения Руси и 600-летия со дня преставления Преподобного Сергия Радонежского многое сделали для этого возвращения. Исторический опыт научает нас, как сегодня выжить, как осуществлять свою деятельность по возрождению русской культуры, духовности, нравственных основ в нашем обществе.

Множество инославных проповедников приходят сегодня в города Руси как будто в пустыню, как будто здесь никогда не было Церкви, никогда не проповедовалось слово Божие. Я глубоко убежден, что не желание христианизировать Россию влечет их сюда, а попытка разделить нас, россиян, еще и по вероисповедному, конфессиональному признаку, когда мы уже разделены по политическим взглядам, социальному положению, национальной принадлежности. Как это опасно для России, для ее будущего, для ее духовного, нравственного и культурного становления!..

● 22 февраля Священный Синод Русской Православной Церкви под председательством Святейшего Патриарха Алексия II ПОСТАНОВИЛ:

Образовать Курганскую епархию Московского Патриархата в пределах Курганской области; епископом Курганским и Шадринским быть игумену Михаилу (Расковалову), клирику Екатеринбургской епархии. По возведении в сан архимандрита наречение и хиротонию во епископский сан совершить в Москве.

Образовать епархию Московского Патриархата в Республике Саха (Якутия); епископом Якутским и Вилюйским быть архимандриту Герману (Моралину), клирику Владимирской епархии и благочинному Юрьево-Кольчугинского округа. Наречение и хиротонию архимандрита Германа во епископский сан совершить в Москве.

Образовать епархию Московского Патриархата на Сахалине; епископом Южно-Сахалинским и Курильским назначить Преосвященного епископа Магаданского и Камчатского Аркадия с поручением ему временного управления Магаданской епархией.

Образовать епархию Московского Патриархата на Камчатке; епископом Петропавловским и Камчатским быть насельнику Троице-Сергиевой Лавры иеромонаху Диомиду (Дзюбан). По возведении в сан архимандрита наречение и хиротонию иеромонаха Диомида в епископский сан совершить в Москве.

Включить в юрисдикцию Корсунской епархии приходы Русской Православной Церкви на территории Франции, Италии и Швейцарии, за исключением ставропигиального храма Рождества Пресвятой Богородицы в г. Женеве (Швейцария).

Священный Синод назначил:

митрополитом Ростовским и Новочеркасским — митрополита Псковского и Великолукского Владимира;

архиепископом Псковским и Великолукским — архиепископа Самарского и Сызранского Евсевия;

епископом Самарским и Сызранским — епископа Азовского Сергия, викария Ростовской епархии;

епископом Балтийским, викарием Смоленской епархии,— игумена Пантелеимона (Кутового), настоятеля кафедрального собора в Калининграде. Епископская хиротония, по возведении его в сан архимандрита, совершена в Смоленске;

епископом Белгородским, викарием Курской епархии,— архимандрита Иоанна (Попова), ректора Курской Духовной Семинарии. Наречение и хиротония совершены в Москве.

Архиепископ Курский впредь будет носить титул «Курский и Рыльский».

● 24 февраля в Доме дружбы с зарубежными странами состоялась презентация Российского Православного университета святого апостола Иоанна Богослова. Торжественный акт открыл игумен

Иоанн (Экономцев), ректор Российского Православного университета. Он подчеркнул, что учебные программы будут ориентированы на синтез науки и религии, планируется разработать богословский подход к научным и общественным проблемам. Открыты три факультета: философский, библейско-патрологический и историко-филологический. Формируются факультеты правоведческий, экономический, естественный, медицинский.

Святейший Патриарх Алексий II поздравил присутствовавших с открытием первого церковного университета в истории России, пожелал преподавателям и студентам помощи Божией в их делании и преподал им первосвятительское благословение.

● Власти Нижнего Тагила потребовали немедленно покинуть город вещавших о наступлении конца света монахов «Белого братства» — незарегистрированной в России организации. К требованиям властей присоединилось духовенство Русской Православной Церкви.

● Правящий архиерей Петрозаводской и Олонецкой епархии епископ Мануил сложил с себя полномочия депутата Верховного Совета Карелии. Он объяснил это тем, что каждый должен заниматься своим делом.

● Впервые за 70 лет в научно-исследовательском институте акушерства и гинекологии им. Отто совершено Таинство Крещения родившихся здесь трех младенцев. Убранство крестильной комнаты воссоздано по фотографиям 1913 года бывшего императорского клинического повивального института. В центре комнаты — большой витраж с изображением Богоматери и Младенца Христа. Это копия работы художника В. М. Васнецова. Крестильню освятил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, а крещение совершил настоятель Андреевского собора отец Александр.

● Совершено кощунство. Неизвестными лицами тремя выстрелами пробито толстое стекло, заслоняющее Неугасимую лампаду в нише памятника святым равноапостольным Кириллу и Мефодию на Славянской площади. Лампада, возжженная на Гробе Господнем в мае 1992 года, к счастью, не пострадала.

● 8 февраля лучшим студентам Московского высшего коммерческого училища вручены персональные стипендии попечителей. Главную из них, имени преподобного Иосифа Волоцкого, студентке первого курса Юлии Гуняевой вручил председатель попечительского совета училища митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

● Вышел в свет первый номер газеты «Православное слово», издаваемый прихожанами церкви Воздвижения Креста Господня на Чистом Вражке. Напутствие новому изданию дал настоятель церкви Николая Чудотворца в Хамовниках протоиерей отец Димитрий Акинфиев, пожелавший «Православному слову» быть словом умиротворяющим, несущим людям основы православного учения, предостерегающим их от пагубных заблуждений.

● 3—5 февраля в Новгороде проходили Арсеньевские дни, посвященные памяти выдающегося иерарха Русской Православной Церкви митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого) (1862—1936). Торжества были организованы Новгородской епархией совместно с Управлением культуры Новгородской области и Новгородским государственным областным архивом.

● 16 февраля в Отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата в Свято-Даниловом монастыре состоялась подготовительная встреча I Всемирного русского Собора, посвященного памяти Преподобного Сергия Радонежского. Инициатор проведения Собора — Всемирный русский конгресс, возглавляемый писателем О. В. Волковым. Проведение первого этапа I Всемирного Собора намечено на 26—28 апреля 1993 года.

● В центре г. Владимира началось возрождение одной из древнейших женских обителей России — Свято-Успенского Княгинина монастыря, основанного в 1200 году великой княгиней Марией Шварновной, супругой великого князя Всеволода III. Пока в монастыре освящена лишь Боголюбская часовня в Благовещенском приделе Успенского собора. Монастырю возвращена уникальная ценность и величайшая православная святыня — икона Божией Матери «Боголюбская».

● Члены минского православного братства во имя Архистратига Михаила направили Председателю Верховного Совета Беларуси Станиславу Шушкевичу письмо с требованием положить конец компрометации Православной Церкви. Авторы письма считают, что униатами ведется антиправославная кампания, в которой принял участие и лидер Белорусского народного фронта Зенон Позняк. Члены братства предлагают правительству Беларуси лишить государственных дотаций издания, причастные к антиправославной пропаганде и разжиганию межрелигиозного противостояния.

● Использовать все конституционные возможности для прекращения преследований Украинской Православной Церкви, содействовать возвращению принадлежащей ей собственности призвал в обращении к Президенту Украины Леониду Кравчуку генеральный секретарь Конференции Европейских Церквей Жан Фишер.

Сдано в набор 05.02.93. Подписано в печать 30.03.93. Заказ 134. Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ХРАМ ВОКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА В СОКОЛЬНИКАХ, МОСКВА

Построен в XX веке

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ